アクセル・ワールド
08
運命の連星
川原 礫
イラスト／HIMA
accel world 08
電撃文庫

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

— Экипировать… «Зе Дестини».

Харуюки вызвал заражённого ISS комплектом Циан Пайла на дуэль, чтобы донести до него свои чувства. Но против той разрушительной силы, которую обрёл Такуму, у него не было ни шанса.

Но когда у него остаётся лишь несколько процентов здоровья, он призывает с помощью таинственного аватара шафранового цвета одно из мощнейших Усиливающих Снаряжений Ускоренного Мира.

— Это что, изначальная форма Брони Бедствия?

Инкарнации, порожденные силой света Кроу и силой тьмы Пайла, резонируют и вгрызаются друг в друга.

Их мысли сплетаются друг с другом и сливаются в единую историю, в конце которой их ждёт…

- Рэки Кавахара
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Послесловие
  - Послесловие команды
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

Рэки Кавахара
Ускоренный мир 8
Двойная звезда судьбы

Над переводом работала команда RuRa-team

Перевод с японского: arknarok

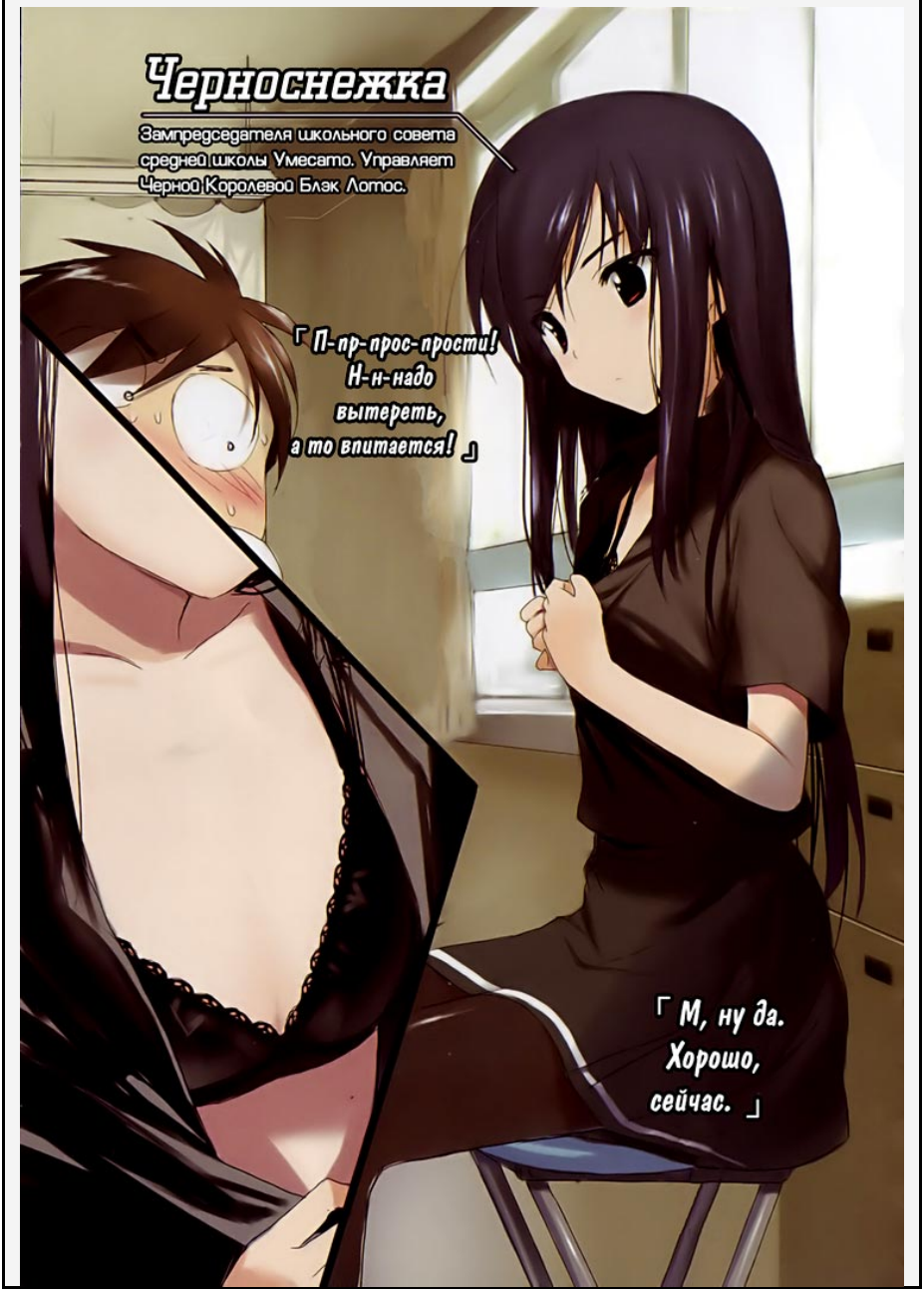
Эдит: Mохпат

Контроль качества: Soundwave1900

Редактура: Ametrin

Сильвер Кроу
Дуальный аватар Харуюки, мальчика из низшей касты средней школы. Заражен Бронёй Бедствия.
「...」
「Молись о том, чтобы моя рука дотянулась до Таку.」
「Хару. Я хочу вернуть Таккуна!」
Циан Пайл
Дуальный аватар Такуму, лучшего друга Харуюки. Состоит в Нега Небьюласе.

Тиюри
Подруга детства Харуюки.
Управляет дуальным аватаром
Лайм Белл и состоит в
Нега Небьюласе.
「Ч-что ты
делаешь?!」


Черноснежка
Зампредседателя школьного совета средней школы Умесато. Управляет Черной Королевой Блэк Лотос.
「 П-пр-прос-прости! Н-н-надо вытереть, а то впитается! 」
「 М, ну да. Хорошо, сейчас. 」

Синомия Утай
Четвероклассница, управляющая аватаром Ардор Мейден, состоявшем в Старом Нега Небьюласе.
「Си... номи... я?..」
「Тебе не о чем беспокоиться, Арита-сан. Скорее всего, социальных камер здесь нет.」

Трилид Тетраоксид
Таинственный аватар в виде юного самурая , встреченный внутри Имперского Замка.
「Так вот какова ваша истинная форма, Кроу-сан. Встреча с вами — настоящая честь для меня...」
「Д-да ладно... это для меня большая честь повстречать тебя, Лид...」

Глава 1

— Экипировать… «Зе Дестини».

В сухом воздухе «Выжженной Земли» послышалась тихая команда, произнесённая Харуюки.

Далёкие завывания ветра, тревожные звуки опустившейся до нескольких делений шкалы здоровья и грохот шагов пробивающегося сквозь стены противника, Циан Пайла, затихли так быстро, словно кто-то отключил звук.

Просторную комнату окутала плотная тишина. Стоявший посреди выжженного бетона Харуюки вдруг ощутил, как одну точку на его теле поразило сильнейшее ощущение.

Боль.

Казалось, будто раскалённое копьё пронзило его между лопаток. Перед глазами поплыл белый шум, а в сознании словно разорвалась бомба. Он не мог дышать, и даже мысли, казалось, разорвались на части.

— Г… гх… а-а!.. — хрипло прокричал Харуюки и выгнулся дугой.

Вдруг в его сознании раздался голос, одновременно далёкий и близкий.

«Бесполезно.

Ты не можешь отделить меня от моего воплощения.

«Судьба», которую приносит эта Броня, родилась из ярости, горя и отчаяния. Ты не в силах её изменить. Я жажду лишь крови. Лишь бесконечной бойни. Лишь нескончаемых бедствий.»

На фоне белого шума перед глазами пронеслись обрывочные образы, похожие на кадры из какого-то фильма.

В центре каждого кадра непременно стоял похожий на рыцаря аватар в броне из почерневшего серебра. Но все они отличались друг от друга.

Один — с бесчисленными клыками, росшими прямо из шлема.

Лицо второго было вытянуто, словно щупальце.

Третий обладал длинными серебряными волосами, свисавшими до самого пола.

Четвёртый походил на дракона и изрыгал алое пламя.

У пятого был острый визор, а в руках — зловещий меч.

Харуюки немедленно понял, что видит предыдущих Хром Дизастеров. Пусть они и не похожи друг на друга, но их

объединял цвет брони, тёмная аура и безумная жажда битвы. На тех, кадрах, что видел Харуюки, рыцари размахивали мечами, рвали когтями и грызли клыками, словно сумасшедшие. Они стояли среди других аватаров, ревели, кричали… и рыдали.

Образы пропали, и снова раздался голос.

«Разрушай и жри. Ты жаждешь именно этого.

Пожирай и отбирай силу других, чтобы становиться сильнее. Пока Ускоренный Мир не превратится в пустоши, а ты не останешься один.

Пока не придёт конец.»

В центре спины Харуюки, в том самом месте, что когда-то пронзил проволокой Пятый Хром Дизастер, вспыхнула пульсирующая боль, парализуя его конечности. Но Харуюки стиснул зубы и не издавал ни звука.

Если он поддастся разрушительным позывам, то всё будет напрасно.

Напрасны будут страдания Нико, казнившей своего родителя и самого близкого друга Черри Рука, исполняя Королевский долг.

Напрасны будут старания Тиюри, вырвавшей Харуюки из лап брони на Гермесовом Тросе и вновь вернувшей Броню в состояние «семени».

Напрасны будут мечты Черноснежки, вытянувшей Харуюки со дна болота локальной сети и подарившей ему крылья надежды.

Наконец, напрасны будут молитвы девушки, столько времени ждавшей в уголке Брони…

Боль безгранично усиливалась, выходя за рамки телесной. Чудовищной силы буря разрывала сознание Харуюки.

Он понимал, что стоит лишь призвать Бедствие, как ему сразу станет легче. Но он собрал в кулак остатки воли и терпел из последних сил.

И тут. С другого конца побелевшего сознания он словно услышал ещё один голос:

«Верь в себя…

Всё хорошо. Я уверена, ты справишься… потому что ты именно тот, кого я ждала всё это время…»

Этот голос, несомненно, принадлежал той самой призрачной девушке, которая недавно появилась перед ним. Харуюки, напрягая последние мысленные силы, тихо ответил:

«Прости.

Я не тот особенный человек, что нужен тебе. Моя голова полна тревог, а моя жизнь полна ошибок. Я столько времени не доверял никому и избегал людей. Я был таким жалким, что не доверял даже себе и топтался на месте.

Но теперь у меня есть кое-что, чем я могу гордиться.

У меня вновь появились дорогие мне люди. И их немало. Я всё ещё не люблю себя и не доверяю себе, но я уже могу стараться ради остальных. Ради своего маленького, но тёплого мира я готов на всё…»

В затухающем сознании Харуюки послышался нежный ответ:

«И этого достаточно.

Ведь это и есть доказательство твоей силы.»

Вдруг Харуюки услышал, как внутри него что-то тихо, но отчётливо треснуло.

Не звук разрушения. Звук, с которым проклёвывается семя. Звук рождения.

Полился чистый серебряный свет, холодный и чистый, словно талая вода, смывая собой жар и боль. Харуюки изумлённо распахнул глаза.

На пальцах его оставшейся руки появилась новая сверкающая броня. По цвету она была ещё чище собственной брони Сильвер Кроу.

Она выглядела могущественной, но не казалась зловещей. Броня начала расти, накрывая вслед за пальцами ладонь, а затем стала подбираться к локтю с чистым металлическим звуком. Вес её казался приятным и, более того, её вид так воодушевлял Харуюки, что его собственное тело стало казаться ему легче.

Харуюки моментально понял, что эта серебряная броня и есть изначальная форма Брони Бедствия.

Судьба. Шестой из Семи Артефактов. Зета. Та самая броня, что когда-то покоилась в глубинах Имперского Замка рядом с клинком Бесконечность, Эпсилоном.

Когда-то, давным-давно, кто-то успешно проник в Замок и забрал Судьбу. Но затем, «что-то» (по словам шафранового аватара — «многочисленные трагедии») исказило вид брони, превратив её в Бедствие. Как рассказывали Курасаки Фуко и Синомия Утай, Судьба была одним из «известных» Артефактов, вместе с Импульсом Синего Короля, Конфликтом Зелёного и Бурей Фиолетовой.

Если принять во внимание невообразимую мощь Брони Бедствия, то это казалось ещё более логичным. Выходит, что она — один из Семи Артефактов и, более того, в ситуации, когда седьмая звезда Эта всё ещё покоится на пьедестале, а Эпсилон не может проявить себя в полную силу, Броня, по сути, является самым могущественным Усиливающим Снаряжением Ускоренного Мира.

Но Харуюки призывал не её. Он пытался призвать Броню такой, как она выглядела до своего искажения.

И эта версия Брони не должна вмешиваться в его сознание.

Да, она будет лишена части способностей, вроде «Предсказания Будущего», которое позволило ему с лёгкостью одержать верх над Растом Жигсо, но в этой битве оно и не нужно.

Потому что он не хотел побеждать одетого в ISS комплект Циан Пайла.

Он просто хотел донести свои мысли до Такуму, которого чувство вины загнало глубоко в пучину отчаяния. Он хотел, чтобы Маюдзуми Такуму понял, насколько Арита Харуюки верит в него, рассчитывает на него и нуждается в нём.

Ему нужен лишь один удар, наполненный всеми его чувствами. Ему нужна сила, с помощью которой он смог бы пробиться через его тёмную ауру.

Серебряная броня, словно слушая его желания, продолжала появляться. Образовав налокотник, свет продолжил двигаться к плечу.

Но…

Не дойдя до плеча, свет вдруг встретил на своём пути яростное сопротивление. Глубоко в голове послышался рокочущий рык.

Харуюки понял, что он принадлежит запечатанному в броне сознанию, зверю по имени «Бедствие». Он никуда не исчез. Он продолжает жить внутри Усиливающего Снаряжения под названием «Судьба». Попытка призвать Судьбу приводит его в ярость, и он изо всех сил противится её появлению.

Послышался скрипящий звук, и свет полностью остановился, пройдя около половины пути от локтя до плеча.

В верхнем левом углу поля зрения неуверенно загорелся текст системного сообщения.

YOU HAVE EQUIPPED ENHANCED ARMAMENT …

Эти буквы читались хорошо, но справа от них была лишь мутная дымка, в которой с трудом угадывались буквы D, S и T.

Голоса и боль стали отдаляться и, наконец, исчезли.

Короткая тишина опустилась на чёрное обугленное пространство «Выжженной Земли», в реальном мире бывшее первым этажом корпуса Б жилого комплекса. Харуюки поднял одетую в новое Усиливающее Снаряжение правую руку перед собой и крепко сжал кулак.

В следующее мгновение стена перед его глазами рухнула, и на её месте появилась крупная фигура.

Это был Циан Пайл, Такуму, и накрывавшая его аура тьмы стала ещё плотнее, чем раньше. Сквозь неё уже не видно голубого цвета его брони. Тьму разбавляло кроваво-красное свечение ISS комплекта, вживлённого в Сваебой на его правой руке.

Глаза, проглядывавшие сквозь горизонтальную щель маски,

тоже светились мрачным фиолетовым светом, что некогда был голубым. Эти глаза внимательно осмотрели Харуюки. Послышался тихий голос:

— Это что, изначальная форма Брони Бедствия?

Хотя Такуму и переполняло стремлениями громить и разрушать, его знаменитая догадливость ничуть не пострадала. Харуюки тоже перевёл взгляд на новую броню на своей руке и кивнул.

— Да. Правда, я смог призвать только эту рукавицу…

— Даже это — большое достижение. Пожалуй, среди всех бёрст линкеров, поглощённых Бронёй, ты — первый, кто воспротивился её силе.

Голос Такуму звучал мягко, но отрешённо. Эхо его слов отдавало пустотой.

— Ты силён, Хару… ты знаешь, что, отдав себя во власть Брони, ты стал бы в разы, в десятки раз сильнее, но продолжаешь сопротивляться. Если бы этот паразит достался мне, он моментально поработил бы меня, и я напал бы на тебя, Ти и командира…

— Нет, Таку. Я верю, ты тоже смог бы призвать Судьбу. Более того, у тебя получилось бы призвать её целиком, — тут же ответил Харуюки, сфокусировавшись на маске Циан Пайла.

Но Такуму склонил голову, словно избегая его взгляда, и дрожащим голосом прошептал:

— Ты всё ещё не понимаешь, Хару? Я… не достоин таких слов. Я лишь старательно ношу маску… а на самом деле, в душе своей я всегда кому-то завидую и кого-то ненавижу. Я не радуюсь счастью людей, я желаю им неудач. Когда мои соперники по классу скатывались по оценкам, я злорадно смеялся. Когда другие команды кендо получали травмы, я наслаждался этим. Когда мои друзья, которых я знал с детства, стали отдаляться друг от друга… я беспокоился о них, и в то же время был рад. Вот, кто я такой. Вот, кто такой Маюдзуми Такуму!

Когда его голос сбился на отчаянный вопль, из глаз Такуму скатились несколько белых частиц. Вместе с этим окутывавшая его чёрная аура вспыхнула с новой силой, долетая аж до потолка.

Он сделал шаг, и выжженный бетон под ногой немедленно растрескался. Такуму излучал такую мощь, что Харуюки казалось, что его в любой момент может отшвырнуть ей в стену. Сопротивляясь, он вновь заговорил:

— Таку, но ведь и я ничем не лучше, — приглушив едва не сорвавшийся на плач голос, он тихо продолжил: — Я в своих мыслях проклял раз в десять больше людей, чем ты. Ты забыл, что я все эти годы постоянно завидовал тебе? Я даже Броне смог

сопротивляться только потому, что моё сердце ещё чернее, чем она.

— …

Такуму ненадолго замолчал. Тёмная буря вокруг него немного поутихла. Наконец, плечи его дёрнулись от смеха, и он сказал:

— Хе… хе-хе. Ты совсем не изменился за все эти годы. Да… ты, так же как и тогда, всегда успешно управлял тьмой в своей душе. Но у меня, в отличие от тебя, получалось лишь подавлять её и делать вид, что всё хорошо…

— «В отличие»?! Я такой же, как ты! Меня переполняли сомнения и тревоги, а каждый раз, когда мне казалось, что я нащупал правильный путь, я упирался во всё новые стены… я смог достичь того, что у меня есть сегодня, только благодаря тому, что ты всегда был рядом со мной! Поэтому я знаю, что и ты можешь победить эту тёмную силу! Ты сможешь пробить эту стену, уничтожить её и пойти дальше! Разве не так, Таку?! — отчаянно прокричал Харуюки…

И ему показалось, что Такуму тихонько улыбнулся.

— Спасибо… спасибо, Хару. Когда ты так говоришь… мне кажется, что моя жизнь бёрст линкера и мои битвы прошли не напрасно. Но… именно поэтому я хочу помочь тебе и всему нашему Легиону даже сейчас, даже в конце этой жизни. Власть этого… ISS комплекта ужасает… я уже не знаю, какая часть этих позывов к разрушению исходит от меня самого, а какая идёт от комплекта…

Голос Такуму звучал очень тихо. Но в этой тишине слышались звуки семени, в котором зарождалось нечто важное, что он собирался сказать.

Такуму окинул взглядом прилипший к Сваебою кровавый глаз и напряжённым голосом произнёс:

— Похоже, что этого паразита создали несколько человек, по силе сравнимых с Королями, объединивших силы друг с другом. Чем больше битв видит комплект… чем больше врагов пожирает, тем сильнее он становится. А однажды он порождает «ребёнка»… то есть, «клона».

— Клона…

Харуюки содрогнулся, понимая, что эта способность комплекта — извращённая версия системы «родителей и детей», одного из столпов Брейн Бёрста. Такуму опустил руку и ещё более напряжённым голосом продолжил:

— Но самое страшное… все клоны одного комплекта связаны между собой через негативные образы. Когда владелец комплекта испытывает ярость, злобу, гнев и прочие чёрные эмоции, сильнее

становится не только его комплект, но и весь кластер, включая «родительские» и «детские» комплекты. Другими словами, чем шире распространяется сеть твоего кластера, тем сильнее ты становишься…

— Но… но ведь тогда… бёрст линкеры, получившие комплекты, начнут соревноваться друг с другом в их распространении… разве нет? — хрипло спросил Харуюки, и Такуму кивнул.

— Да… бёрст линкера из Сетагаи, который передал мне комплект, зовут «Мажента Сизза». Буш Утан и Олив Граб — тоже её отпрыски. Я чувствую все негативные эмоции, что они вливают в свои комплекты. И наоборот, моя собственная тьма усиливает их…

Получается…

Система клонов ISS комплектов — извращённая копия систем «родителей» и «Легионов» Брейн Бёрста. Отношения между родителями и детьми, между членами одного Легиона обычно строятся на положительных чувствах — любви, дружбе и товариществе. Но «ISS кластеры» питаются негативными — жаждой силы и побед.

До ошарашенного Харуюки донёсся до ужаса скрипучий голос Такуму:

— Если… если мы ничего не сделаем прямо сейчас, то эта кошмарная эпидемия накроет весь Ускоренный Мир. У нас нет времени ждать четыре дня до следующей Конференции. Я собираюсь отправиться к Маженте Сизза. Она наверняка находится совсем рядом с началом цепочки распространения и сможет навести меня на злодея. А уж затем я найду его и выведаю все, что смогу, про комплекты. Мы не знаем их цели и мотивацию, но они должны были предусмотреть методы управления ими…

Шаг.

Их разделяло уже каких-то два метра. Осмотрев с такого расстояния Харуюки, Такуму прошептал:

— Остальное я завещаю тебе. Даже если я лишусь всех очков в битве с источником комплектов, я обещаю рассказать тебе всё, что узнал, перед тем как меня лишат памяти. Ты должен спасти этот мир. Я знаю, ты… и только ты сможешь это сделать. Я верю в тебя.

— Таку… — еле слышно отозвался Харуюки.

Он больше не мог ничего произнести.

Такуму был готов.

Комплект ISS не мог поработить его именно потому, что в сердце Такуму была подобная непоколебимой скале готовность.

Он уже решил, что пойдёт на смерть. На свой последний бой.

Но…

Источник этой решимости — отчаяние в самом себе. Он не мог простить себе того, что поддался на искушение ISS комплекта. Что поддался своей ярости и жестоко истребил ПК из Супернова Ремнант. Что установил ту троянскую программу на нейролинкер Тиюри. Что атаковал Черноснежку. И… что давным-давно разрушил отношения между своими лучшими друзьями.

Такуму решил для себя, что эти грехи ему не смыть уже никогда. Поэтому отчаяние переросло в решимость, с которой он шёл в последний бой.

— Я… не могу отпустить тебя, — дрожащим, словно у рыдающего ребёнка, голосом произнёс Харуюки. — Я не могу просто сказать: «Хорошо, я сделаю это». Я не могу пожертвовать тобой ради того, чтобы жили другие бёрст линкеры.

— Хе-хе… какой же ты всё-таки упрямый… — ответил Такуму с искренне счастливым лицом. — Наверное, я заставил тебя принять дуэль именно потому, что хотел услышать эти слова… но теперь я готов. Спасибо, Хару. Твои слова, твоя энергия помогут мне протянуть ещё чуть-чуть. Что же, пора заканчивать с этим.

Он вскинул мощную левую руку и начал загибать пальцы. От сконцентрировавшейся в кулаке ауры вздрогнул весь уровень.

В ответ Харуюки сжал правый кулак, одетый в серебряную броню. Он поднял голову и кивнул.

— Да… словами мы друг другу уже ничего больше не скажем.

Именно.

В конце концов, без битвы ничего не начинается и не заканчивается. Именно ради этого они и погрузились на дуэльное поле. Именно ради этого и существовал Брейн Бёрст.

Дуэльный аватар Харуюки, лишившийся левой руки и левого крыла, сфокусировал остатки своей воли в правом кулаке. Бурный серебристый Оверрей словно разрывал собой тьму, отталкивал её.

Ему удалось призвать лишь малую часть шестого из Семи Артефактов, Судьбы, и с невероятной силой Брони Бедствия она сравниться не могла. В ней нет накопленного годами опыта боев, она не пропитана яростью и ненавистью предыдущих владельцев.

Но у Судьбы есть кое-что, чего нет у Бедствия.

Надежда. Где-то в уголке этой брони скрывалась таинственная девушка, выглядящая как аватар шафранового цвета, которая долгие годы охраняла этот сверкающий луч надежды. Харуюки не знал, кто она, как её сознание оказалось в Броне, и чего именно она желала, но теплота её надежды придавала ему храбрости. Надежда не гнала его в бой, как это

делало Бедствие. Она казалась надёжной опорой за его спиной, воодушевлявшей его.

«Кажется… меня всегда кто-то поддерживал.

Так было и во время битвы в больнице, и во время боя с Пятым Хром Дизастером, и во время решающего поединка с Даск Тейкером, и во время вертикальной гонки по Гермесову Тросу, и у Врат Судзаку… рядом со мной всегда были Черноснежка-семпай, Тию, Рейкер, Аш, Нико, Пард, Мей и, конечно же, Таку. Все они защищали и подбадривали меня. Наверное, ещё ни одну битву я не выиграл своими силами.

Но это неважно.

Ведь все эти связи… эти узы — и есть истинная сила бёрст линкера.

Я хочу, чтобы это понял и Таку. Что о нём забочусь не только я. Он нужен многим людям. Я хочу донести до него эти чувства.

И поэтому я прошу твоей силы.»

Он мысленно произнёс эти слова, но ответа не последовало. Вместо этого он ощутил тепло в своём кулаке и увидел, как серебряный свет стал ещё ослепительнее.

Такуму отвёл левый кулак и встал в стойку.

Харуюки тоже отвёл ладонь и вытянул пальцы.

Названия техник прозвучали синхронно, и обе были произнесены заботливыми, мягкими голосами:

— Дарк Блоу.
— Лазер Сорд.

В воздухе мелькнули два следа — чёрный и серебристый — а затем ауры пересеклись… и корпус Б, повторяя судьбу своего соседа, моментально превратился в груду обломков, разлетаясь во все стороны.

Когда несколько минут назад Харуюки попытался заблокировать эту же самую технику, он не продержался и секунды, тут же отлетев назад на несколько десятков метров. Удивительно, как его вообще не разорвало на части.

Но в этот раз всё было по-другому. Пусть в первое мгновение Харуюки и проигрывал, но он моментально упёрся ногами в землю и отдавил кулак Такуму обратно. В десятисантиметровом пространстве между их руками яростно сражались две Инкарнации, осыпая всё вокруг разноцветными искрами.

Защита Судьбы поражала воображение. По крепости она, пожалуй, превосходила даже Бедствие, больше тяготевшее к усилению атакующих способностей аватара. Но одной защиты и поддержания баланса недостаточно. Он должен пробить

бушующую тьму и дотянуться до Такуму. Он должен донести до него, что все его грехи могут быть прощены. Что все в Легионе нуждаются в нём. И… что как бы глубока ни оказалась яма, над ним в небе всегда будет сиять путеводная звезда.

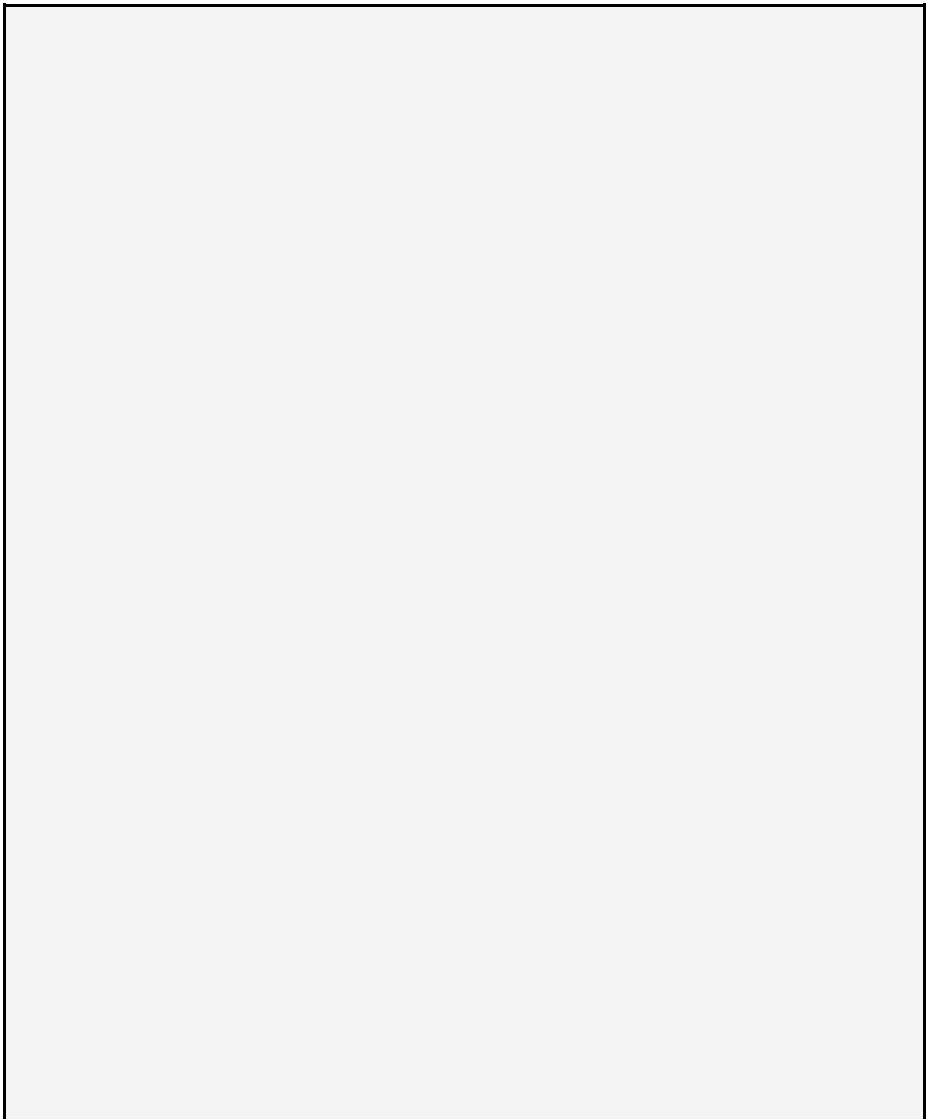
«Пронзай.

Пронзай!»

Молился Харуюки всем сердцем, превращая мольбу в Инкарнацию.

Инкарнация отозвалась чистым звоном.

Серебряный свет Оверрея, окутывавший броню на его правой руке, стал ещё масштабнее. Острие клинка, вырывавшегося из пальцев, начало постепенно вытягиваться.



Техника «Лазерный Меч» относилась к типу «Увеличения Радиуса Атаки». В основе этих техник лежало желание дотянуться до отдалённого места.

Долгое время Харуюки считал, что мечты дотянуться до отдалённого места — это мечты о бегстве. О бегстве от своего уродства и неуклюжести. От тех подонков, что так травили его.

От собственной матери, смотревшей на него с безразличием. От воспоминаний об отце, бросившем его, как ненужную вещь. О бегстве туда, где нет его самого…

Но нельзя дотянуться рукой до места, где нет тебя самого.

Ведь ты есть везде, куда бы ни пошёл. Твоя рука всегда с тобой.

Протянутая рука символизирует не желание сбежать. Этот жест выражает желание зацепиться за что-то.

«Поэтому я уверен, что этот свет свяжет нас с Такуму. Он донесёт до него мои чувства и эмоции. Что он вознесётся над цифровыми понятиями «атаки» и «защиты» и совершит небольшое, но чудо.

Прон… зай!!»

Мысленные крики Харуюки сильным эхом разносились по уровню.

Сияющий серебряный свет растворялся в плотной тьме, пробивал её и постепенно двигался вперёд.

Это был уже не меч, а собственная рука Харуюки, тянущаяся из руки его аватара.

«Таку!

Ты… нужен… мне!!»

Он изо всех сил тянул руку, и вдруг заметил кое-что на другой стороне тьмы.

Такую же белую руку без брони. Знакомая до боли крепкая рука Такуму, покрытая мозолями от ежедневных тренировок.

Крепко сжатые пальцы дрогнули. Они осторожно открылись, затем снова сжались, и вновь расслабились. Кончики пальцев неуверенно вытянулись, пытаясь коснуться руки Харуюки…

Как вдруг.

Пространство между ними словно пронзил бесчисленными иголками тёмно-кровавый свет.

— ?!..

Перестав смотреть на мир сквозь призму воображения, и вернувшись на дуэльное поле, Харуюки увидел перед собой нечто невообразимое.

Глаз ISS комплекта на горизонтально вытянутой правой руке Такуму открылся до предела и испускал плотный кровавый свет.

В десяти сантиметрах от глаза начали собираться в клубок чёрные трубки, похожие на кровеносные сосуды.

Клубок постепенно увеличился до размеров глаза. На его чёрной поверхности появился разрез. Затем створки клубка раскрылись, оказавшись веками. Сквозь них проступил ещё один глаз…

Правая рука Такуму смотрела на Харуюки глазами двух ISS

комплектов. Харуюки почуял в их глубине чьё-то сознание, полное ненасытного голода. Позывов к разрушению. Жажды размножаться. И… ненависти.

— По… почему?!.. — прокричал Такуму, продолжая сдерживать атаку Харуюки левой рукой. Похоже, что и он не ожидал такого развития событий.

— Я не отдавал команды!.. Почему он начал клонироваться?!..

Когда смысл этих слов дошёл до Харуюки, из второго глаза уже вытянулись тонкие чёрные щупальца и пронзили грудь Сильвер Кроу.

Холод.

Нет, жар.

Странные ощущения пронзали его нервы. Казалось, будто по его венам поплыли ледяные иглы. Похожие на проволоку сосуды глаза проникали всё глубже и глубже. Они опутывали сердце, сковывали лёгкие и пробирались по позвоночнику к голове…

Харуюки не мог сдвинуться. Он не мог говорить.

Хотя его аватар и пронзали десятки щупалец, здоровье не убывало. И от этого происходящее казалось ещё более неестественным. Серебряный Оверрей на правой руке начал мерцать и отключаться. Вытянувшийся Лазерный Меч стал бессильно растворяться в воздухе.

Казалось, что именно в этот момент баланс Инкарнаций должен нарушиться, и Тёмный Удар Циан Пайла должен был разворотить тело Сильвер Кроу.

Но этого не произошло. Одновременно с отключением Инкарнации Харуюки Такуму резко отвёл назад левый кулак и крикнул:

— Не смей… трогать Хару-у-у-у!!

Всё ещё окутанная тёмной аурой левая рука вцепилась в проволоки, тянувшиеся от его правой руки к Харуюки. Он принялся выкручивать и вытягивать их. Но проволока вздрогнула, словно живая, и начала отчаянно сопротивляться.

Полностью парализованный Харуюки мог лишь смотреть на то, как Такуму отчаянно пытается выдернуть из него щупальца.

Ему показалось, что Такуму слегка улыбнулся. Не той улыбкой, полной пустоты и отчаяния, которую он видел на нём всё это время. Это была уверенная, тёплая улыбка, знакомая ему по тем дням, когда они плечом к плечу сражались с ним как легионеры.

Он направил дуло Усиливающего Снаряжения на правой руке в своё горло.

— Та… Таку!.. — с трудом смог выдавить из себя Харуюки…

Название его техники прозвучало почти в тот же самый момент.

— Лайтнинг Циан Спайк[1]!!

В пространстве между острием кола и толстой броней сверкнула голубая вспышка. Часть шеи Такуму улетела высоко в небо вместе с электрическим лучом.

Поразивший самого себя в критическую точку Такуму пошатнулся, но быстро восстановил равновесие. Шкала здоровья, на которой оставалось 40 % начала резко сокращаться, окрасилась в красный… а затем дошла до нуля.

Впившиеся в Харуюки щупальца, в любой момент готовые проникнуть в мозг, остановились, бессильно обвисли, вывалились из груди и растаяли в воздухе.

Второй глаз на правой руке Циан Пайла недовольно закрылся, а затем его поглотил первый.

До ошарашенного Харуюки донёсся тихий шёпот Такуму:

— Слава богу…

И, с этими словами…

Освободившийся от чёрной ауры Циан Пайл разбился на мириады голубых осколков.

Харуюки остался стоять в центре закопчённого кратера Выжженной Земли в одиночестве. Серебряная броня на его руке начала растворяться.

Перед глазами высветились пылающие буквы: «YOU WIN!». Не желая смотреть на них, Харуюки перевёл взгляд к небу. На уровень надвигался закат.

Не поддающееся описанию чувство наполнило его сердце и полилось из глаз, перемешав цвета неба. Плечи Харуюки мелко дрожали. Пусть дуэль и кончилась, он продолжил тихо стоять на этом месте, пока его не выбросило из Ускоренного Мира.

Первое, что ощутил Харуюки, вернувшись в реальный мир и открыв глаза — упавшую на щеку каплю.

Слеза Такуму, обронённая им за мгновение до начала дуэли.

Покинувший Ускоренный Мир почти одновременно с ним Такуму всё ещё прижимал Харуюки к кровати за плечо левой рукой, а правой держал кабель. Придя в себя, он широко раскрыл глаза. Из них полились новые слёзы, начавшие капать на линзы очков. Харуюки увидел, как его губы вздрогнули, и сквозь них пробился тихий голос:

— Я…

Но больше Такуму ничего не сказал, вместо этого перекатившись влево и улёгшись рядом с Харуюки.

Какое-то время оба они молча лежали на широкой

одноместной кровати.

Перед их глазами был потолок комнаты Такуму и приклеенный на него постер формата А2.

На нём был изображён взрослый кендоист. Никакого текста на постере — скорее всего, Такуму напечатал его сам, по фотографии. Человек, запечатлённый на постере как раз в момент взмаха, и немного расплывающийся кончик бамбукового меча. Пусть это лишь двумерная фотография, от неё исходила такая мощь, что тело Харуюки наполнилось жаром.

Харуюки передал по связывавшему их нейролинкеры кабелю тихий мысленный голос:

— Этот человек — твой учитель? Партнёр?

После небольшой фазы донёсся тихий ответ:

— Нет. Он выступал пятьдесят лет назад.

— Ты… хочешь быть как он?

— Скорее… он мой кумир. Глупо надеяться на то, что я смогу быть как он. Понимаешь, в 1990-х годах он победил в шести национальных чемпионатах. Этот рекорд до сих пор не побит.[2]

— А-а… какая лучшая попытка?

— Три победы. И даже это величайшее достижение.

Выходит, на фотографии перед ним изображён лучший кендоист в истории Японии… да что там, всего мира. Осознав это, Харуюки прошептал:

— Интересно, как себя чувствуют такие сильные люди?.. У них, наверное, нет ни сомнений, ни тревог…

— …Когда он закончил спортивную карьеру и стал тренером, у него взяли интервью. Тогда он сказал: «Я так ничего и не постиг. Я словно брожу по тёмному тоннелю и никак не могу отойти от входа.»

— Эх… ясно… — со вздохом ответил Харуюки, а затем продолжил свои мысли: — Но если ты бродишь в темноте, откуда ты знаешь, что это вход? Может, ты уже нашёл выход?

Харуюки на мгновение прервался, а затем продолжил.

— Я понимаю, что меня с ним сравнивать ещё глупее… но… но и я так часто думал о том, что застрял в безвыходном тоннеле… но всегда находил выход. Всегда… да, за выходом обнаруживался лишь следующий тоннель… но всё же …

Отчаянно пытаясь подобрать слова, Харуюки повернул голову влево и посмотрел на профиль лежащего в метре от него Такуму. За бледными щеками и дужками очков были видны всё ещё полные слёз глаза, которыми тот продолжал смотреть на постер.

Решившись, Харуюки перешёл на настоящий голос и сказал то, что на самом деле хотел:

— Таку… ты только что ради меня прервал свой собственный

Тёмный Удар. Ты пошёл наперекор ISS комплекту и застрелил самого себя, чтобы спасти меня. Я верю, что это и был настоящий ты. Пусть ты обратился к комплекту единожды, пусть управлял силой тьмы… но я верю, что ты можешь разрубить эту связь и пробиться к выходу из тоннеля.

Он не произнёс эти слова раньше, потому что губы его сковывал страх. Он боялся того, что после их разговора он встанет, попрощается с ним и пойдёт охотиться на Маженту Сизза, а потом и на Общество Исследования Ускорения.

Но даже после того, как Харуюки закрыл рот, Такуму продолжил какое-то время молча смотреть в потолок.

Прошло около десяти секунд перед тем, как он вдруг задал неожиданный вопрос:

— Хару… вчера, когда мы сдавали сольное пение на музыке, ты выбрал в качестве песни «Подарите мне крылья»?

— А… да, — после небольшого замешательства Харуюки кивнул.

Такуму перевёл на него взгляд и слегка улыбнулся.

— Нам предложили столько вариантов, но почему ты выбрал именно её? Кажется, она тебе раньше не нравилась?

— А-а… как бы объяснить… — почувствовав, как страх покидает его грудь, Харуюки натянуто улыбнулся. — У меня не то чтобы была веская причина не любить её… просто раньше мне всегда казалось, что эта песня о «несбыточном».

— …

Такуму молча смотрел на него в ожидании продолжения.

— Наверное, эту мысль мне подкинул мой цинизм, но… первая строчка в песне это ведь «Если бы мне даровали одно желание, я попросил бы крылья», так? Мне отчего-то казалось, что под этой фразой подразумевалось то, что этому не суждено случиться. И эти слова настолько точно отражали моё состояние на тот момент… что я никак не мог заставить себя полюбить её.

Вновь переведя взгляд на потолок, Харуюки вскинул правую руку, словно пытаясь дотянуться ей до неба, скрытого за бетоном.

— Но… когда я послушал выданные нам аудиофайлы и вновь вслушался в текст… я подумал, что я, возможно, не так её понял. Э-э… м-м…

Хуже всего на свете у Харуюки получалось высказывать словами сокровенные мысли. Но он продолжал водить над собой рукой, словно птицей, летающей в небесах, и продолжал говорить:

— Возможно, эта песня не о том, исполнится желание певца или нет. Она о желании достичь беззаботного неба… и о том, как человек, ведомый этим желанием, постепенно движется вперёд.

Короче… вот… смысл в том, что…

На этом месте красноречие Харуюки окончательно отказало, и он начал хватать ртом воздух. Начатую фразу закончил Такуму:

— Смысл в том, что важен не результат, а процесс… само состояние непрерывного путешествия…

— Д-да. Именно, — сжав вытянутую руку в кулак, Харуюки бодро продолжил. — Давным-давно Черноснежка-семпай сказала мне, что сила не означает стремление к победе. А потом и Синомия сказала, что истинная сила — в том, чтобы двигаться вперёд, несмотря на все поражения, падения и ошибки… вот я и подумал: может, в этой песне поётся про то же самое?.. И тогда мне стало немного стыдно за то, что я не полюбил эту песню раньше… хотя, быть может, я стал терпимее относиться к ней просто потому, что умею летать в Ускоренном Мире…

Харуюки сложил руки за головой, улыбнулся и добавил:

— В любом случае, спел я отвратительно. Хорошо, что в стенах школы запрещено записывать голоса людей без их разрешения.

— Вот тут ты не прав, Хару.

Повернув взгляд в сторону, Харуюки увидел, что Такуму вновь улыбнулся и уставился в потолок. Он прикрыл глаза, словно вспоминая вчерашнее, и прошептал:

— Ты, может, и не заметил, но Ти слушала твоё пение со слезами на глазах.

— Э… — Харуюки тут же лишился дара речи.

Продолжая улыбаться, Такуму мягко добавил:

— Ещё совсем недавно я, увидев её в таком состоянии, наполнился бы страшной ревностью и ненавистью к себе… но… но в тот момент я обрадовался. Я смотрел на Ти, плачущую от твоего великолепного выступления, и радовался. И в этот момент… в этот самый момент мне показалось, что на какую-то секунду мы, как и раньше…

Под конец его голос дрогнул, и из закрытых глаз вновь скатились прозрачные капли.

Сердце Харуюки кольнуло, и он стиснул зубы. Но он тут же повернулся набок и, оперевшись на локоть, произнёс:

— Не «как раньше». Это и есть настоящее. Это то, кем мы стали. Таку, ты нужен мне и Тию!

На мгновение Такуму отвернулся, словно убегая от слов Харуюки.

Но Харуюки знал, что эти слова достигли его души. Потому что именно их он передал ему во время битвы в Ускоренном Мире…

Прошло несколько секунд.

Такуму развернулся к Харуюки и, смотря на него влажными глазами, произнёс дрожащим голосом:

— Хару… я… возможно, и я смогу измениться, как это сделал ты. Возможно, и я смогу идти дальше, сражаясь с тьмой в своём сердце и смотря в небеса…

— К… конечно, Таку! Ты уже меняешься. И доказательство тому — то, как ты добил себя Грозовым Циановым Шипом в конце последней битвы.

Харуюки подвинулся к Такуму и ухватил его рукой за левое плечо. Он внимательно посмотрел в его заплаканные глаза и закончил:

— Таку, мне нужно совсем немного времени. Завтра, в четверг… в семь часов вечера мы продолжим нашу миссию. Вот увидишь — мы с Синомией вместе сбежим из Имперского Замка. Она точно сможет очистить тебя от ISS комплекта. Всего один день… не поддавайся на искушение комплекта всего один день, Таку.

— …

Такуму ответил на страстную речь Харуюки не сразу.

Он прикрыл глаза, а затем с трудом выдавил из себя:

— Вчера вечером я получил комплект от Маженты Сизза в Сетагае. На тот момент он был запечатан в карте. Но… когда я пришёл домой, поел, помылся и улёгся спать… он заговорил со мной. Не словами… а чувствами. В меня полились ярость, ненависть, зависть и другие негативные эмоции. Но перед этим я снял нейролинкер. Всю ночь мне снился длинный кошмар… а когда я проснулся, мою грудь переполняли чёрные мысли…

Харуюки ощутил своей ладонью, как крепкое тело Такуму вздрогнуло. Словно напуганный ребёнок он опустил голову ещё ниже и тихо прошептал:

— Хару… мне страшно. Оно уже вырвалось за пределы памяти нейролинкера и поселилось в моей голове. Теперь, когда я сорвал печать с комплекта, что случится со мной этой ночью?.. Проснусь ли я завтра самим собой?.. Мне страшно до ужаса. Ведь во время битвы я уже атаковал тебя, не чувствуя угрызений совести…

Такуму сказал, что Ускоренный Мир влиял на него даже после того, как он снял нейролинкер.

Это невозможно в принципе. Но, в то же время, Харуюки понимал, о чём он. Он и сам порой слышал в своей голове голос Брони Бедствия, находясь в реальном мире без нейролинкера.

Но, если подумать, «ускорение мышления», на которое опирается Брейн Бёрст — совершенно невероятное явление. И не только оно. Два месяца назад Харуюки лично убедился в том, что

Брейн Бёрст может изменять и стирать воспоминания бёрст линкера.

Выходит, эта программа умела вмешиваться в сознание человека, его душу. А значит, глупо удивляться тому, на что она способна. Оставалось лишь принимать происходящее как должное и сражаться. Это все, что им остаётся.

Харуюки сжал плечо своего друга ещё крепче и сказал:

— В таком случае, Таку, ночуй сегодня у меня.

— …Э?

Естественно, эта фраза застала его врасплох. Увидев изумление на лице Такуму, Харуюки тут же продолжил:

— Если мы, как в старые добрые времена, заиграемся допоздна и уснём на полу, на кошмары просто не останется времени. Вот только вдвоём у нас не получится. Значит, пригласим ещё и Тию. Родителям скажем, что собираемся дружно делать домашку. Кстати, нам ведь и правда задали математику и японский. Вот ты как раз сделаешь математику, Тию — японский, а я буду вам чай готовить. Кстати, ты знаешь, что в базовом ускоренном пространстве эта чёртова защита файлов не работает, и домашнюю работу можно копировать?

Такуму выпученными глазами смотрел на увлечённо говорившего Харуюки…

Но затем его губы всё же сокрушённо улыбнулись.

— Кажется, когда я в былые времена соглашался на твои безумные планы, меня всегда потом ругали взрослые.

— Правда? Что-то я не помню.

Харуюки, наконец, отпустил плечо Такуму и почесал затылок. Улыбка Такуму стала казаться всё более искренней. Он снял очки, вытер глаза и произнёс:

— Хорошо… нельзя дать домашке вымотать тебя, иначе у тебя не останется сил на завтрашний побег из Замка. Я согласен помочь тебе, но уверен, командир не одобрит использование бёрст поинта для копирования ответов. Поэтому я только объясню тебе, как её делать, а уж считать ты будешь сам.

— Ну во-от… — Харуюки картинно надулся, а затем заморгал, ощущая, как слёзы подступают к его глазам.

ISS комплект Такуму никуда не делся. Он внимательно следил за ними и ждал своего часа. То же самое делала и жившая внутри Харуюки Броня Бедствия.

Но Харуюки, пусть лишь один раз, уже смог частично призвать изначальную форму Брони, Судьбу, поборов мощь Бедствия. А значит, и Такуму мог сражаться с комплектом. У него должны быть силы сопротивляться ещё двадцать четыре часа, пока Харуюки и Ардор Мейден не покинут Замок. Потому что,

даже оказавшись в такой глубокой пучине, он смог встать на ноги и пытался продолжить идти вперёд…

— Отлично, можно выдвигаться ко мне! По пути можем и в магазин забежать за едой. Хотя, погоди, Тию ведь наверняка с собой принесёт…

Мысли задумавшегося было Харуюки прервал лёгкий смех Такуму.

— Кажется, ты хочешь пригласить не саму Ти, а еду, которую приготовит её мама.

— Да нет, просто они неотделимы друг от друга… Тию и закуски, закуски и Тию…

— Ага-а, обязательно передам эти слова Ти.

— Нет, не надо! Ладно, я напишу ей, а ты пока спроси разрешение у своих родителей.

Стараясь больше не упоминать свою фразу в отношении Тиюри, Харуюки поднялся с кровати.

Он сразу потянулся к нейролинкеру и уже собирался вытащить кабель…

Как в глубине сознаний послышался тихий голос, похожий на каплю, упавшую на поверхность воды.

— Спасибо, Хару… я рад, что мы с тобой всё ещё друзья… так рад…

Всё ещё стоя спиной к своему другу, Харуюки тепло принял эти слова, а в ответ сказал лишь краткое:

— И я, Таку.

Глава 2

Организация внезапной ночёвки дома у Харуюки столкнулась с несколькими ожидаемыми трудностями.

Во-первых, необходимо уговорить родителей Такуму, у которых отношение к Харуюки прохладное.

Во-вторых, уговорить переночевать нужно и Тиюри — пусть она и его подруга, но ей уже четырнадцать лет.

В-третьих, разумеется, нужно добиться согласия матери Харуюки.

Как ни странно, третий вопрос решился быстрее всего. Как только Харуюки неуверенно отправил на работу матери письмо, смысл которого сводился к фразе: «Можно у меня сегодня два друга переночуют?», в ответ пришло: «Не забудьте прибраться. Меня сегодня не будет, веди себя хорошо».

Сложно сказать, почему его мать так ответила. Возможно, она с самого начала не собиралась сегодня возвращаться домой. Возможно, она решила воспользоваться случаем и пойти куда-то ночью. А может, в ней проснулась солидарность к сыну, и она решила не мешать их встрече. В любом случае, это означало, что зал квартиры Харуюки оказался полностью в их распоряжении.

Вскоре решился и первый вопрос — с родителями Такуму. Как Харуюки и ожидал, фраза «мы будем делать домашнюю работу» сработала прекрасно.

Глубоко погружённые в мысли о том, как решать вторую проблему, Такуму с Харуюки и сами не заметили, как добрались до двадцать первого этажа корпуса Б и позвонили в дверь квартиры с табличкой «Курасима».

— Ой, это же Харуюки и Такуму! Сколько лет, сколько зим… ох, а Такуму-то как вырос! Ну-ка, какой у тебя рост… сантиметров 175 поди?! Ты, небось, моего муженька уже обогнал. Во дети пошли! Я слышала, вы хотите собраться, чтобы вместе поработать над сложной домашкой? Ах да, вы же в этом году впервые оказались в одном и том же классе. Ох и обрадовалась же я, когда ты в Умесато перевёлся, Такуму. Хотя, Тиюри, наверное, так страдает! У неё ведь теперь аж два ухажёра…

Харуюки и Такуму, попавшие под легендарный поток сознания матери Тиюри, лишь ошарашенно слушали её. Но тут со стороны кухни показалось разъярённое лицо её дочери и прокричало:

— Мама! Хватит всякую чушь рассказывать! У тебя сейчас вода выкипит!

— А-ай, выключи! Нет, стоп, не выключай! Поставь на слабый огонь! На слабый!

Мама Тиюри пулей улетела на кухню. Вместо неё в коридоре возникла сама Тиюри и смерила гостей взглядом.

— Судя по вашим лицам… вы не собираетесь подраться, а уже успели это сделать.

Она попала в точку. Действительно подравшиеся друг с другом Харуюки и Такуму тут же втянули головы в шеи.

Перед тем как прийти сюда, Харуюки написал Тиюри письмо, но, хоть всё его содержание укладывалось в одну строчку: «Сегодня собираемся у меня дома с Такуму, будем делать домашку», даже этого хватило, чтобы она моментально раскусила их. Судя по ещё влажным волосам, она вернулась с секции и приняла душ совсем недавно. Одета она была в простую футболку и шорты. Уперев руки в боки, она продолжала осматривать своих друзей.

Наконец, она кратко фыркнула и ответила:

— Ладно, я согласна.

Харуюки рефлекторно сморозил очередную глупость:

— Э-э… с-серьёзно?

— Эй, если что, это вы меня пригласили! — вновь повысила голос Тиюри, и Харуюки с Такуму тут же опустили головы.

Через двадцать минут мама Тиюри вынесла им корзинку с едой, и они выдвинулись в сторону квартиры Харуюки. Обычно вид его пустынной квартиры в лучах заката вгонял его в тоску, но сегодня с ним были его друзья, и времени думать об этом у него просто не оставалось. Первым делом Харуюки забежал в свою комнату, оставил школьную сумку и переоделся в домашнее. Перед тем как пойти в зал, он ещё раз открыл почтовик.

О том, что Такуму, Циан Пайла, атаковали ПК из легиона Супернова Ремнант на неограниченном поле, и о том, что в ходе этой атаки тот умудрился уничтожить всех своих обидчиков, Харуюки рассказали Курасаки Фуко и Синомия Утай. Скорее всего, об этом уже знала и Черноснежка. Он понимал, что все они глубоко встревожены, и поэтому собирался отправить им письмо с описанием ситуации. Увы, рассказать об ISS комплекте и их недавней битве письмом он ни за что не смог бы.

Поэтому Харуюки решил отправить им письмо следующего содержания:

«С Такуму всё в порядке. Подробности расскажу завтра, когда соберёмся на операцию по вызволению нас из Замка.»

От всех троих тут же пришли утвердительные ответы, и в каждом из них сквозило беспокойство, которое испытывали девушки.

И Черноснежка, и Фуко, и Утай с самого начала поняли, что случилось нечто очень серьёзное, и что на самом деле ни о каком «всё в порядке» речи быть не могло. Но они не стали задавать Харуюки никаких вопросов. Этим они давали понять, что доверяют Харуюки, Такуму и тем решениям, к которым они придут.

И, в то же время, это означало, что, если случится что-то непоправимое, вина за это будет лежать целиком и полностью на Харуюки и Такуму.

Ещё двадцать четыре часа. Ещё одну ночь им вдвоём… вернее, втроём с Тиюри нужно продержаться и проследить, чтобы Такуму не попал под власть ISS комплекта. У них должно получиться. Ведь они втроём столько всего пережили вместе…

И тут Харуюки вдруг вспомнил кое-что, и рука его застыла в воздухе.

Честно говоря, он позвал сегодня сюда Тиюри просто так, у него не было на неё каких-либо планов. Ему просто казалось, что уж втроём-то они точно как-нибудь справятся.

Но… у Тиюри была её «сила». Возможно, она сможет с её помощью избавить Такуму от этого болезненного паразита? Ситуация оказалась столь запутанной, что он не имел ни малейшего понятия о том, сработает ли её способность, но что мешало попробовать?

— Семпай, учитель, Мей… — тихо обратился Харуюки к тем друзьям, которых в этой квартире не было, — Я обязательно, обязательно что-нибудь придумаю. Ведь Таку и Тию… мои самые лучшие друзья.

Собравшись с силами, Харуюки вышел из комнаты и пошёл в зал, откуда уже доносился приятный аромат.

Мама Тиюри успела за каких-то полчаса приготовить острое овощное карри. На столе также стоял рис, обнаружившийся в холодильнике Харуюки, и холодный жасминовый чай. В общей сложности, на приготовление роскошного ужина ушло каких-то сорок две минуты.

Пожелав друг другу приятного аппетита, они принялись деловито работать ложками. Аппетит проснулся даже у Такуму, который ничего не ел с самого утра. А возможно, кулинарные навыки мамы Тиюри работали даже на людей с отягощённым сознанием.

— Ох, жаренные в масле баклажаны — это нечто… — произнёс Харуюки с выражением полного блаженства на лице после того, как попробовал обжаренные в оливковом масле баклажанные кольца под соусом.

— А что сразу жареные? Они и варёные, и просто печёные прекрасны, — тут же удивилась Тиюри.

— Не-е, в любом другом виде это просто губка какая-то. А вот кольцами да в масле — божественно.

— Вот поэтому тебе ещё далеко до гурмана! Не знаешь ты всей прелести пропечённых без кожуры баклажанов с имбирём и соевым соусом…

Наблюдавший за их разговором Такуму деликатно прокашлялся и вставил:

— Ну что вы так. Баклажаны хороши и жареные, и печёные, но самые лучше — солёные, разве нет? Для меня вкус лета — это именно синие баклажаны прямо из банки.

Слова эти из уст восьмиклассника прозвучали так странно, что Тиюри и Харуюки тут же переглянулись и задумчиво хмыкнули.

— Таккун, ты меня извини… но солёные баклажаны… вот это реально губка…

— Да и я их не особо… может, они тебе нравятся именно из-за цвета? Ты ведь синий аватар…

— Ч-чего? Цвет аватара тут вообще ни при чём! — произнёс Такуму с задетым видом, и Тиюри дружески похлопала его по плечу.

— А-ха-ха, прости-прости! В качестве извинения я к следующему разу попрошу маму, чтобы она засолила тебе баклажанов!

Глубоко в своей душе Харуюки осознал, что они уже очень давно не собирались за столом втроём и не говорили так простодушно.

Кольцо отношений, связывавшее Харуюки, Тиюри и Такуму, на сегодняшний день было до невозможного хрупким.

Отношения между Такуму и Тиюри, начавшими встречаться в пятом классе зимой, после случая с троянской программой прошлой осенью пришлось восстанавливать с нуля, и какое-то время они сторонились друг друга. Но вскоре Такуму перевёлся в Умесато, а в начале их второго года в старшей школе Тиюри стала бёрст линкером, что привело к тому, что дружба, связывавшая их всех, начала потихоньку крепнуть.

А после тяжёлой битвы с мародёром Даск Тейкером, атаковавшим Харуюки, эти отношения окончательно окрепли. Но…

Но теперь они строились на основе того, что все они — бёрст линкеры и состоят в Легионе «Нега Небьюлас». Если бы кто-то из них лишился бёрст поинтов и потерял бы воспоминания об Ускоренном Мире… даже Харуюки не знал, пережили бы это их

отношения.

Ясно лишь одно — нельзя бояться возможных опасностей.

Им нужно нестись вперёд, сокрушая все стены на своём пути и бежать к чётко очерченной цели. К горизонту под названием «десятый уровень», цели командира легиона Черноснежки…

Придя в себя, Харуюки приготовился потянуться к тарелке вилкой.

Но тут…

— Хару, если ты их так любишь, то давай меняться — я тебе баклажан, а ты мне вот это!

С этими словами Тиюри ловко подбросила ему в тарелку баклажан, и моментально выловила внушительный кусок курицы.

— А, а-а-а-а! Эй, я ведь его с таким трудом раст… то есть, я так хотел его съесть!..

— М? Ты ведь говорил, что баклажаны любишь в сто раз больше чем курятину.

— Не говорил! Верни-и! — со слезами на глазах пытался убедить он её, но сочная цыплятина уже оказалась во рту у Тиюри.

— М-м, вкуснотища… чтобы растянуть этот вкус, я готова даже ускориться…

— Н-ну бли-и-и-ин!

Такуму сокрушённо смотрел на то, как Харуюки топает ногами в бессильной ярости, а затем…

— Фх, ха-ха… а-ха-ха!

…он задорно рассмеялся.

Этот смех тут же подхватила Тиюри, а потом и Харуюки. И смеялись они долго, не выпуская из рук вилок.

После дружной приборки обеденного стола дело дошло и до обещанной домашней работы.

Они уселись рядом друг с другом на диванном наборе в зале и запустили программы для выполнения домашней работы. Программу разработали в фирме, принадлежащей той же образовательной компании, что владела школой Умесато, и функции копирования ответов в ней не предусматривалось. Более того, даже если попытаться соединить нейролинкеры в местную или проводную сеть, ответы других людей увидеть не получилось бы. Произнеся «бёрст линк» и оказавшись в базовом ускоренном пространстве, эти ограничения, конечно, можно обойти, но этим методом Харуюки пользовался только в случае крайней необходимости — когда до урока оставалось пять минут, а у него ещё ничего не сделано.

Поэтому они поступили по-другому, развернув на столе

большой лист виртуальной бумаги и выполнив домашнюю работу «старомодным» способом — расписывая ответы на ней руками. С математикой и японским они покончили за сорок минут. Если бы Харуюки делал всё сам, у него ушло бы в два раза больше времени.

Когда их руки дошли до игровой коллекции Харуюки, которую не трогали уже очень давно, на часах не было даже восьми.

Пусть игровые консоли были такими старыми, что их уже нигде не чинили, пусть их приходилось подключать к висящему на стене плоскому экрану, пусть он и показывал картинку в жалком разрешении 1920×1080, пусть самим играм было уже больше тридцати лет, но играть в них всё равно чертовски интересно, во многом благодаря откровенным демонстрациям жестокости, вызывавших неизменный дружный восторг. В сегодняшних играх такого нет и близко.

В половине десятого они по очереди приняли ванну (естественно, не вместе, как когда-то), переоделись в пижамы и вновь собрались в зале. Они убрали на место игровое железо, развернули на полу матрасы, достали подушки и одеяла…

— Отлично. Так… — сказала вдруг Тиюри, переодевшаяся в светло-зелёную пижаму с орнаментом из котят, а затем с улыбкой обвела взглядом Харуюки и Такуму. — Ну-ка присаживайтесь.

— Э-э…

— Х-хорошо.

Они быстро допили чай, которым освежались после ванной и сели на матрас перед горделиво стоящей Тиюри. Почему-то с самого детства они привыкли выполнять команды Тиюри.

Продолжая улыбаться, Тиюри сложила руки на груди и продолжила:

— А теперь я хочу услышать всё с самого начала. Хару, Таккун, что вы натворили на этот раз, и насколько всё плохо?

«Ого, она уже и это поняла», — восхищённо подумал Харуюки, чувствуя, как его мозг начинает работать на полную мощность.

Главная причина, по которой они пригласили Тиюри на ночёвку, в том, что они верили, что её присутствие… вернее, такая обстановка, похожая на старые добрые времена, не даст прячущемуся в сознании Такуму ISS комплекту взять его под контроль. Рассказывать ей об этом прямым текстом они не стали. Это было бы равносильно рассказу о душевной травме Такуму… о его чувстве вины за то, что он уничтожил дружбу между ними.

Но Тиюри и сама очень близко подобралась к пониманию правды. Более того, Харуюки хотел попытаться использовать её

«силу» для того, чтобы вылечить Такуму, а в этих условиях скрыть от неё правду невозможно.

Харуюки перевёл взгляд на Такуму, расположившегося слева.

Такуму, волосы которого до сих пор не высохли, посмотрел на него в ответ, а через секунду он вновь повернулся к Тиюри и сказал:

— Ти, возможно, до тебя уже доходили слухи. О том, что за какую-то неделю на весь Ускоренный Мир опустилась тень ISS комплектов…

Полный рассказ занял у Такуму следующие двадцать минут.

Итак, прошлой ночью Такуму отправился в заброшенную зону района Сетагая в одиночку, где наткнулся на бёрст линкера по имени Маженто Сизза, от которой получил запечатанный ISS комплект.

Когда он вернулся домой и лёг спать, ему приснился кошмар, явно вызванный влиянием комплекта, хотя он и спал без нейролинкера.

Утром он проснулся с температурой, и отец отвёз его в больницу. Пользуясь случаем, он решил побродить по Синдзюку и пособирать информацию. Но бывший товарищ по легиону продал его личность ПК из легиона «Супернова Ремнант», и те напали на него.

Они погрузились на неограниченное поле, где Такуму призвал ISS комплект и, пользуясь его тёмной силой, разгромил Ремнант, лишив этих бёрст линкеров всех очков. В результате, хоть он и сохранил свой Брейн Бёрст, но значительная часть его сознания оказалась заражена. Понимая, что не может бороться с позывами навредить товарищам по Нега Небьюласу вечно, он собрал остатки воли в кулак и решил напасть на Маженту Сизза, чтобы через неё выйти на источник комплектов и узнать о них как можно больше. Пусть даже это стоило бы ему жизни.

Но не успел он этого сделать, как к нему со всех ног прибежал Харуюки. Они вступили в кабельную дуэль, где излили друг другу все накопившиеся у них чувства… и в результате Такуму смог в какой-то степени противостоять влиянию комплекта.

— Но… оно всё ещё внутри меня, — тихим голосом закончил свой рассказ Такуму и сжал синий нейролинкер в своих руках. Он не надевал его с тех пор, как вышел из ванной. — Этот комплект всё ещё прячется где-то в моем нейролинкере… а часть его, возможно, кроется и в моей голове. Он постепенно впитывает силы других комплектов, с которыми связан, и становится сильнее с каждой секундой. Этой ночью… мне вновь может присниться кошмар, и я вновь могу проснуться, наполненный

тёмными мыслями. Поэтому Харуюки и предложил сегодня переночевать вместе, чтобы не допустить этого. И… именно поэтому мы вдруг пригласили тебя, Ти. Всё это… произошло по моей вине, из-за моей глупой затеи…

Смолкнув, Такуму склонил голову.

Неподвижно стоявшая всё это время Тиюри вдруг подошла к нему, села на колени, протянула к нему бледную руку… и осторожно вытерла слезу, появившуюся в левом глазе Такуму. Затем она тихо прошептала:

— Прости, Таккун…

— Э?.. — Такуму удивлённо поднял голову.

Тиюри продолжила, смотря прямо в его глаза:

— Таккун, я всегда знала, что ты очень ранимый и добрый человек… прямо как Хару. Но… именно я больше всех эксплуатировала твою доброту…

Её большие кошачьи глаза, всегда полные огня, медленно закрылись. Тиюри опустила руку, села перед своими друзьями и, открыв глаза, уверенно сказала:

— Когда я была маленькой, я упрямо верила в одну вещь. В то, что сколько бы лет ни прошло, как бы мы ни изменились, мы втроём всегда будем счастливы вместе. Но я знала, что это невозможно. Никто не может остановить течение времени… и никто не может повернуть его вспять. И я понимала всё это, но… я всегда, всегда молилась о том, чтобы наше счастье продлилось хоть чуточку дольше…

Она глубоко вздохнула…

Затем обвела Харуюки и Такуму взглядом и вдруг произнесла совершенно неожиданные слова:

— Хару, Таккун. Я сейчас скажу вам кое-что, о чём знает только моя семья… скорее всего, моему отцу жить осталось не так долго.

Эти слова словно попали прямо в мозг Харуюки, миновав уши, и он не сразу понял, что она имела ввиду. Такуму эти слова тоже застали врасплох, и он даже не шелохнулся.

Тиюри, продолжая сидеть напротив них с умиротворённым лицом, продолжила:

— Вы ведь знаете, почему я попадаю под «первое условие бёрст линкера»?

— Да…

Харуюки кивнул и вспомнил.

Для того чтобы стать бёрст линкером, то есть установить Брейн Бёрст на свой нейролинкер, необходимо выполнить два условия. Первое — нейролинкер необходимо носить с младенчества. Второе — нужно иметь высокую совместимость с

квантовыми механизмами коммуникации нейролинкера.

Второе условие требовало либо большого опыта фулл дайва, либо долгих тренировок, к которым и прибегла Тиюри. Но выполнение первого условия от воли будущего бёрст линкера не зависело. Можно сказать, что возможность стать бёрст линкером наполовину определялась его судьбой.

Есть две основных причины, по которым нейролинкеры надевают на младенцев — неспособность самих родителей к воспитанию, и их желание начать их обучение пораньше. Харуюки попадал под первую причину, а Такуму — под вторую, поэтому оба они с самого рождения жили с нейролинкерами.

Но Тиюри была особым случаем.

Вскоре после рождения её отец практически потерял способность говорить из-за заболевания. Но родители Тиюри хотели, чтобы их любимая дочь слышала голос отца, поэтому они и пользовались возможностью «мысленной передачи голоса» нейролинкера, чтобы отец мог разговаривать с ней с младенчества.

Примерно такого объяснения Харуюки и Такуму и ждали от неё, но Тиюри вместо этого сказала:

— Болезнь, лишившая моего папу голоса — рак гортани.

— …!

Тиюри тут же поспешила кратко покачать головой, чтобы успокоить ошарашенных друзей.

— Не беспокойтесь, это не значит, что его жизнь постоянно под угрозой. После изобретения радиотерапевтических микромашин рак стал куда менее опасным, чем раньше. Но… когда он начинает давать метастазы и атаковать клетки в разных частях тела, медицина всё ещё практически бессильна. За последние десять лет у папы появлялись метастазы в пищеводе и лёгких… врачам удавалось подавить их с помощью микромашин, но… они сказали, что не могут дать оптимистичных прогнозов относительно следующего раза…

Хотя Тиюри и старалась улыбаться и звучать бодро, Харуюки не мог не заметить слезинки в её глазах.

— Естественно, и папа, и мама делают всё возможное, чтобы я не переживала по этому поводу… но ведь я столько лет прожила с ними. Естественно, я заметила, что папа очень страдал от побочных эффектов лечения. Что маме приходилось не раз вскакивать посреди ночи, чтобы пытаться облегчить его боль. Поэтому, когда лечение заканчивалось, и папа выздоравливал, я всегда молила Бога о том, чтобы он оставил всё как есть. Чтобы и я, и папа, и мама, и Хару, и Таккун оставались здоровы и дружны. Это было… в четвёртом классе. Для меня то время… те

ежедневные игры сейчас кажутся воистину золотым временем…

Тиюри замолчала и посмотрела в потолок, чтобы не дать слезам скатиться с глаз.

Харуюки, не силах произнести ни слова, вспомнил лицо отца Тиюри.

В третьем-четвёртом классах, когда они возвращались домой с улицы, он всегда радушно встречал их в квартире Тиюри, кормил их и даже разрешал мыться в ванной. Но, хоть Харуюки и был хорошо знаком с её отцом, он ни разу не замечал того, что тот все эти годы сражался с тяжёлой болезнью. На его худощавом лице всегда была улыбка, и он нередко сам принимал участие в их играх.

— Тию… я… ничего…

«Не замечал», — пытался сказать Харуюки, но Тиюри вдруг вновь посмотрела на него, улыбнулась и покачала головой.

— Я ведь сказала, пока с ним всё в порядке. А может, других вспышек больше не будет вовсе. Поэтому… если честно, мне незачем было жить в постоянном страхе перед будущим. Но я всегда делала вид, что не вижу изменений… даже не пыталась понять чувства Таккуна… а потом и вовсе стала жить прошлым и пыталась постоянно вернуться в него. Я… понимаю, почему Таккун прошлой осенью попытался выяснить, о чём я думаю. Ведь я всегда, даже когда была рядом с ним, никогда не видела его таким, каким он был.

И тут…

Всё это время молчавший Такуму резко сжал кулаки и замотал головой.

— Нет… Ти, ты не права. Это моя вина в том, что я не доверял тебе. Это я не замечал того, что мучило тебя всё это время. Я… я просто пытался давить на тебя, заставить тебя смотреть лишь на меня. И в результате… я установил на твой нейролинкер…

Его отчаявшийся голос очень походил на тот, каким он разговаривал в ходе недавней битвы с Харуюки.

Но Харуюки верил, что теперь он выдавливает из себя слова не только из-за чувства раскаяния и ненависти к самому себе. Именно поэтому он молчал.

Такуму сжал кулаки до скрипа… а затем медленно расслабил их и хрипло добавил:

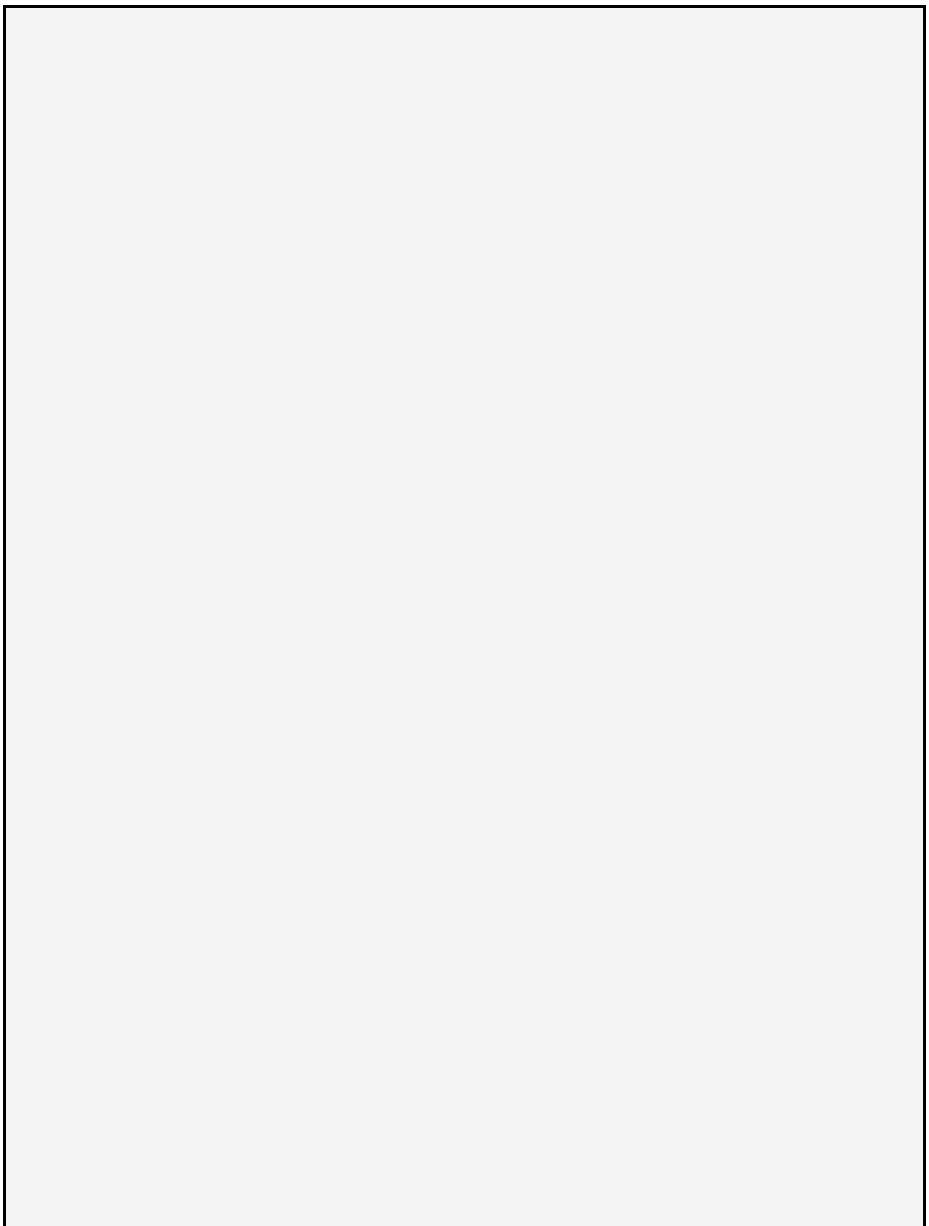
— Но… — он поднял голову и посмотрел сначала на Харуюки, а затем на Тиюри. — Но я изменюсь, Ти. Обещаю. Я буду постепенно становиться сильнее. Однажды я искуплю свои грехи, и тогда я смогу взять тебя за руку и повести в будущее.

— …Да, — Тиюри кивнула и обронила слезу. — Я… я тоже

перестану жить прошлым. Я всё ещё… боюсь, всё ещё не знаю, что ждёт меня впереди… но я буду ценить тот миг, которым живу. Я буду радоваться настоящему. Я счастлива, потому что все мы — я, Таккун, Хару, Снежка, Сестрица и Уи — вместе идём к одной цели. Поэтому…

Глубоко вдохнув и выпрямившись, Тиюри вытерла слезы, а затем уверенно подытожила:

— Поэтому я не отдам Таккуна этому вашему «ISS комплекту». Я буду защищать его. Вместе с Хару.



Глава 3

Даже сам Харуюки часто забывал о том, что Тиюри стала бёрст линкером лишь два месяца назад. Для сравнения: Харуюки пробыл им в четыре раза больше времени, а её «родитель» Такуму — аж в семь.

Но как только два «ветерана» рассказали ей всё, что знали об ISS комплектах, уже через несколько секунд Тиюри сильно нахмурилась и сказала:

— Мне кажется… или это снова они? Общество Исследования Ускорения.

— …

Харуюки с Такуму переглянулись, а затем вновь повернулись в сторону третьего матраса, на котором сидела Тиюри, и кивнули.

— У…угу… мы тоже так подумали.

— Ну ты даёшь, Ти. У нас с Хару на пару ушло куда больше времени, чтобы до этого додуматься.

— Я просто подумала… — продолжая строить кислую мину, Тиюри заговорила чуть тише, — Он ведь действовал примерно так же. Не нападал в открытую, а отравлял жизнь исподтишка…

Тиюри намекала на бывшего бёрст линкера, покинувшего Ускоренный Мир, Даск Тейкера. Когда он раскрыл свою личность Харуюки, у него на руках уже была полная информация обо всём Нега Небьюласе и всех слабых точках Харуюки.

Очагами распространения комплектов стали так называемые заброшенные зоны Сетагаи, Оты и Эдогавы. Скорее всего, большая часть живущих близко к центру города бёрст линкеров ещё даже не в курсе происходящего.

Конечно, через четыре дня, в воскресенье, состоится следующая Конференция Семи Королей, и на ней вопрос о комплектах наверняка будет поднят, но к тому времени ситуация перейдёт из статуса эпидемии в неуправляемую пандемию…

Стараясь подавить свои опасения, Харуюки свёл перед собой ноги, ухватился руками за ступни и сказал:

— В Ускоренном Мире есть, так сказать, одна теория. У каждой мощной способности, вещи и так далее есть определённый риск или слабое место, которые компенсируют их силу. Скажем, мой аватар умеет летать, но больше не умеет практически ничего, Сваебой Такуму и Ураганные Сопла Рейкер требуют перезарядки после использования.

— Тут… ты прав. Мой Зов Цитрона требует сложных движений для активации и не обладает самонаведением, из-за которого от него очень просто уклониться, — кивнув, согласилась

Тиюри.

Затем Такуму поправил очки и подхватил тему:

— Даже Система Инкарнации, хоть и не подчиняется правилам игры, следует этому закону. Нельзя освоить в совершенстве техники, не совместимые со склонностями аватара, а чрезмерное использование Инкарнации приводит к риску падения во тьму и потери контроля над силой… кажется, я понимаю, к чему клонит Хару…

— Ага. Мы не знаем принципов работы ISS комплектов и того, как именно их делают, но факт в том, что Брейн Бёрст позволяет им существовать. А значит, у этой устрашающей силы и возможности бесконечного распространения… должен быть настолько же фатальный недостаток. Если мы узнаем его… то сможем сломать всю эту сеть.

— Да… это не исключено… — глаза Такуму сузились, и в них вновь появились искры интеллекта. Он продолжил, уже быстрее, — Мне всегда казалось, что автор комплекта… скорее всего, кто-то из самой верхушки Общества Исследования Ускорения, должен был догадаться встроить в него какой-либо механизм самоуничтожения. В частности, именно ради того, чтобы выведать это, я и собирался идти сражаться. Но раз у комплекта просто обязан присутствовать какой-то недостаток… то, быть может… секрет кроется именно в том, что механизм самоуничтожения прячется внутри, и для его активации не нужно каких-либо сторонних команд?..

Такуму ахнул, вскинул голову и уже открыл рот, чтобы добавить что-то ещё…

Как Тиюри повела пальцам у него перед лицом.

— Нет уж, Таккун.

— Э?..

— Ты ведь сейчас в любом случае собирался сказать, что вызовешься побыть подопытным кроликом, с помощью которого Снежка и Сестрица будут искать слабое место комплекта?

— А… н-ну да… ведь командир и офицер должны успеть понять, как деактивировать его до того, как я окончательно свихнусь…

— Нет уж! Правила нашего Легиона запрещают кому-либо жертвовать собой и страдать в одиночестве ради достижения чего-либо! — резко заявила она, заставив Харуюки и Такуму вновь переглянуться.

Дело в том, что как раз Тиюри «пожертвовала собой и страдала в одиночестве» во время нападения Даск Тейкера ради того, чтобы спасти их.

Но слова свои она произнесла так, словно от этой части

инцидента в её голове не осталось и следа. Заметив, что Такуму и Харуюки смолкли, она на мгновение задумалась, а потом сказала:

— Слушай, Таккун. А почему бы нам… не попробовать уничтожить захвативший тебя комплект моим Зовом Цитрона во втором режиме?

— !.. — ахнул Харуюки. Именно этот план он уже несколько часов лелеял в своём сердце.

Дуэльный аватар Тиюри, Лайм Белл, обладал невероятным спецприёмом «Зов Цитрона», способным откатывать время для аватара назад. У этого приёма есть два режима, отличавшихся необходимыми для вызова движениями, затратами энергии и эффектом.

Первый режим тратил половину шкалы и откатывал время в секундах, что позволяло восполнять шкалы здоровья и энергии. Эта способность похожа на «исцеление» — очень редкий и ценный навык в Ускоренном Мире.

Второй режим, требующий за применение всю энергию, ещё более невероятный. Он откатывал время по одному изменению за раз. Под изменениями понимались надевания/снятия экипировки, потери конечностей, а для имеющих несколько форм аватаров — смены форм. Даже временное лишение надетой экипировки ставило аватара в невыгодное положение, а некоторая экипировка и вовсе могла быть надета только один раз за бой. Лишившись её, бёрст линкеру оставалось лишь признать поражение.

Но «невероятность» второго режима заключалась в том, что он мог отменять получение экипировки. Естественно, способность не могла откатывать время вечно (не более четырёх изменений), поэтому на практике этим можно было воспользоваться лишь сразу после получения аватаром экипировки. Но если этот эффект срабатывал, то могла отмениться передача экипировки от одного аватара другому (что означало необходимость повторной встречи в реальности и ещё одну кабельную дуэль) или покупка экипировки в магазине (повторно выкупить вещь можно не сразу). Естественно, в случае отмены покупки затраченные очки возвращались.

Учитывая все эти правила, Харуюки принялся считать недавние изменения состояния Такуму.

Его родная экипировка, Сваебой, не требовала надевания, и в счёте не участвовала. Да, она отключалась при превращении в Цианового Клинок, но поскольку тот является Инкарнационной техникой, системная логика на это явление не распространялась.

Итак, произнесение команды на активацию «режима IS» в прошлом бою и надевание ISS комплекта — раз. Далее,

аналогичная команда, произнесённая в бою с Супернова Ремнант — два. До этого Такуму сражался прошлой ночью с Мажентой Сизза в Сетагае, которая передала ему запечатанный ISS комплект. Три. С учётом того, что второй режим Зова Цитрона откатывал время максимум на четыре события, они всё ещё могли успеть.

— Таку… — тихо прошептал Харуюки.

Скорее всего, Такуму успел подумать то же самое, поскольку в глазах его горел тихий огонёк надежды.

Но затем он сомкнул глаза и сокрушённо покачал головой.

— Нет…хоть под правило четырёх изменений я всё ещё попадаю… но, боюсь, Зовом Цитрона его не вычистишь…

— С-чего это, Таккун?! Мы его отправим прямо Маженте Сизза наложенным платежом! — бодро выпалила Тиюри.

Такуму в ответ улыбнулся и ещё раз покачал головой. Затем он мягко, но убедительно произнёс:

— Ти. Оно… часть этого комплекта, или, быть может, его истинное тело, находится уже не в нейролинкере, а в моей голове. Такое возможно только в одном случае — при использовании Системы Инкарнации. Боюсь, твой Зов Цитрона не сработает на мне так же, как он не сработал, когда ты попыталась вернуть им ноги Рейкер…

— …

Такуму с Тиюри синхронно прикусили губы. Затем Такуму кивнул и продолжил:

— По времени потеря конечностей Рейкер всё ещё была в зоне действия Зова Цитрона, но ты не смогла вернуть ей ноги, поскольку она продолжала отторгать их бессознательной Инкарнацией. Уверен, у ISS комплекта есть своя Инкарнация, которой он будет сопротивляться уничтожению…

— Ах, так! Ну, тогда и мне пора! — Тиюри по очереди посмотрела на Харуюки и Такуму, а затем громко заявила: — Я тоже научусь использовать Систему Инкарнации! Я обрету силу, способную очистить Таккуна от ISS комплекта, скольких лет на неограниченном поле мне бы это ни стоило!

— Не смей, Ти! — тут же крикнул в ответ Такуму.

Реакция Тиюри была ожидаемой:

— Но почему?! И Снежка, и Сестрица говорили мне, что придёт время, и я тоже взращу свою собственную Инкарнацию! Почему нельзя сделать это сейчас?..

Такуму уже открыл было рот, чтобы возразить…

Но не успел. Харуюки, догадавшийся, что именно он собирался сказать, вдруг подался вперёд и осторожно ухватился за упругую левую руку Тиюри.

— Тию.

Та тут же посмотрела на него строгим взглядом. Харуюки продолжил:

— Тию… твой Зов Цитрона — техника невероятной мощи. Вполне возможно, что ты самый могущественный аватар во всём Нега Небьюласе. Но… это сила мечты вернуться в прошлое. Я не знаю, заметила ты или нет, но тот колокольный звон, который раздаётся при активации техники… это тот самый звонок из начальной школы, означавший, что уроки кончились…

Скорее всего, она знала об этом. На мгновение её глаза округлились, но затем она быстро отвела взгляд. Харуюки продолжил рассказывать затихшей подруге:

— Конечно, и у меня, и у Таку Инкарнационные Техники крепко связаны с нашим прошлым. Но техника Таку, например, наполнена волей разрубить цепи, сковывающие его с прошлым, и двигаться вперёд. Поэтому, и я… и он хотим, чтобы ты училась Инкарнации, смотря в будущее. Мы не знаем, какая техника получится у тебя… но нам хочется, чтобы она была полна желания тянуться к будущему…

Какое-то время после этих слов все они молчали. Никто даже не дёргался.

Двигались лишь стрелки аналоговых часов на стене, приближаясь к отметке в 11 часов. Тихо гудел кондиционер, перешедший в режим увлажнения воздуха. Сквозь шумопоглощающее окно изредка доносился скрип колёс проезжающих по Седьмой Кольцевой электромобилей.

Наконец, Тиюри постепенно расслабилась и со слезами на глазах мягко улыбнулась.

— Это точно… — прошептала она, кивнула и добавила, — Ты прав. С системным спецприёмом я уже ничего не поделаю… но если эту технику я буду растить сама из своей души… то я бы тоже хотела что-нибудь, полное надежды и веры в будущее. Как у тебя, Таккун… и как у тебя, Хару.

— А-а… ну, моя техника ничего из себя не представляет…

— Нет. Я обожаю и «Циановый Клинок», и «Лазерный Меч», — Тиюри ухмыльнулась и, вновь взбодрившись, заявила, — Точно, мне нужно сделать «Такое-то Лезвие», чтобы вписаться! Что-нибудь, мощное, чтоб вас обоих просто смело!

— А…

Харуюки с Такуму вновь переглянулись. На самом деле, никто из них не знал, на что на самом деле способна Лайм Белл. В этом аватаре вполне могла пробудиться такая техника, что оставила бы их далеко позади.

— П-пощади нас… — сказал Харуюки.

В этот раз переглянулись уже Тиюри и Такуму. А затем они задорно рассмеялись.

Четверг должен был начаться со школы, а закончиться побегом из Имперского Замка, так что друзья решили хорошенько выспаться и улеглись на постеленных в зале матрасах. Расстелили они их в ряд — справа лёг Харуюки, посередине Такуму, а слева Тиюри. В детстве Тиюри всегда занимала центральный матрас, но сегодня «главное» место они решили отдать Такуму.

Конечно, высказывалось предложение не спать вовсе, чтобы не дать ISS комплекту вмешаться в сон, но Такуму отклонил его, разумно решив, что бессонная ночь негативно скажется на завтрашней миссии. Какой бы критической ни казалась ситуация с комплектом, нельзя забывать и о том, что дуэльный аватар Харуюки запечатан на неограниченном нейтральном поле. Завтра ему нужно попытаться сбежать оттуда вместе с аватаром-очистителем «Ардор Мейден», а затем ещё и очиститься от Брони Бедствия, чтобы в воскресенье Короли не объявили за его голову награду.

— Всё будет хорошо. С вами рядом мой сон ничего не нарушит, — произнёс Такуму, уже улёгшись.

Харуюки кивнул и ответил:

— Ага. Если тебе приснится кошмар — сразу скажи. Мы тебя растолкаем.

— Это будет непросто. Как я тебе скажу, если буду во сне?

— Э..э-э… а ты во сне не говоришь?..

Оба они чувствовали, как тяжелеют веки, и подступает сон. Но тут вдруг щёлкнула пальцами Тиюри со словами:

— Точно! Если снятие нейролинкера не помогает, то давайте соединим их между собой и не будем их на ночь снимать?

— Э?!.. — Харуюки удивлённо заморгал.

Тиюри приподнялась и продолжила:

— Кто знает, может, в таком случае нам удастся общаться мысленным голосом и во сне? Может, так мы сможем почувствовать, если с Таккуном что-то случится.

— А-а… да, об этом я не подумал.

Переглянувшись с таким же удивлённым Такуму, Харуюки молча согласился с идеей. Они поднялись, забрали свои нейролинкеры, которые оставили на столе для подзарядки, и одновременно надели их. Затем они достали два XSB-кабеля. В итоге улечься посередине пришлось Харуюки — только у его нейролинкера было два кабельных разъёма.

Слева от него легла Тиюри, а справа — Такуму. Перед глазами промелькнули два предупреждения о проводном

соединении, а затем исчезли, оставив лишь иконки на боковой панели.

Натянув одеяло до подбородка, Харуюки ощутил странное чувство.

Любое проводное соединение в той или иной степени сопровождалось напряжённостью. Осознание того, что такое соединение обходило всю защиту нейролинкера и связывало сознания напрямую, казалось волнительным и даже аморальным.

Но сейчас Харуюки ощущал лишь тишину и покой. Ощущение того, что он защищал двух своих самых лучших друзей, а они защищали его. По этим кабелям словно текло умиротворение, наполнявшее их сердца…

Вскоре Харуюки закрыл глаза. Искусственный интеллект домашнего сервера, обнаружив, что жители квартиры начали отходить ко сну, приглушил свет. Сознание начало скользить в нежную тьму. Послышались два голоса:

«Спокойной.»

«Спокойной ночи.»

Были ли эти голоса настоящими или только мысленными — Харуюки не знал. В ответ он тихо прошептал:

«…Спокойной ночи.»

Глава 4

«Хару…
Хару, ты меня слышишь? Проснись.»

Услышав, как кто-то зовёт его, Харуюки приоткрыл глаза. Вокруг было темно. Виднелась чья-то фигура.

— Ещё ведь темно… дай поспать… — пробурчал он и попытался снова заснуть.

Но тут его начали дёргать за плечо.

— Хару, вставай.

Набитое ватой сознание Харуюки уловило тревогу в этом голосе, и частично пробудилось. Он с трудом продрал глаза. Вокруг действительно была серая темень. С учётом времени года, такой тусклый свет соответствовал примерно четырём часам утра.

— Что случилось, Тию?.. — вяло спросил Харуюки, затем несколько раз моргнул и заставил себя открыть глаза полностью.

Он лежал на левом боку, а на его правом плече действительно лежала рука Тию. Он отчётливо видел перед собой её миниатюрную фигуру, сидящую на полу. Её короткие волосы, её большую треугольную шляпу. Её полупрозрачную зелёную броню, покрывающую тело. Её Усиливающее Снаряжение в виде большого колокола на левой руке…

…Э?

Наполовину проснувшийся Харуюки вскочил так быстро, будто лежал на пружине. Его тело в ответ лязгнуло. На нем одета не полосатая пижама, а серебряная броня.

Харуюки тут же осмотрел свои руки, а затем попытался прикоснуться ими к лицу. Убедившись, что на нём надет шлем с гладкой маской, он окончательно понял, что превратился в своего дуэльного аватара, Сильвер Кроу. А жёлто-зелёной фигурой перед ним оказалась Лайм Белл, аватар Тиюри.

«Что происходит?.. Тию вызвала меня на дуэль во сне?» — тут же подумал Харуюки и посмотрел наверх в поисках таймера и шкал здоровья. Но там не оказалось интерфейса. Не было ни полосок, ни таймера, отсчитывавшего 1800 секунд.

Но это невозможно. Превращение в дуэльного аватара означало погружение на дуэльное поле. И, вне зависимости от типа поля, собственная шкала здоровья отображалась всегда. В настройках отключить её невозможно.

А значит, это был сон.

Харуюки сел, вытянул ноги и попытался ущипнуть себя за щеку. Но рука тут же упёрлась в твёрдый шлем. Всё ещё медленно

соображающий Харуюки решил вместо этого воспользоваться щекой Тиюри и протянул руку к ней. По пути он вспомнил, что все маски дуэльных аватаров твёрдые, и задумался о том, за что ещё можно ущипнуть Тиюри. Интересно, а как у дуэльных аватаров женского пола реализована грудь?..

С этими мыслями Харуюки выставил вперёд палец и потянулся к двум выступам на мантии Лайм Белл…

А через полсекунды после того, как его палец ощутил мягкость и упругость…

— Ч-что ты делаешь?! — послышался вопль, а сразу за ним огромный колокол с оглушительным звоном опустился на голову Харуюки. Лайм Белл безжалостно атаковала Сильвер Кроу с помощью «Хорового Перезвона», своего Усиливающего Снаряжения.

— Угх-х!

После того как перед его глазами перестали плясать жёлтые цыплята, полностью разбуженный Харуюки поднял голову и осмотрелся. Где бы они ни были, это явно не его квартира. Больше всего это место напоминало какую-то трубу. Справа — тупик, а сама труба продолжалась влево насколько хватало глаз, бесконечно петляя.

Это не сон. Но и не дуэль. По непонятным причинам Харуюки и Тиюри превратились в дуэльных аватаров и оказались в непонятном пространстве.

…Харуюки и Тиюри?

— Г-где Таку?!

Харуюки вновь осмотрелся, но массивного тела Циан Пайла возле них не было. Затем он вновь перевёл взгляд на Тиюри. Та, всё ещё прикрывая руками грудь, с обидой смотрела на него. Но, заметив его взгляд, она вновь приняла обеспокоенный вид и покачала одетой в шляпу головой.

— Я не знаю… я тоже только что проснулась. Встала я уже дуэльным аватаром, ты лежал рядом, а Таккуна нигде не было…

— Ясно…

Харуюки задумался.

Пусть они оба и были дуэльными аватарами, но отсутствие счётчика, а также полосок жизни и энергии однозначно указывало на то, что они находятся не на дуэльном поле. Харуюки рефлекторно попытался раскрыть свои крылья. Но у него не получилось, хотя крылья и не требовали для активации энергии. Вероятнее всего, все их способности полностью отключены.

В голову Харуюки приходило лишь одно объяснение. Похоже… нет, вероятнее всего, этот феномен вызывал паразитирующий на Такуму ISS комплект. Харуюки и Тиюри

оказались затянуты в него из-за того, что легли спать, будучи напрямую подключены к его нейролинкеру. В какой-то степени они сейчас находились во сне Такуму.

А значит, где-то в этом мире должен быть и он сам. Рядом с ними его нет потому, что он уже успел уйти в направлении бесконечно тянущейся вдаль трубы слева от них.

— Идём, Тию… нам нужно разыскать Такуму.

— Ага, пойдём.

Тиюри, судя по всему, пришла к такому же выводу и тут же согласилась. Харуюки моментально вскочил на ноги (в реальном теле у него бы это ни за что не получилось), протянул руку Тиюри и помог ей подняться.

Но он не отпустил руку Лайм Белл после того, как та встала, а наоборот, сжал её покрепче. Она сжала его руку в ответ, а затем они попытались коснуться стены справа от них. Оказалось, что она сделана не из земли, и не из цемента. Какой-то серый, упругий, лёгкий материал. Тёплый, и весь покрытый небольшими трещинками. Стена была похожа на внутреннюю стенку какого-то организма… а возможно, ей и являлась.

Переглянувшись и кивнув друг другу, они начали продвигаться вглубь тоннеля, продолжая держаться за руки.

Вскоре они потеряли ощущение времени и расстояния.

Они не знали даже того, находились ли они под «ускорением». Если нет, то в 7 утра их должен разбудить будильник домашнего сервера Харуюки, но если да, то этот сон мог продлиться практически вечно. Возможно, они могли уйти отсюда, произнеся «бёрст аут», но оставлять Такуму одного им тем более не хотелось. Ведь даже те несколько секунд, что уйдут у них на то, чтобы растолкать его в реальном мире, растянутся очень надолго.

Скорее всего, этот же сон снился Такуму и вчера. Именно в нём что-то наполнило его сердце тьмой.

А в этот самый момент процесс повторялся вновь. Его вновь пытались лишить того, что они вместе с Харуюки с таким трудом вернули в ходе кабельной дуэли…

Эти мысли гнали его вперёд, и Харуюки сам не заметил, как пустился в бег, утягивая за собой Тиюри. Та была встревожена не меньше него и старательно пыталась не отставать от скоростного Сильвер Кроу. Два аватара продолжали бежать по бесконечно петляющему тоннелю.

Не раз он пытался расправить крылья и взлететь, но по какой-то причине здесь его «полёт» не срабатывал. Как бы он ни старался, чешуйчатые крылья упорно не реагировали.

По его собственным ощущениям, они пробежали уже километров пять. И тут…

Впереди, наконец, показался тусклый свет.

— Это выход?.. — подала голос Тиюри.

Харуюки кивнул и ускорился ещё сильнее.

Последние десятки метров они преодолели на одном дыхании и, выбежав из тоннеля, увидели перед собой нечто невероятное.

Космос.

Хотя, нет, не совсем. Они вышли в казавшееся бесконечным чёрное пространство, украшенное бесчисленными огоньками. Высоко над обомлевшими аватарами огоньки образовывали плотный комок, сиявший, словно смотанный в шарик Млечный Путь. Но, в отличие от звёзд, эти огоньки постоянно вибрировали. Один огонёк врезался в неподвижный другой, и тот начинал двигаться, сталкиваясь со всё новыми огоньками. Эта цепная реакция продолжалась, напоминая какую-то трёхмерную версию бильярда… или, может быть, модель какой-то сети.

Сложно сказать, как далеко они были от «мерцающего Млечного Пути», и насколько он велик. Но Харуюки отчётливо ощущал, что если бы он смог подойти к нему вплотную, то заметил, что количество огоньков в нём действительно достигало космических масштабов.

Обернувшись, Харуюки и Тиюри увидели, что тоннель, из которого они пришли сюда, был похож на дыру, открытую прямо в пространстве. От тоннеля шёл узкий мост шириной в два метра, уходивший вниз этого чёрного пространства. Аватары стояли у его начала.

Харуюки, державший Тиюри за правую ладонь, вновь перевёл взгляд на ослепительно красивое скопление огоньков. Слева от него послышался тихий шёпот:

— Вот это да…

Кивнув, Харуюки отозвался:

— Интересно… что это?..

Ответ на этот вопрос пришёл справа:

— «Основной Визуализатор».

— Э?!..

— К-кто здесь?!

Одновременно воскликнули Харуюки и Тиюри и ошарашенно повернулись вправо. Рядом с ними, у стены узкого коридора, тихонько стояла ещё одна фигура, которой там до этого не было.

Но… это не Циан Пайл, не Такуму. И тем более не кто-то другой из их Легиона. Это аватар женского пола с цветочным дизайном. Цвет его брони был шафрановым, напоминавшим о

тёплом весеннем солнце.

Заметив эту фигуру, Харуюки сразу успокоился и шепнул Тиюри:

— Всё хорошо, Тию, это не враг.

— Э… ты её знаешь, Хару? Но если так, что она тут делает?.. Разве это не «сон» Таккуна?..

Харуюки не мог ответить на эти вопросы. Но он постарался вкратце сообщить ей всё, что знал сам:

— Эм-м… она живёт не в Таку, а внутри меня. Если точнее, внутри брони «Судьба», находящейся у меня… я… правильно говорю?

О шестом артефакте, Судьбе, Харуюки успел в общих чертах рассказать Тиюри в ходе вечернего разговора. В ответ на его вопрос шафрановый аватар немного склонил голову.

— Это так, и в то же время не совсем. Действительно, я живу внутри Судьбы, но её описание хранится в этом мире…

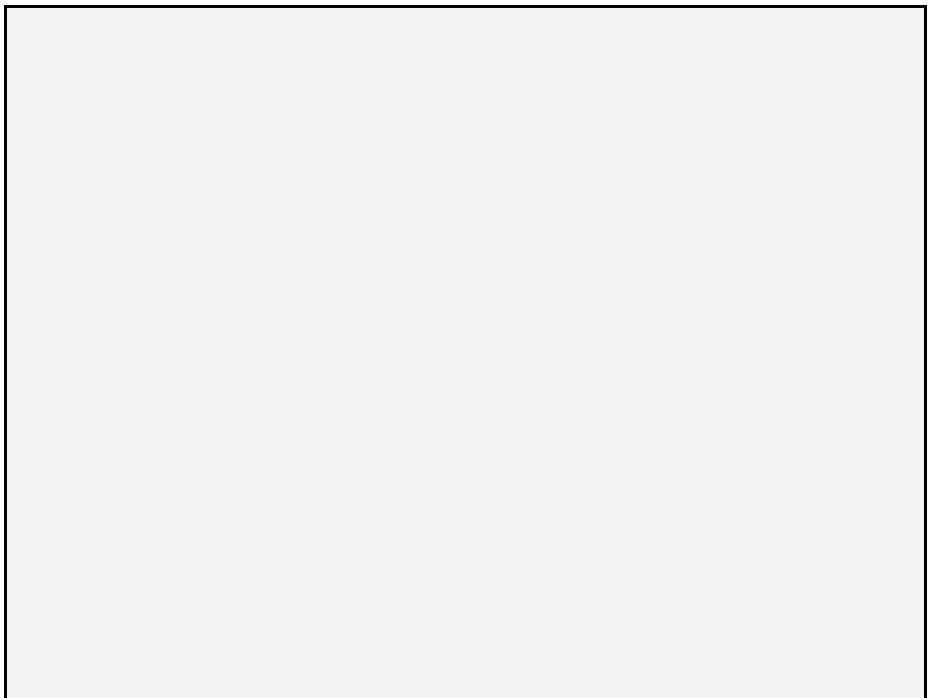
— Э-э… о чём ты?.. И что это за Основной… Визуализатор, о котором ты только что говорила?..

На этот вопрос таинственная девушка дала совершенно неожиданный ответ:

— Выражаясь вашим языком, «центральный сервер Брейн Бёрста».

— !..

В этот раз шок был таким сильным, что оба они оцепенели.



Центральный сервер Брейн Бёрста — «тело» Ускоренного Мира, и никто не знал, где именно он находится. Самое что ни на есть ядро мира, хранящее информацию о статусе всех бёрст линкеров и все данные, относящиеся к Брейн Бёрсту, просчитывающее все изменения, управляющее всеми Энеми.

По словам шафранового аватара, они сейчас видели… вернее,

находились внутри этого самого центрального сервера, который не просто отвергал любые попытки несанкционированного доступа к себе, но не давал даже малейших намёков на то, что он из себя представляет.

— Но… но почему тогда мы… ведь все ветераны в один голос говорят о том, что сервер ББ совершенно неприступен?.. — дрожащим голосом спросил Харуюки.

Ему показалось, что девушка слегка улыбнулась.

— И они правы. Но нам дан способ, один-единственный способ, позволяющий прикоснуться к основам этого мира. Вам он уже должен быть известен.

— Прикоснуться… к основам мира… — повторил за ней Харуюки, а затем на него снизошло озарение. — Система Инкарнации?.. Сила образов… перепись реальности через «контур воображения»…

— Именно. Великая, и в то же время печальная сила… — кивнув, ответила девушка.

Услышав эти слова, Харуюки вдруг вспомнил.

Он видел этого шафранового аватара не впервые. Сегодня… вернее, уже вчера, он видел её в конце кабельной дуэли с Такуму. Когда тот ударил его Тёмным Ударом, и истерзанный Харуюки не мог даже подняться, она вдруг появилась перед ним. И тогда она сказала ему, что говорит с ним благодаря тому, что Харуюки установил временную связь с центральной системой.

Под центральной системой она явно понимала сервер ББ, то есть «Основной Визуализатор». А под связью… именно «контур воображения». Выходит, что сила образов, основа Системы Инкарнации, могла открыть путь к основам этого мира.

— Но… ведь мы не используем Систему Инкарнации… я, например, вообще ещё ничего про неё не знаю… да и вообще мы спим, причём оба… — заговорила вдруг стоящая слева от Харуюки Тиюри, шагнув вперёд.

Харуюки в очередной раз заметил, что, хотя по цвету Лайм Белл разительно отличалась от шафранового аватара, в чём-то дизайн их брони был схожим. И речь шла не только о том, что «лиственный» мотив походил на «цветочный». Сходство выражалось на каком-то гораздо более глубоком уровне.

Похожая на Тиюри девушка кивнула и указала левой рукой на длинный тоннель, по которому они пришли сюда.

— Этот тоннель и есть «контур воображения». Вы пришли сюда по контуру вашего близкого друга.

— Э… по контуру Таку?..

— Тогда… выходит, что Таккун сейчас использует Систему Инкарнации?.. — по очереди отозвались они. Девушка медленно

покачала головой.

— Этот образ — не его собственный. Этот тоннель создала чёрная сила, проникшая в него. Посмотрите туда.

С этими словами девушка вскинула уже правую руку, указывая ей в сторону уходившей во тьму дороги. Петляющий мост старательно огибал сверкающую галактику, постепенно уходя на дно этого пространства. Харуюки отчаянно вглядывался и, наконец, увидел на другом конце прозрачной тьмы…

Маленькую фигуру нагнувшегося вперёд мощного аватара, низко склонившего голову и медленно бредущего вперёд.

Пусть Харуюки с Тиюри и не разглядели синий цвет брони и экипировку на правой руке, но они моментально поняли, кто это был.

— Та… Таку!

— Таккун!

Дружно воскликнув, они попытались броситься вперёд. Но перед ними возникла рука шафранового аватара, останавливая их.

— Стойте. Если вы так опрометчиво кинетесь вперёд, оно заметит вас.

— О… оно?..

Харуюки встревоженно сфокусировал взгляд на том месте, куда направлялся Такуму.

А через несколько секунд, когда глаза его привыкли к тьме, он смог разглядеть вдали мутное «нечто».

Огромное, но с не поддающейся описанию форме. Какой-то огромный чёрный органический ком. Внутри него пульсировала непонятной формы сеть кровеносных сосудов. Сосуды эти ветвями вытягивались в окружающее их пространство, напоминая тонкие щупальца.

Вид ритмично пульсировавшего «чёрного кома» немного напоминал «галактику» высоко над ним. Но впечатление он производил прямо противоположное. Они стояли друг напротив друга, словно порядок и хаос. Словно свет и тьма.

— Ч… что это?.. Что это делает в центральном сервере?.. — дрожащим голосом спросила Тиюри.

— Это… породила не система, — приглушённо ответила девушка. — Кто-то из игроков в Брейн Бёрст посеял его семена и долгое время выращивал… это чужеродное тело…

— Посеял семена… выращивал… — пробормотал Харуюки, а затем вздрогнул и с придыханием прошептал, — Не-неужели это… Броня Бедствия? Это её истинное тело?..

— Нет, это не она. Броня — одна из семи звёзд… часть системы. Смотри, вот там Судьба.

Рука шафранового аватара указала почти в центр сияющей галактики. Вглядевшись, Харуюки заметил, что среди звёзд было несколько особенно ярких, расставленных в форме ковша. Взгляд его словно сам по себе скользнул к шестой звезде слева.

В отличие от остальных пяти звёзд, находившихся слева от неё, возле этой находилась ещё одна маленькая тёмная звёздочка. Если это действительно тело шестой звезды, Судьбы, то вторая тёмная звезда должна была содержать «волю к разрушению», сокрытую в Броне.

Странная тоска овладела Харуюки, когда он увидел эти две звезды, а затем он посмотрел ещё правее. Именно там должна находиться звезда, соответствующая последнему Артефакту, «Алькаиду», «Мерцающему Свету». И действительно, он увидел крупную звезду, мерцающую золотистым светом… но вдруг он заметил, что эта звезда словно была самым центром этой галактики.

Что это могло значить? Да, эти артефакты чудовищно могущественные, но они — лишь Усиливающее Снаряжение, просто предметы. Почему один из них находился в самом центре самого Брейн Бёрста?..

Через мгновение Харуюки вышвырнул этот вопрос из своей головы. Сейчас не время думать об устройстве Ускоренного Мира. Уже через несколько минут поникший Циан Пайл доберётся до чёрного кома.

Как ему сказали, это не Броня Бедствия. Тогда что же?..

— А!.. Хару, смотри! Там не только Таккун!.. — вдруг воскликнула Тиюри и указала правой рукой чуть левее Циан Пайла.

Харуюки пристально вгляделся. И действительно, там находился ещё один мост, похожий на тот, на котором стояли они сами. По нему тоже кто-то шёл.

Этот аватар был небольшим и знакомым на вид. Его мощные руки свисали так низко, что скребли поверхность моста. Объёмистое туловище наклонялось вперёд. Броня была цвета травы.

— Б… Буш Утан!..

Несомненно, это он — «братан» Аш Роллера и его соратник по Зелёному Легиону. Совсем недавно он сразился с Харуюки в Сугинами, показав при этом такой уровень владения Инкарнацией, который ставил его в один ряд с экспертами.

Утан не заметил их криков и продолжил брести в направлении чёрного кома.

Но на нём ничего не закончилось. За ним шли другие. И над ним. И под ним. Бесчисленные мосты то и дело всплывали перед

глазами Харуюки.

На каждом из них шло по одному аватару, и каждый из них безжизненно двигался вперёд. Мостов к кому плоти было уже тридцать… а может, и все пятьдесят.

И тут Харуюки понял, чем именно является этот чёрный организм.

Это тело таинственного снаряжения под названием «комплект ISS». Он вспомнил слова Такуму о том, что все комплекты связаны между собой. Когда становится сильнее один комплект, усиливаются и связанные с ним. А сейчас перед самыми их глазами происходила «связь». Когда владельцы комплектов ложились спать, контур воображения затягивал их в этот мир, где комплекты соединялись друг с другом через истинное тело.

Некоторые аватары уже успели добраться до кома и встали перед ним на колени. К ним подкрадывались тянущиеся из кома щупальца, обволакивали их и начинали пульсировать, словно обмениваясь с ними жидкостью. Вернее, информацией.

— Нет… о нет… — прошептала Тиюри. Хоть она и знала о происходящем гораздо меньше Харуюки, она отчётливо понимала, что именно происходит. — Какой ужас… из них высасывают всё, что им дорого… а вместо этого наполняют скверной…

— Да… ты права. Именно этот ком терзает Таку. Он с таким трудом пришёл в чувство во время нашей с ним битвы… но такими темпами он снова… — глухо проговорил Харуюки, а затем развернулся к стоящему справа шафрановому аватару и воскликнул, — Как нам остановить его?! Этот бедолага — наш друг! Нет, все они наши товарищи… наши друзья по Брейн Бёрсту! Если… если мы уничтожим этот чёрный ком, они остановятся, так?!

Не дожидаясь ответа, Харуюки вновь попытался броситься вперёд, но его вновь остановила рука девушки.

Но его остановило не то, что он упёрся в эту руку. Он прошёл сквозь неё. Её рука просочилась сквозь Сильвер Кроу так, словно девушка была лишь бестелесным видением. Именно удивление от произошедшего и остановило Харуюки.

Он обернулся и ошарашенно посмотрел на девушку. Всё это время он продолжал держать Лайм Белл за руку, и в том, что объекты в этом мире осязаемые, не сомневался.

Девушка печально улыбнулась и произнесла:

— Я ведь уже говорила? Я… память. Отголоски сознания и воспоминаний одного из игроков в Брейн Бёрст, покинувшего этот мир давным-давно…

— Воспо… минаний?.. Но почему ты можешь говорить с нами?.. — прошептала Тиюри.

Девушка едва заметно кивнула.

— Все данные в Основном Визуализаторе хранятся в том же виде, что и воспоминания человека. Поэтому, сильная воля… мольба или желание, выгравированное на объекте, может получить свой контур воображения. Это и есть я…

— Сильное… желание… — прошептал Харуюки, а в голове его всплыло ещё одно воспоминание.

Когда он впервые встретился с ней во время битвы с Такуму, она сказала ему, что ждёт человека, способного развеять проклятие брони… способного исцелить «его» ярость и печаль.

«Его». Харуюки не знал, о ком она говорила. Но именно благодаря этой молитве она продолжала существовать в Ускоренном Мире всё это время.

Девушка словно прочитала мысли Харуюки и кивнула.

— В этом месте есть лишь одна сила — воля. Этот чёрный ком — гигантский пучок отвердевшей злобы. Если вы приблизитесь к нему, эта злоба затянет и вас.

— Но… но ведь тогда она затянет Таку!..

Встревоженный Харуюки вновь устремил взгляд к другому концу моста. Медленно бредущего с опущенной головой Циан Пайла отделяли от ISS комплекта какие-то десятки метров. Уже через минуту до него дотянулись бы щупальца, лишив его всего, что было ему дорого.

И тут…

— У тебя должна быть сила, — уверенно заявила девушка.

— С-сила?..

— Да. «Сила протягивать руку вдаль ради чего-то, дорогого тебе».

— !..

Харуюки рефлекторно посмотрел на правую руку своего серебристого аватара. Тонкие, заострённые на концах пальцы. Рука, которой он боялся что-либо трогать, которой боялся взяться за руку с кем-либо ещё, которую так долго прятал в карманах.

А затем он посмотрел на левую руку. Та уверенно и бесстрашно сжимала правую руку Лайм Белл.

Восемь месяцев назад, до того, как он стал бёрст линкером, он ни за что не смог бы этого сделать, даже аватаром в фулл дайве. За эти восемь месяцев многие люди приходили на помощь Харуюки, подбадривали его, делились с ним храбростью.

«Я уже не тот человек, который шёл вперёд, не отрывая взгляда от пола. Эта рука способна не только на то, чтобы прятаться за моей спиной и обливаться холодным потом. Она

может принимать протянутые руки… нет, она может протягиваться к другим рукам сама. Вот, зачем она мне нужна.»

Мысли Харуюки словно раздались и в голове Тиюри, поскольку она тут же подняла его левую руку и крепко сжала её.

— Ты сможешь. Я знаю, ты сможешь, Хару. Твоя рука… донесёт до Таккуна твои чувства, где бы он ни был.

Кивнув и сжав её руку в ответ, Харуюки сказал:

— Да. Я дотянусь до него. Я не позволю этому мешку плоти захватить Таку.

Шафрановый аватар сказал им, что силой в этом мире обладает лишь воля. А значит, ему оставалось лишь одно — использовать Систему Инкарнации. Другими словами, обычные техники не имели здесь никакой силы. Именно поэтому Сильвер Кроу и не мог летать в этом мире.

Единственная Инкарнационная техника Харуюки — Лазерный Меч, базовая техника типа «Увеличение Радиуса Атаки». Но вытянуть из своей руки клинок он мог максимум на пару метров. Бредущий же к кому Такуму был метрах в пятидесяти от них.

Но расстояние не имело смысла в этом мире. Даже огромная ракета не достигла бы цели, если бы стрелок не верил в то, что она на это способна. И наоборот… если Харуюки поверит в то, что он сможет дотянуться, то хватит и его новичковой Инкарнации.

Продолжая сжимать ладонь Тиюри левой рукой, Харуюки пригнулся и расставил ноги. Затем он свёл пальцы на правой руке вместе.

— У тебя будет лишь один шанс, лишь одно мгновение, — прошептала стоящая справа девушка. — Но я уверена, ты справишься. Верь. Верь в себя… и во всех людей, с которыми тебя связывает твоё сердце.

А затем фигура девушки начала тускнеть, и она вошла в Харуюки, вновь сливаясь с ним в единое целое.

Он ещё многого не успел у неё спросить. Но он знал, что они ещё встретятся. А сейчас думать нужно лишь о том, как спасти Такуму.

Харуюки прекрасно понимал, что именно она имела в виду, когда говорила, что у него будет лишь один шанс. Когда этот ком попытается соединиться с Такуму, он должен будет обнажить своё слабое место. А Харуюки должен будет в него попасть.

Он сфокусировал своё сознание на правой руке, и её по локоть окутал свет.

И вместе с этим щупальца чёрного кома вдали начали извиваться, словно пытаясь найти что-то возле себя. Девушка была права — подойди Харуюки ближе, и ком заметил бы его, а затем попытался бы захватить. Точно так же, как он попытался

сделать это, размножив комплект в бою с Такуму.

Начал раздаваться пронзительный вибрирующий звук, и из правой руки стал вытягиваться острый серебряный клинок. Харуюки, готовясь к Лазерному Мечу, начал отводить его к поясу, но замер на полпути.

Он вдруг осознал, что его обычная техника не дотянется. Он уже попытался схлестнуться с силой ISS комплекта во вчерашней битве. Ему нужен гораздо более сильный образ, если он собирается пробить ту плотную тьму.

Он начал высоко заносить свою руку, словно ведомый чем-то. Затем он стал отводить руку назад настолько, насколько мог. Именно с этого движения начиналась ужасающая дальнобойная Инкарнационная Техника его родителя и учителя Блэк Лотос под названием «Стрижающий Удар».

Эта техника, вероятнее всего, была высшей формой сочетания Увеличения Радиуса Атаки и Увеличения Силы Удара. Конечно, он не рассчитывал на то, что сможет повторить эту технику. Но ему казалось, что он может воссоздать в голове её образ. Он должен воссоздать его.

Движения были непривычными, образ был мутным, и Оверрей на его правой руке начал неровно мерцать.

Вдруг его левую ладонь сжали ещё крепче. Послышался шёпот:

— Хару. Пусть я не умею использовать Инкарнацию, но мысленно я с тобой. Я хочу вернуть Таккуна. Я хочу, чтобы мы шли втроём, не в прошлое, а в будущее. Пусть… пусть даже наши пути однажды разойдутся, — произнесла она немного дрожащим, но уверенным голосом.

Вдруг тело Лайм Белл окутало слабое зелёное свечение. Этот свет полился в Харуюки через его руку и стабилизировал Оверрей на правой руке. Более того, он сделал его сильнее.

— Это и есть сила Инкарнации, Тию, — тихо отозвался Харуюки. — Молись о том, чтобы моя рука дотянулась до Таку.

— Хорошо.

Резонирующий звон нарастал, становился объёмнее. Щупальца кома плоти раздражённо извивались. Но до Харуюки и Тиюри они достать не могли.

Двигающийся вперёд Циан Пайл, наконец, добрался до самого кома и остановился. Он упал на колени, словно кто-то обрубил поддерживавшую его верёвку, и низко склонил голову.

На Сваебое, покрывавшем его правую руку, всплыл чёрный мячик. Он раскрылся, обнажив окровавленный глаз. Глаз торопливо осмотрелся по сторонам, а затем поднялся в воздух.

Он тянулся вперёд, всё ещё связанный с рукой Такуму

щупальцами. В ответ из «тела», чёрного кома плоти, к нему потянулся толстый пучок сосудов.

И в тот самый момент, когда они собрались соединиться в единое целое…

Харуюки выбросил вперёд отведённую за спину правую руку. Вместе с ним он прокричал слова, всплывшие в его сердце:

— Лазер… Ланс[3]!!

Послышался оглушительный металлический звук, и ладонь испустила длинное тонкое копье из концентрированного света.

Оно пробило окружавшую тело ISS комплекта тьму и продолжило вытягиваться. Двадцать метров, тридцать. Оно продолжало уверенно тянуться.

Но тут Харуюки ощутил резкое сопротивление. Это было то самое чувство, что он испытал в битве с Буш Утаном, когда попал под его первый Тёмный Удар. Тот самый обжигающий холод.

«Тянись!»

«Тяни-ись!»

Одновременно раздались беззвучные возгласы Харуюки и Тиюри. Окутавшие их аватары Оверреи вспыхнули ослепительным светом, слились друг с другом и полились в копьё, разрывая тьму вокруг него.

ISS комплект Такуму, как раз собиравшийся соединиться с кровеносными сосудами, вдруг совершенно органическим движением обернулся и увидел копьё. Чёрные веки раскрылись до предела. Он тут же попытался вновь вернуться в свою обитель, на правую руку Циан Пайла, но за мгновение до этого…

Инкарнационное копьё поразило алый глаз точно в зрачок.

Послышался отвратительный звук, и глаз моментально разорвался, расплескав вокруг себя чёрную жидкость. Харуюки ощутил, как тело испустило волну неистовой ярости.

Щупальца, по всей видимости, разумного кома, начали резко закручиваться, пытаясь найти того, кто мешал телу. Под ними на мосту вдруг резко поднял взгляд Циан Пайл.

— Та… Таку! Сюда! — как можно громче крикнул Харуюки.

Такуму обернулся и сразу заметил вдали Харуюки и Тиюри. В щелях его маски вспыхнул яркий голубой свет, означавший, что он полностью пробудился.

— Таккун, беги! — завопила Тиюри.

Такуму поставил своего массивного аватара на ноги и бросился в их сторону. Пробежав несколько шагов по мосту, он вдруг остановился, словно подумав о чём-то, и медленно развернулся… в сторону кома плоти.

Ком скрутил половину своих щупалец в одно, явно намереваясь схватить Такуму. Скорее всего, он собирался вновь заразить его комплектом.

— Таку, беги!.. — крикнул ему Харуюки, но чуть не проглотил язык от увиденного.

Вместе с его словами Такуму вдруг ухватился за остриё кола Сваебоя.

Этим движением начиналась его фирменная Инкарнационная техника типа «Увеличение Силы Атаки»…

— Циан Блейд[4]! — произнёс он название техники возвышенным голосом.

Усиливающее Снаряжение на его правой руке распалось, а оставшийся на его месте кол покрылся цианового Оверреем. Изящным движением Такуму перехватил его обеими руками, и кол превратился в большой двуручный меч.

Такуму изо всех сил размахнулся сверкающим синим клинком и бесстрашно атаковал несущиеся к нему щупальца.

— Ч-че-а-а-а! — сотряс воздух пронзительный клич.

Отголоски силовой волны ощутили даже обомлевшие Харуюки и Тиюри.

Двуручный меч сверкнул молнией, разрубая собой всё, что попадалось на его пути…

Перерубая скрутившиеся вместе щупальца и глубоко вонзаясь в тело комплекта.

Беззвучный резонанс.

Ком плоти начал отчаянно извиваться. Соединённые с ним сосудами бёрст линкеры пошатнулись. Часть из них пробудилась и начала недоумённо оглядываться по сторонам. Свет от вошедшего в тело клинка становился всё сильнее, и от него во все стороны бежали маленькие трещины.

В следующее мгновение десятиметровое тело ISS комплекта разорвалось изнутри, распадаясь на жидкость и газы. Дорога, на которой стояли Такуму, Харуюки и Тиюри, разрушилась у основания. Потерявшие опору аватары начали падать в бездонную дыру.

А в следующее мгновение…

Глава 5

— А-а-а! М, мы пада… — закричал Харуюки, вскакивая с матраса.

Он тут же ощутил, как что-то потянуло его за шею.

— Э-э… что…

Ощущая, как бешено колотится его сердце, он огляделся по сторонам. Бело-серые обои. Тонкий дисплей на стене. Большой обеденный стол. Вдали — кухонная стойка.

Родной зал его квартиры. На полу расстелены матрасы, на одном из которых он и спал.

Домашний сервер заметил подъём Харуюки, и лампы на потолке загорелись чуть ярче. В бледном свете он смог разглядеть, что за шею его тянули два XSB-кабеля, присоединённые ко всё ещё надетому нейролинкеру. Повернув голову влево, он увидел совсем рядом с собой валявшуюся на матрасе Курасиму Тиюри, пижама которой успела закатиться во сне, обнажив животик.

«Это был всего лишь сон?

Тот странный тоннель, в который я попал дуэльным аватаром, та сияющая галактика, та девушка в броне шафранового цвета… только сон?»

А пока эти мысли проносились в голове Харуюки, Тиюри распахнула веки так резко, что те едва не щёлкнули.

Через секунду она встретилась с ним взглядом и хрипло крикнула:

— Хару… где Таккун?! Он смог вернуться оттуда?!

Её слова означали, что она пережила то же, что и он.

Да, это не мог быть просто сон. Всё, что он видел и слышал в нём, всё, что он в нём сделал, было реальностью. Они действительно прошли по «контуру воображения» в центральный сервер Брейн Бёрста, обнаружили там ужасный чёрный ком плоти — тело ISS комплекта, а затем Харуюки Инкарнационной Атакой пробудил Такуму, который чуть было с ним не соединился. А после этого…

— …Таку! — воскликнул Харуюки и резко повернулся вправо.

В отличие от Тиюри, лежавший в полутьме Маюдзуми Такуму выглядел так же опрятно, как и всегда. Глаза его были закрыты.

— Таккун!.. — присоединилась к нему Тиюри и, перекатившись, села на колени возле него.

Она протянула руки, собираясь потрясти его за плечи, но в этот самый момент Такуму резко открыл глаза.

Его карие глаза обвели взглядом затаивших дыхание Харуюки

и Тиюри. Из-под одеяла показалась левая рука, которой он потянулся к надетому на шею нейролинкеру и коснулся кабеля прямого соединения.

Наконец, их друг произнёс на удивление ясным для только что проснувшегося человека голосом:

— Это… был не сон, правда? Точнее, не так. Хару и Ти, вы разрушили мой кошмар. Ведь так?

А затем на его губах всплыла как всегда мягкая улыбка.

В следующее мгновение Харуюки протянул к нему правую руку, ухватил за левое плечо и крикнул:

— Таку, ты, ну ты… когда тебе говорят бежать, беги! Ты ведь должен понимать, что ничем хорошим такие контратаки обычно не кончаются!

— Вот именно! Что, если бы тебя схватили те омерзительные щупальца? Ты об этом подумал?! — присоединился пронзительный голос нависшей над Такуму Тиюри.

В последней сцене их «сна» Такуму не только не попытался сбежать от обезумевшего после Инкарнационной Атаки Харуюки тела комплекта, но даже сам включил Инкарнацию и напал на него. Попав под шквал критики за свои действия, он виновато улыбнулся и ответил:

— Н-но вы понимаете, я просто подумал… что это оно во всём виновато, что это корень всего зла. А затем мне захотелось во что бы то ни стало ему врезать…

— Ну, если честно, я бы тоже был весьма зол и захотел бы ему вдарить, — рефлекторно согласился с ним Харуюки, а затем, вспомнив о главном, спросил, — А, да, ты лучше скажи… как ты? Что с той штукой внутри тебя?..

Во «сне» Харуюки уничтожил ISS комплект Такуму своей новой Инкарнационной Техникой, «Лазерным Копьём». Но если это был не сон, а мир, которым правило воображение, то это могло как-то повлиять на реальный мир.

В ответ Такуму закрыл глаза, а затем крепко зажмурился.

Он поднял правую руку и коснулся ей середины лба. Сведённые брови дрогнули. Наконец, он убрал руку, открыл глаза, обвёл взглядом Тиюри и Харуюки, а затем…

Тихим голосом объявил:

— …Он исчез.

— Э?..

— Он исчез, Хару. Тот голос, что сидел в моей голове со вчерашнего вечера и, не переставая, что-то нашёптывал… исчез…

Вместе с этими словами домашний сервер решил, что все жильцы квартиры проснулись, и прибавил освещения.

Лампы дневного света озарили улыбающееся лицо Такуму.

Это была та самая улыбка, с которой он выполнял роль авангарда Нега Небьюласа… и та самая улыбка из самозабвенных игр далёкого детства.

«Это Таку. Он вернулся. Он отверг соблазн сил тьмы, выкарабкался из дыры в своём сердце и вновь вернулся к нам. Теперь он вместе с нами. На расстоянии вытянутой руки», — пронеслись убедительные слова в голове Харуюки, а затем лицо Такуму перед ним расплылось в белом свете.

Едва поняв, что из его глаз брызнули жаркие слезы, Харуюки от стыда уткнулся в широкую грудь Такуму.

— К… как же ты нас напугал!.. — прокричал он, стараясь сдержать слёзы, но сделал лишь хуже, и они полились из него бурным потоком. Он стиснул зубы, а из горла его послышались детские всхлипы, — У-у… кху-у… у-у!..

Харуюки, который уже не мог более сдерживать свои эмоции, успокоило чьё-то нежное похлопывание по спине.

— Эй… эй, Хару, погоди, это ведь моя работа! — сокрушённо воскликнула Тиюри, но и её голос явно с трудом пробивался сквозь слёзы. В следующее мгновение она тоже без сил рухнула, уткнувшись головой в левое плечо Харуюки.

Харуюки, ощущая рядом с собой теплоту своих друзей, продолжал изливать горячие слезы.

Вдруг в глубине его головы послышался тихий голос:

«Я так рада, что ты смог спасти своего друга.»

Этот голос однозначно принадлежал тому самому аватару женского пола в шафрановой броне. Стараясь сдержать всхлипы, Харуюки мысленно ответил ей:

«Спасибо. Это всё благодаря тебе.»

«Хи-хи, я здесь ни при чём. Это свет твоего сердца воссиял во тьме. Я хочу, чтобы ты продолжал идти по пути веры. Если ты продолжишь собирать свет, то, уверена, однажды ты сможешь исцелить его глубокое отчаяние…»

Он всё ещё не знал смысла этих слов.

Но он словно знал, что должен ответить.

«Да. Клянусь. Я обязательно… разрушу цикл Бедствия, что связывает вас с ним…»

«Спасибо. Я верю в тебя…»

С этими словами голос отдалился и исчез.

Слезы, наконец, поутихли. Харуюки вытер глаза рукавом пижамы, поднял взгляд и, стараясь перекрыть своё смущение, бодро воскликнул:

— Ч… что-то после этого бега я так проголодался. Я схожу к холодильнику, поищу чего-нибудь…

С этими словами он выдернул кабель прямого соединения и

бегом направился в сторону кухни. Вдогонку послышался сокрушённый голос Тиюри:

— Эй, ты, бегал ты только во сне!

А за ним — смех Такуму.

— Ха-ха-ха… Хару, захвати и мне чего-нибудь!

В холодильнике обнаружился замороженный моллюсковый суп. Харуюки разогрел его и разлил по тарелкам, которые отнёс к столу.

Судя по часам на стене, было уже почти шесть утра. А значит, от света восходящего солнца их отделял только активный режим затемнения на окнах. Обычно Харуюки просыпался на час позже, но сегодня спать ему уже не хотелось.

Друзья его вскоре собрали «постели», а затем добрались до стола и сели перед ароматным супом. Потом они вздохнули и переглянулись.

Первой серьёзным тоном заговорила Тиюри:

— Таккун. Я так понимаю, твой э-э… ISS комплект можно считать полностью уничтоженным?

— Думаю, да. Мне нечем это доказать, я говорю по ощущениям, — моментально ответил Такуму уверенным голосом.

Харуюки кивнул и задумчиво прокомментировал:

— Мы не уничтожили его на дуэльном уровне. Вместо этого мы, как бы это сказать… разрушили те данные, что хранились на сервере. Было бы очень странно, если бы комплект пережил такое.

— «Сервере». Хару, ты хочешь сказать, что это место было… — начал Такуму, и Харуюки медленно кивнул.

— Да. Она сказала, что это был центральный сервер Брейн Бёрста…

После этого Харуюки и Тиюри поведали Такуму, пробывшему на сервере в сознательном состоянии лишь несколько секунд, о том, что они видели.

Они рассказали про длинный тёмный тоннель, про казавшийся бесконечным космос, про вибрирующую галактику и чёрный ком. И про таинственного шафранового аватара, что появился из тела Харуюки и многое им рассказал…

— Понятно…

Хотя Такуму ещё не успел надеть очки, его задумчивое лицо однозначно выражало активный «режим профессора». Несколько секунд он молча размышлял, а затем поднял голову и сказал:

— Хару, помнишь, мы вчера вечером обсуждали то, что у ISS комплектов должно быть слабое место?

— С-слабое место… ты про то, что ужасающая сила комплекта должна быть компенсирована соответствующим

недостатком?

— Да. Именно это слабое место ты и поразил, Хару. Каждую ночь, когда засыпает владелец, комплект автоматически открывает контур воображения и подключает сознание владельца к центральному серверу. Там происходит… так сказать, «параллельная обработка злобы» владельцев комплектов, в ходе которой усиливаются и тело, и терминалы комплекта…

Слова Такуму заставили Харуюки с Тиюри вздрогнуть.

— Э… это, по-моему, перебор… неужели игроки способны на такое?.. — прошептала Тиюри.

Такуму слегка прикусил губу.

— Если честно, я тоже не имею ни малейшего понятия, как можно создать Усиливающее Снаряжение, способное на такое. Но я хочу добавить ещё кое-что… я уверен, что в Брейн Бёрст с самого начала заложена возможность «подключения к центральному серверу через контур воображения, открытый во сне».

— Э-э… почему ты так решил?..

— Хару, ты ещё помнишь, что произошло в ту ночь, когда ты получил Брейн Бёрст?

— А… — кратко обронил Харуюки, переглянулся с Тиюри и кивнул.

Ещё бы он забыл это. Он не помнил всех деталей, но точно знал, что в тот день прошлой осенью, когда он получил от Черноснежки программу, ему снился длинный кошмар. Программа использовала этот сон, чтобы создать дуэльного аватара Харуюки, Сильвер Кроу. Выходит, в этот самый момент данные об аватаре записались на сервер… а значит, логично было предположить, что и происходил весь этот процесс на самом сервере. Другими словами, в ту ночь Харуюки во сне подключался к центральному серверу. В каком-то смысле, с Такуму этой ночью случилось то же самое…

Съев ещё ложку супа, Такуму задумчиво продолжил:

— Именно ежедневная обработка — корень силы ISS комплекта… и, в то же время, его уязвимость. Ведь линкера необходимо вызвать к самому телу. Безопасность комплекта гарантирует лишь то, что все они находятся под его влиянием, как находился я. Но если…

Такуму многозначительно улыбнулся. Харуюки поднял голову и ухмыльнулся в ответ.

— Похоже, что создатели комплекта и не представляли, что у тех, кто будет его использовать, найдутся друзья, которые лягут спать, напрямую подключившись к владельцу.

— И уж тем более они не предвидели, что эти друзья смогут

поразить тело комплекта издалека Инкарнационной техникой типа «Увеличение Радиуса Атаки».

Тиюри обвела взглядом своих ухмыляющихся друзей. Кое-как натянув на лицо недовольную улыбку, она сказала:

— Короче говоря, наши узы победили! Ох, как же мне не терпится узнать, кто за этим стоит, и ткнуть его в это носом!

Она быстро доела суп, с шумом поставила тарелку на стол и, поправив всё ещё растрёпанные после сна волосы, спросила:

— Слушай, Таккун. Когда в самом конце ты разрубил тело комплекта Цианового Клинком, ты уничтожил его?..

— …Нет, — Такуму медленно покачал головой и помрачнел. — Увы, но по моим ощущениям, полностью уничтожить его я не смог. Но… я уверен, что мне удалось развеять большую часть «злобы» и сильно повредить систему её распространения. Клоны моего кластера должны были потерять значительную часть силы.

Под словом «кластер» Такуму понимал ISS комплекты, произошедшие от одного и того же источника (в его случае — от Маженты Сизза) или его клонов. Если бы Такуму не удалось прервать процесс заражения Харуюки в конце прошлой битвы, он тоже присоединился бы к этому кластеру.

Харуюки вспомнил аватара цвета травы, шедшего неподалёку от Такуму, и прошептал:

— Выходит, что именно сейчас — лучшее время, чтобы спасти Буш Утана и Олив Граба от ISS комплекта?

— Да. Я думаю, что в текущем состоянии их можно уничтожить и без погружения на сервер, во время обычной дуэли. Естественно, для этого понадобятся не обычные атаки, а Инкарнационные. Но шанс есть.

— Ясно. Надо будет сказать об этом его «братану». Мы бы и сами с радостью этим занялись, но сегодня нам, увы, не до этого…

Тиюри и Такуму в ответ посмотрели на часы.

Виртуальный индикатор сообщал, что сегодня было 20 июня 2047 года, четверг. Время: 6 часов 30 минут.

Сегодня, в семь часов вечера (то есть через двенадцать с чем-то часов), Харуюки должен отправиться на чрезвычайно важное задание. А именно: на операцию по побегу из Имперского Замка.

Его аватар, Сильвер Кроу, а также аватар-очиститель Ардор Мейден были запечатаны в глубине Имперского Замка на неограниченном нейтральном поле. Им нужно вновь уклониться от яростной атаки Судзаку, одного из Четырёх Богов, если Харуюки собирался оставаться бёрст линкером. Дело в том, что ему нужно очиститься от засевшего глубоко в теле паразита,

Брони Бедствия, иначе на следующей Конференции Семи Королей за его голову объявят награду.

Как ни странно, но удивительное приключение, случившееся в ночь накануне такого ответственного дня, только прибавило Харуюки сил. Он ощущал, что битва с заражённым ISS комплектом Такуму и путешествие к серверу помогли ему обрести что-то.

Отведя взгляды от часов, друзья кивнули друг другу. Сидевшая слева от Харуюки Тиюри дружески похлопала того по спине.

— Хару, наподдай этому цыплёнку и возвращайся к нам!

— Точно, Хару, после битвы с моим режимом IS это должно быть несложно.

— Как скажете, товарищ Маюдзуми.

Они вновь улыбнулись друг другу. На этом ночёвку у Харуюки можно было считать законченной.

Тиюри решила отправиться домой прямо в пижаме (впрочем, ей идти всего два этажа). Такуму собирался выйти вместе с ней, но в свитере. Когда Харуюки провожал их у порога, он вдруг заметил кое-что странное в поведении Такуму.

Тот придерживал левой рукой запястье правой руки. То самое место, где на Циан Пайле паразитировал ISS комплект.

Харуюки сделал шаг вперёд и обратился к нему:

— Таку… я прошу прощения за то, что уничтожил твою силу…

Лицо обернувшегося друга улыбалось, но Харуюки ощутил в его глазах печаль. Такуму уверенно замотал головой и сказал:

— Признаю, что буду немного скучать по этой невероятной силе. Но это мне нужно благодарить тебя от чистого сердца. Я хочу быть самим собой. Как бы тяжело, как бы мучительно это ни было.

— Таку…

— Более того, я променял эту силу на кое-что гораздо более важное. Поэтому тебе не за что извиняться, Хару.

Харуюки недоуменно моргнул и переспросил:

— Ты… придумал какую-то сверхмощную технику?..

Но не успел Такуму среагировать, как подключилась Тиюри, как раз закончив переобуваться:

— Эх, какой же ты всё-таки тупой! Таккун имел в виду, что… — тут она вдруг прервалась и широко улыбнулась. — Хотя, догадайся сам. Это тебе домашнее задание! Ответишь завтра!

Вернувшись в зал, Харуюки прибрался, затем решил добавить к завтраку ещё и хлопья с молоком, а потом вышел из дома.

За то время, пока он ехал в лифте, Харуюки успел отправить матери короткое сообщение. В нём он сообщал, что проснулся и пошёл в школу, а также благодарил за то, что разрешила его друзьям переночевать у него. Он мог добавить и то, что сегодня у него дома будет сбор членов его Легиона, но поскольку собрание должно было закончиться до её прихода, Харуюки решил об этом умолчать.

Через несколько секунд пришёл ответ, состоящий лишь из «ОК» и кода на получение 500 йен. Харуюки улыбнулся и с благодарностью добавил деньги в виртуальный кошелёк.

С точки зрения самого Харуюки его мать, Арита Сая, была очень таинственным человеком. Сейчас ей было 37 лет, а Харуюки она родила в 23. Он никогда не расспрашивал о её жизни, но догадывался, что на то время она всё ещё была студенткой. Там же, в университете, она сошлась и расписалась с мужчиной, работавшим в крупной сетевой компании, и родила от него ребёнка. Харуюки не знал, что и в каком порядке происходило, но знал, что свадьбу они не играли. И что именно из-за этого родной дом его матери, где-то далеко в горах, старался не контактировать с ними.

Во время ухода за младенцем (в чём ей изрядно помогал нейролинкер) она поступила в магистратуру и получила степень, с которой пошла работать в японское представительство американского инвестиционного банка. Сначала она работала трейдером, но после того, как она доказала свою пригодность, проявив себя в нескольких крупномасштабных сделках, её повысили…

Всё это Харуюки узнавал не от неё самой, а от мамы Тиюри, Момоэ. Момоэ дружила с матерью Харуюки ещё с университета. Но на некоторые вопросы даже она не могла или не хотела давать ответа. Например, на вопрос о том, почему родители Харуюки развелись.

Случилось это семь лет назад. Матери на то время было 30 лет, отцу 33, а Харуюки — 7. Воспоминаний о случившемся у него практически не осталось.

Но был один фрагмент, одна сцена, всё время прятавшаяся в уголке памяти и никак не желавшая покидать его.

Однажды ночью Харуюки проснулся оттого, что услышал голоса. Он прислушался и понял, что они доносились из-за двери. Голоса были нервными, и обеспокоенный Харуюки не смог заснуть снова.

Он слез с кровати и осторожно открыл дверь. На то время он жил в другой комнате, поменьше. В коридоре он увидел свет, доносившийся от одной из дверей. Он бесшумно подошёл к этой

двери и сел возле неё.

Хотя голоса его родителей и были приглушены, оба явно были на эмоциях и о чем-то яростно спорили. Он различал обрывки слов: «…ухаживать…», «…обещал…», «… воспользовался…», но смысла фраз не улавливал. И всё же маленький Харуюки отчётливо понимал, что спорят они из-за него…

Но на этом месте воспоминания обрывались, словно натыкаясь на стену. Харуюки медленно поднял голову.

Он, сам того не понимая, уже успел выйти из дома, пройти по двору и дойти до Седьмой Кольцевой. Замотав головой, он собрался с мыслями. Вспоминать старое он не любил.

Как бы там ни было, Арита Сая была женщиной, которая двигалась вперёд, словно заведённая. Она никому не показывала свои эмоции и никогда не оглядывалась назад…

Иногда её поведение печалило Харуюки, но чаще он просто не обращал на него внимания. В конце концов, она не ругала его за оценки, каждый день давала деньги на еду и позволяла приводить домой друзей, даже с ночёвкой. Жаловаться на это было бы преступлением.

Харуюки глубоко вдохнул и пробежался взглядом по виртуальному интерфейсу.

Прогноз погоды обещал пасмурное утро и небольшой дождик днём, который должен прекратиться к вечеру. Предупреждений о забытых дома вещах не было. Харуюки вышел из дома раньше обычного, и интерфейс показывал, что в школу он доберётся за полчаса до звонка. Ему с лихвой хватало времени на утреннюю миссию.

Харуюки закинул сумку за плечо, вышел на тротуар Седьмой Кольцевой и быстрым шагом направился на юг.

Обычно он сворачивал направо на перекрёстке под мостом Центральной Линии, но сегодня пошёл по прямой. Он взобрался на холм на юге Коэндзи и поднялся по эскалатору на улицу Оумэ. По ней он пошёл налево и остановился точно над магистралью в четыре полосы и железными дорогами в обе стороны. Наблюдая за потоком электромобилей, он прошептал:

— Бёрст линк.

Грянул гром, мир застыл и окрасился синим. Харуюки сразу нажал на появившуюся в нижнем левом углу иконку, похожую на пылающую букву «B». Из появившейся «инстры» он открыл список противников зоны Сугинами 2, которых оказалось совсем немного, и выбрал высветившегося в середине противника. Выскочило ещё одно окно, в котором он уверенно нажал кнопку DUEL.

Окрашенное синим начальное ускоренное пространство начало со скрипом изменяться. Дорога превратилась в высохшую долину, покрытую песком и гравием. Здания превратились в коричневые скалы. Небо стало пыльно-жёлтым. Уровень «Пустошь».

Увидев, что направляющий курсор указывает на юг Седьмой Кольцевой, Харуюки, уже превратившийся в дуэльного аватара, соскочил с моста. Приземлившись, он стал ждать, пока вдали послышится знакомый рокот двигателя.

Всего позавчера Харуюки с этого же самого места, в это же самое время напал на этого же самого противника. Поэтому он верил, что противник догадается, что Харуюки и в этот раз пришёл не сражаться, а говорить. Как только вдали показался силуэт, он поднял руку…

— А, доброе…

Но приветствие его перешло в вопль:

— …утро-о-о-о-э-э-а-а?!

Он едва успел прыгнуть вправо, отскочив от несущейся на него груды металла — мощного американского мотоцикла из прошлого столетия.

Водитель тут же заблокировал переднее колесо, из тормоза которого посыпались искры, и лихо развернулся, оставляя выжженный след на пыльной земле. Харуюки вскочил на ноги и спешно прокричал:

— А, п-прости, но мне нужно с тобой поговорить в закрытом режиме…

Но водитель, бёрст линкер пятого уровня Аш Роллер из Зелёного Легиона Грейт Волл, повёл в воздухе пальцем, прерывая его.

— Да понял я, понял, андерстендю всё. Но сегодня, чур, я ставлю условия!

— Х-хорошо…

Харуюки сглотнул и кивнул. Аш Роллер же выбросил в его сторону оба указательных пальца.

— Так вот, чёртова Ворона, я вызываю тебя на честную дуэль! Если ты победишь, я выслушаю тебя. А если проиграешь, то исполнишь мою просьбу. Так будет честно!

— Что? П-просьбу?!

— А во-вторых, если мы второй раз подряд отменим дуэль, наши фанаты и фанатки со зрительских трибун чертовски расстроятся!

Хотя эту фразу он произнёс тише, в ответ тут же послышалось «Да! Да!» и «Даёшь сегодня крутой бой!». Харуюки огляделся по сторонам — сверху на них уже смотрели подтянувшиеся зрители.

Их было не так много, но похоже, что здесь собрались почти все аватары, зарегистрированные в списке противников этой зоны. Многие бёрст линкеры, жившие в Синдзюку и западных районах, знали о том, что Сильвер Кроу и Аш Роллер — вечные соперники, что оба они обладают поистине экстремальными способностями, что бои с их участием часто получаются эффектными, и что оба они — пятого уровня. Из-за этого их поединки люди смотрели с нескрываемым интересом.

Харуюки бросил быстрый взгляд на таймер, уже успевший отсчитать целую минуту с начала боя, и подумал.

В отличие от позавчерашнего разговора, едва уложившегося в тридцать минут, сегодня нужно лишь передать ему, что если он хочет освободить Буш Утана от ISS комплекта, ему нужно действовать сейчас. На это ушла бы от силы пара минут. А значит, остаётся время и на схватку с Аш Роллером, с которым в честном поединке он не сходился уже давно. Да и потраченного очка будет не так жалко. Кроме того, кто знает, чем кончится сегодняшняя операция по спасению из Имперского Замка и воскресная Конференция? Может, они сейчас вообще видят друг друга в последний раз…

— Я понял, — сказал Харуюки, кивая. — Я принимаю твои условия. Если я выиграю, ты внимательно выслушаешь всё, что я собирался тебе сказа-а-а-а-а-а-а-а!

Но конец его фразы вновь превратился в вопль, вместе с которым Харуюки отпрыгнул в сторону. Мотоцикл Аш Роллера вновь попытался на огромной скорости врезаться в него.

— Эй, полегче! Я ещё не закончил гово…

— Заткнись! Шат ап! Бой уже начался, парень! Прости, но сегодня мегакульная виктори будет за мной! — прокричал Аш Роллер, вновь разворачиваясь.

Харуюки обратил внимание на то, что со времени их прошлой битвы Аш Роллер научился разворачиваться под гораздо более острым углом. Не собираясь уступать ему в красноречии, он отозвался:

— Это я одержу гигароскошный пёрфект вин! Хотя, погоди, как-то нечестно получается, что в случае моей победы ты меня просто выслушаешь, а в случае твоей я тебе буду должен просьбу…

— Во отстой! Крутые парни не задумываются о таких мелочах!

Испустив клубы дыма из глушителя, огромный мотоцикл начал третий заход.

Аш Роллер был необычным дуэльным аватаром — большая часть его потенциала приходилась на Усиливающее Снаряжение,

мотоцикл.

Сам наездник был практически беспомощен как в ближнем, так и в дальнем бою. Вместо этого он опирался на мобильность и крепость мотоцикла. «Ездовое» снаряжение в Ускоренном Мире встречалось нечасто, а уж мотоцикл Аш Роллера наверняка был одним из мощнейших его представителей.

Если у него и были слабые места, то к ним можно было отнести разве что невозможность быстрых разворотов и чрезмерную вычурность. Последнее часто приводило к тому, что красные аватары могли с лёгкостью расстрелять его с расстояния, но у Харуюки, увы, не было дальнобойных атак.

В ближнем же бою против Аш Роллера приходилось полагаться на очень рискованные атаки. Если точнее — нужно в последний момент уворачиваться от несущегося мотоцикла, после чего сразу контратаковать либо по наезднику, либо по двигателю.

Сильвер Кроу мог попытаться воспользоваться своей мобильностью, чтобы прыгнуть и атаковать наездника с воздуха, но о такой тактике знал и сам Аш. Заметив вертикально падающего Харуюки, он сразу поставил бы мотоцикл на дыбы, защищаясь от удара передним колесом. Другими словами, их атаки походили на матчи в камень-ножницы-бумагу, и проигравший неизменно получал обширные повреждения. Бездумные налёты на Аша были равносильны самоубийству.

— И-и-и-ха-а-а! — пронзительно воскликнул Аш.

Харуюки же сфокусировался на огромном переднем колесе мотоцикла. Естественно, Аш понимал, что тот попытается уклониться, и был готов в последний момент свернуть влево или вправо. Если он не угадает со стороной — прекрасно, но если угадает — попадания под колеса будет не избежать.

«Ну же… влево или вправо?.. Шины не помогут, надо следить за тем, в какую сторону он наклонится…»

Харуюки сконцентрировался до предела — это умение он натренировал до совершенства задолго до того, как стал бёрст линкером — и сосредоточился на мотоцикле.

И вдруг…

На мотоцикле зажегся левый (или правый, если смотреть от Харуюки) поворотник.

— Э… — обронил Харуюки и рефлекторно прыгнул влево.

Но мотоцикл наклонился влево вместе с ним, и крепкая серая шина начала неумолимо приближаться к Харуюки…

Харуюки показалось, что по нему ударили кувалдой. Мир перед глазами завертелся. Точнее, завертелся сам Харуюки. Сильвер Кроу, вращаясь так быстро, что позавидовали бы даже

комедийные аниме, пролетел несколько десятков метров по воздуху и врезался головой в одну из скал на восточной обочине Седьмой Кольцевой.

Придя в себя, он освободил из скалы свои руки, а затем вытащил из неё и шлем. Вновь опустившись на дорогу, он возмущённо воскликнул:

— Т-т-ты включил не тот поворотник! Это нарушение правил дорожного движения! Штраф двести миллионов йен!

В ответ, наездник, вновь пустившийся в погоню за Харуюки, громогласно расхохотался:

— Хя-ха-ха-ха-а! Я — Аш Роллер! Я — воплощение езды без правил!

И он не врал. В эти дни попытка прокатиться по улице на чём-то, превращающем нефтяные продукты в углекислый газ, привела бы к немедленному аресту, не говоря уже о том, что шум его глушителя превышал все мыслимые нормы, и о том, что на его мотоцикле не было номерного знака. Но они находились в Ускоренном Мире, где не было никакой полиции с сиренами.

Зато здесь были зрители, осыпавшие Аш Роллера радостными возгласами. Он продолжал очередной заход, намереваясь вновь отправить Харуюки в полёт.

— Вот сволочь… — ругнулся Харуюки и бросил быстрый взгляд в верхний левый угол. Атака отняла у него 20 % здоровья. Взамен она дала ему около 30 % энергии, но Харуюки решил, что взлетать пока рано.

«Ещё один наземный раунд — а потом можно и в небо», — сказал он сам себе, затем пригнулся и стал готовиться к атаке.

Пусть он рефлекторно повёлся на фокус с поворотником, но второй раз он не собирался так попадаться. Он поклялся себе, что уж в этот раз уклонится правильно и обрушит на него свою контратаку.

Но и сам Аш Роллер понимал, что второй раз его трюк не пройдёт. Поэтому вместо поворотника он…

— То-о! — воскликнул он и подпрыгнул, вставая одной ногой на сиденье, а второй — на руль.

Он так и поехал вперёд, стоя на мотоцикле, словно на доске для сёрфинга. Это «тайная техника» Аш Роллера, «Двухцилиндровый Кулак».

Над именем этого приёма можно шутить сколько угодно, но сама атака таила в себе такую угрозу, что пренебрегать ей нельзя. Сразу после атаки мотоциклом наездник мог пнуть увернувшегося Харуюки ногой, дополнительно затрудняя контратаку. С этой атакой Харуюки знаком не понаслышке, но эффективной стратегии против неё пока не придумал.

— Я-а-а-а-ху-у-у! — продолжал кричать Аш Роллер, выписывая короткие зигзаги и неумолимо надвигаясь на Харуюки.

Тот продолжал внимательно смотреть. Он мог попытаться увернуться большим прыжком, но тогда он не смог бы контратаковать. Учитель Аша, Скай Рейкер, однажды остановила Двухцилиндровый Кулак, ухватившись за ручку тормоза во время резкого скачка назад. Приём такого уровня однозначно был не под силу Харуюки.

«Неужели у него нет других слабых мест? Хоть каких-нибудь…»

— …!

Эврика.

«Разве Аш Роллер может в таком положении поставить мотоцикл на дыбы? Наверное, нет. Он не устоит на мотоцикле, если попытается так сделать. А значит, бить надо…»

— Сверху!

В тот момент, когда огромная шина была уже почти рядом с ним, пригнувшийся Харуюки резко оттолкнулся ногой от земли.

— Эа-а?! — удивлённо воскликнул наездник.

Харуюки намертво вцепился в него. Аватары немедленно свалились с мотоцикла на дорогу. Лишившийся хозяина железный конь Аша поехал куда-то на север.

— Эй, ты, а ну холд ми та… то есть, отпусти, кому говорю! — кричал Аш, отчаянно брыкаясь.

Харуюки изо всех сил пытался прижать его к земле. Этот шанс упускать нельзя.

— Вот ещё! Ты без своего мотоцикла — что салат без огурцов!

— Ах ты! Я же тебе говорил, что лук люблю больше!

Сцепившие друг с другом аватары продолжали перекатываться по земле под возбуждённые возгласы зрителей. Естественно, в ближнем бою у Аш Роллера не было ничего, что способно нанести урон металлической броне Сильвер Кроу. Харуюки не обращал внимания на кулаки, которыми он пытался бить его по лицу и груди. Он силой повернул его спиной к себе и крепко обхватил руками за грудь.

— Гя-а! Эй, п-п-п-перестань обнимать меня!

— Я в-вовсе не пытаюсь тебя обнять!

— Тогда не произноси больше это слово, гад!

— Ты первый на… чал! — крикнул Харуюки в ответ, на последнем слоге расправляя металлические крылья.

Зная, что в ближнем бою накопил ещё с десяток процентов энергии, он уверенно замахал ими.

Сильвер Кроу и Аш Роллер взлетели в небо с таким резким

звуком, словно их унесло ракетой.

— Гя-а-а-а! Куда это мы лети-и-и-им?! — завопил Аш.

Но Харуюки, не слушая него, продолжал резко набирать высоту. Рядом промелькнули зрители. Харуюки поднялся на сто метров… на двести… и остановился на трёхстах.

— Н-не-е-ет! Я боюсь высоты! Ноу, сэнк ю!.. — вновь пронзительно воскликнул Аш, но вдруг резко затих. Его зажатое в руках Харуюки тело напряглось. Послышался хриплый голос, — Э-э, Ворона? Ты ведь не собираешься превратить меня в метеор, летящий в тиши ночной?

— Именно. В космический мусор, летящий в тиши ночной.

Харуюки кивнул и попытался разжать руки.

Он разработал несколько тактик, позволяющих превратить крылья Сильвер Кроу в оружие. Самым первым способом стал «Удар из Пике» с огромной высоты. В последнее время он всё больше стал полагаться на использование коротких рывков в ближнем бою, помогающих наносить удары. Этот приём он называл «Аэрокомбо».

Но помимо этих двух тактик есть ещё одна — пожалуй, самая эффективная среди них. Он мог ухватить своего противника, поднять в небо, а затем уронить, нанеся тому огромный урон от падения. Эта тактика плохо работала против массивных тяжёлых аватаров, а быстрых и юрких сложно даже ухватить, но удачный подъём в воздух практически гарантировал победу. Харуюки редко пользовался этой тактикой ещё и потому, что противники, почуяв, что Сильвер Кроу идёт на сближение, могли пребольно контратаковать, а кроме того, некоторые аватары имели всяческие способности, позволявшие им избегать урона от падений. В этот раз шанс подвернулся ему спонтанно, и он решил воспользоваться им просто интуитивно. На аватаре Аш Роллера почти нет брони, и у него нет способностей, позволяющих прервать падение, а значит, падение с такой высоты должно обеспечить ему огромный урон.

Харуюки уже забыл, зачем вызвал Аша на дуэль, и явно шёл к победе. Вот только и сам Аш, несмотря на внезапную молчаливость, оказался отчаянным соперником. Как только Харуюки попытался отпустить его, тот резко вцепился в его руку и крикнул:

— Раз так, то я заберу тебя с собой в ад! Флаинг Наклхед[5]!!

«Спецприём?!»

Харуюки рефлекторно напрягся. Он считал, что у настоящего тела Аш Роллера нет спецприёмов.

Но шли секунды, а ничего не происходило. Харуюки решил, что тот просто блефовал, чтобы выиграть время, и уже собирался

отругать своего противника за то, что тот никак не может сдаться, но слова его в очередной раз превратились в крик:

— Слушай, Аш, проигрывать тоже надо у-у-а-а-а-а?!

Кричал он не из-за Аша. Снизу к ним быстро приближались два огонька. Они были похожи на цилиндры, за которыми тянулись следы из оранжевого пламени. На хвостах цилиндров были крестовины, спереди — мигающие красным огоньки. Это…

— Р-ракеты?! — завопил Харуюки и рванул вперёд.

Но ракеты оказались самонаводящимися и следовали за ним так чётко, что не спасли бы даже зигзаги.

И тут Харуюки вспомнил, что мотоцикл Аш Роллера с недавних пор обзавёлся ещё и ракетами. Выходит, что он, лёжа где-то на обочине, и выпустил эти ракеты. Получалось, что Аш мог отдавать команды своему Усиливающему Снаряжению, даже находясь вдали от него. Вот только…

— Т-т-ты ведь и себя ими подорвёшь!

— Хех, чувак, уж лучше так, чем просто на землю свалиться!

С ним трудно не согласиться. Харуюки отчаянно пытался избавиться от балласта, но Аш, предвкушавший взаимное уничтожение, продолжал уверенно цепляться за него всеми конечностями. Из-за этого Харуюки мог развивать лишь половину своей обычной скорости, и уже через несколько секунд ракеты поравнялись с ним…

— Ки-и-и шо-о-о-оп! — закричал Аш Роллер нечто странное одновременно с гигантским взрывом.

Помимо своей силы и масштабов взрывные атаки были опасны тем, что какое-то время после взрыва сложно сообразить, что к чему. Когда Харуюки пришёл в себя, он уже почти врезался в землю, упав с трёхсотметровой высоты. Он резко взмахнул крыльями, замедляя падение.

Сильвер Кроу и продолжавший упорно цепляться за него Аш Роллер рухнули точно на перекрёсток Седьмой Кольцевой и Оумэ. Кое-как отодвинув нежелающего отвязываться Аш Роллера на полметра, Харуюки в первую очередь поинтересовался:

— Так, Аш… а теперь объясни, что ты кричал.

Через несколько мгновений аватар-гонщик, похоже, пришёл в себя и, покачивая головой в черепной маске, пробурчал:

— Ну, это… ты ведь знаешь, что люди обычно кричат «тамая-я» или «кагия-я» во время фейерверков? Вот я глянул, что «кагия» состоит из иероглифов «ключ» и «магазин» и решил на английский перевести… или тебе «болл шоп» больше нравится?

— …Откровенно говоря, мне всё равно. Если честно, оба варианта бредовые.

Ответив, Харуюки пробежался взглядом по шкалам здоровья.

Харуюки был ближе к эпицентру взрыва, но металлическая броня частично поглотила урон. У обоих аватаров оставалось примерно по 10 % здоровья.

Конечно, Харуюки мог добить Аш Роллера парой-тройкой метких ударов, но вместо этого лежащие на земле аватары переглянулись и одновременно произнесли:

— …Ничья?

— …Давай ничью.

Кивнув друг другу, они неспешно поднялись на ноги.

Затем они медленно обвели взглядами наблюдавших за ними зрителей, и Харуюки напряжённым голосом объявил:

— Простите, но мы решили объявить ничью!

Он ожидал в ответ множество недовольных реплик, но…

— Отличная игра!

— Классная битва!

— Будем с нетерпением ждать следующей!

Дружно закричали зрители, затем захлопали в ладоши и начали по очереди отключаться. Это зрелище наполнило грудь Харуюки странным ощущением.

Это была «дуэль». Полна азарта и напряжения, что вытесняли ненависть и злость. Дуэлянты были соревнующимися друг с другом соперниками, а не ненавидящими друг друга врагами.

С учётом существования в этом мире безжалостной системы бёрст поинтов, возможно, её создатель рассчитывал на более жестокие битвы, на бойни ради выживания. Но игроки сознательно пошли против воли автора. Скорее всего, именно поэтому они и стали называть себя «бёрст линкерами», именем, нигде не упоминавшимся в системе. Они хотели считать друг друга братьями.

И именно этот мир собирались разрушить ISS комплекты и Общество Исследования Ускорения.

Ни Буш Утан, с которым Харуюки сражался несколько дней назад, ни Такуму, с которым он бился вчера, не получали удовольствия от битвы. И не только они — Даск Тейкер и Раст Жигсо, члены ОИУ, тоже не связывали дуэли с удовольствием.

И они ошибались. Фатально ошибались.

Харуюки сжал кулаки. По его плечу постучала рука, одетая в кожаную перчатку.

— Отличный бой, чёртова Ворона. Клёво ты придумал, как мой Двухцилиндровый Кулак пробить.

— …Я так понимаю, в следующий раз у меня так не выйдет? — отозвался Харуюки, и Аш Роллер кратко рассмеялся.

— Оф корс же. Вот увидишь, к следующему разу я научусь задирать колесо, стоя на мотоцикле.

Похвалившись, скелетный гонщик посмотрел наверх. Он явно проверял, сколько у них оставалось времени. 600 секунд. Не очень много, но поговорить они должны успеть.

Аш Роллер направился к удобной по размеру скале возле перекрёстка, сел на неё и дёрнул подбородком, подгоняя Харуюки. Тот уселся на скале напротив него и начал:

— Так вот… я собирался рассказать тебе о Буш Утане.

Поскольку Аш всё-таки не входил в их Легион, Харуюки опустил детали, относившиеся к Такуму, но, тем не менее, постарался описать все как можно подробнее.

Он рассказал ему, что «генетически близкие» ISS комплекты объединены в группы. Что ночью их владельцы соединяются с телом комплекта и, как следствие, между собой. Что этой ночью Харуюки с друзьями смогли серьёзно повредить информационную сущность тела.

— …Поэтому мы считаем, что сейчас есть шанс уничтожить ISS комплект Утана во время дуэли. Но… есть две проблемы, — Харуюки посмотрел в глаза молча слушавшего Аш Роллера и продолжил, — Во-первых, ISS-комплекты, скорее всего, можно повредить только Инкарнационными техниками. Во-вторых, уничтожение комплекта не устранит причину его появления. Утан был на вертикальной гонке по Гермесову Тросу, он на своей шкуре почувствовал мощь Инкарнационной Атаки, которую обрушил на всех нас Раст Жигсо из шаттла с номером 10. Он больше не доверяет линкерам-ветеранам, всё это время скрывавшим существование Системы Инкарнации… «режима IS». И эти чувства тревожат его. Он считает, что смысл существования — лишь в том, чтобы быть сильнее, и потому готов довериться любой силе, даже столь подозрительной. Если не развеять его опасения, то, даже лишившись ISS комплекта, он просто пойдёт и разыщет новый…

— Да, ты прав… я тоже так считаю, — кивнул Аш Роллер и поднял забрало скелетного шлема правой рукой.

Обнажилась ещё одна маска, напоминавшая видом мальчика-ботаника. В свете «Пустоши» она казалась жёлтой. Аш Роллер продолжил тихим и на удивление тонким голосом, лишившимся большей части спецэффектов:

— Я ведь тебе рассказывал, что родитель У лишился всех очков? Понятное дело, его это жёстко шокировало. Этот случай поселил в его сердце страх… а также недовольство и раздражение, которые есть там и по сей день. Наверное, это моя обязанность что-то с этим поделать, раз уж я пытаюсь быть его братом… но, понимаешь, я, как бы так сказать… ни разу не ощущал на себе баланс системы полной потери очков. Поэтому я

и понятия не имею о том, что сказать У…

— Баланс?.. — переспросил Харуюки.

Аш кивнул и посмотрел на него бледно-зелёными глазами.

— «Лишившийся всех очков бёрст линкер автоматически теряет Брейн Бёрст и не может стать бёрст линкером повторно». Это самое важное правило Ускоренного Мира, и именно его мне в первую очередь рассказала моя учительница, Рейкер. Ты ведь тоже знал о нём с самого начала, Кроу?

— Э-э… да. Черно… ый Лотос рассказала мне об этом в первый же день моей жизни как бёрст линкера.

— Во-во. Но, если подумать, я до сих пор ни разу не был на грани потери всех очков. Пожалуй, холодок я ощутил только в тот момент, когда только-только перешёл на второй уровень с весьма небольшим запасом очков, а затем ты в тот же день вдруг победил меня.

Аш сверкнул глазами, и Харуюки рефлекторно вжал голову в плечи.

Удивительно, но именно Аш Роллер стал первым противником Харуюки как бёрст линкера. Свой первый бой Харуюки проиграл. Позднее в тот же день Черноснежка провела для него обстоятельную вводную лекцию, и Харуюки, вооружённый беспроигрышной тактикой, вызвал Аш Роллера на реванш. Но тот, как оказалось, успел в тот же день получить второй уровень, а вместе с ним — способность ездить по стенам, моментально перечеркнув тактические потуги Харуюки.

Харуюки собирался уже сдать дуэль, но отчаянные размышления подкинули ему идею — старомодные мотоциклы могли ездить только благодаря вращению заднего колеса. Использовав это слабое место против Аш Роллера, ему удалось перевернуть ход боя с ног на голову и победить. Сам Харуюки извлёк из поединка урок и стал больше полагаться на тактические уловки.

Слово «запас», произнесённое Аш Роллером, имело особый смысл в контексте перехода на новый уровень.

В обычных RPG повышение уровня персонажа происходило автоматически при достижении определённого порога очков опыта. Но чтобы получить новый уровень в Брейн Бёрсте, необходимо было потратить заработанные очки, то есть бёрст поинты. Например, для перехода с первого уровня на второй требовалось три сотни очков. В тот момент, когда игрок в «инстре» нажимал кнопку повышения уровня, он моментально терял те самые триста очков. Поэтому, перед тем как повышать уровень, игроки накапливали дополнительное количество очков, тот самый «запас», который гарантировал бы, что несколько

неудачных битв после перехода на новый уровень не поставили бы их на грань потери очков.

Харуюки самоуничижительно улыбнулся и признался:

— Е-если честно, я в своё время случайно поднял уровень сразу после того, как набрал триста очков, и оказался на грани полной потери.

— …Реально? Погоди, тогда ведь Негабью ещё не захватила Сугинами. Неужели ты сам выкарабкался? Ну ты даёшь, — изумлённо ответил Аш Роллер, и Харуюки вновь вжал голову.

— Э-э… не без помощи моего товарища, Циан Пайла… — начал Харуюки, но почему-то не смог вспомнить, как именно смог избежать полной потери очков. Впрочем, для него сейчас важнее было вернуться к главной теме разговора. — Но, так вот, что ещё за «баланс полной потери очков»?

— Ну-у… короче, смотри. Ясное дело, мне кажется, что насильное удаление программы при полной потере очков — очень суровое наказание… но, с другой стороны, — это справедливая плата за то, что нам, бёрст линкерам, даровано право «ускоряться». Если честно, я сам в своём отношении к этой системе не определился. Понимаешь, можно сколько угодно говорить о том, как она жестока… но ведь какое-то количество людей наверняка должно было лишиться всех очков ради того, чтобы мы с тобой дошли до пятого уровня. Возможно, именно мы с тобой забирали очки у того линкера, который потом возместил их, отобрав последнее у родителя У…

— …

Харуюки сложно было что-то ответить — уж больно сказанные им слова не соответствовали образу хохочущего постапокалиптического гонщика. Аш, заметив это, хмыкнул и, словно смутившись, отвернулся.

— А, с другой стороны, мне кажется, что все бёрст линкеры с самого начала должны быть готовы к тому, что будут иметь дело с этой системой. Что они будут лишать последнего других, и могут лишиться всего сами. Именно поэтому я глубоко уважаю твоего родителя… Чёрную Королеву Блэк Лотос. Я понимаю, что из уст легионера Грейт Волла это прозвучит странно… но она потрясающий человек. Она всегда готова ко всему, и такими темпами может действительно стать сильнейшей в Ускоренном Мире. Я бы тоже хотел стать таким же мегакрутым, как она… но… иногда я задумываюсь, Кроу. Что, если однажды я буду сражаться с тобой, а потом узнаю, что этот бой станет для тебя последним, если ты проиграешь? Смогу ли я безжалостно прикончить тебя?.. И, если честно, я не знаю ответа. Как минимум, я уверен, что буду сильно сомневаться…

— Аш.

В этот раз Харуюки был действительно изумлён. Ощущая на себе его пристальный взгляд, гонщик огрызнулся:

— Да-да, чувак, я знаю, ты хочешь сказать, что «я бы в таком случае прибил тебя, не раздумывая».

— Н-нет-нет-нет, что ты! Я бы тоже сомневался. Очень сильно!

— Ну да, ну да, «сомневался бы, а потом всё же добил», ага?

— А-Аш, так и ты ведь сказал только то, что будешь сомневаться!

Харуюки замахал перед лицом руками, не давая Ашу вставить ещё слово, и продолжил:

— И вообще, сомнение — совершенно естественная реакция. Уверен… даже мой родитель, Блэк Лотос, часто сомневается. Каким бы ненавистным ни был твой противник, в конце концов, он такой же бёрст линкер, как и ты. Аш… помнишь, ты помог мне весной, когда я потерял способность к полёту? Мы с тем типом, что отобрал мои крылья, так сильно не любили друг друга… что я даже в глубине души считал его самым ненавистным мне врагом. Но даже когда я одолел его в дуэли по правилам внезапной смерти, я засомневался, прежде чем добить его. Возможно, познакомься мы при других обстоятельствах, тот бой закончился бы совсем по-другому… мне кажется, что мы, как бёрст линкеры, никогда не сможем избавиться от этих сомнений…

— …

Теперь затих уже Аш Роллер.

Наконец, он опустил взгляд на землю меж своих ботинок и тихо произнёс:

— Может быть. Но… именно это сомнение помешало мне поговорить с У. Если серьёзно, то я должен был сказать ему хоть что-то, если хочу быть его братом. Либо «того типа, что лишил твоего родителя последних очков, нельзя простить, мы обязательно отомстим», либо «все мы сражаемся, зная риски полной потери очков, кончай ныть». Но… я не смог. Именно поэтому в душе У пустили корни страх и ненависть… именно поэтому он стал искать «силу». Это я отчасти виноват в том, что он с радостью принял ISS комплект…

В бессильной злобе Аш Роллер пнул землю ботинком. Харуюки не нашёлся со словами.

Пока он думал, сверху загорелось что-то красное. Таймер предупреждал их, что осталось 100 секунд.

— Ах да, Аш… ты ведь говорил, что хочешь меня о чем-то попросить?..

— А… а, а! Точно, было дело.

Гонщик тут же поднял голову и вновь опустил забрало, после чего проговорил своим привычным тоном:

— Правда, это тоже в какой-то степени связано с У. Но ладно, это не важно. Так вот, Кроу, ты меня дико извини, но не мог бы ты научить меня той фигне?

— Н-научить? Чему? — удивлённо спросил Харуюки.

В ответ Аш Роллер произнёс лишь один термин:

— Системе Инкарнации.

Глава 6

Если бы кто-нибудь спросил Харуюки, какой из будних дней ему нравится больше всего, он бы моментально ответил, что пятница. С ним согласилось бы большинство школьников (а может, и взрослых). Трудно даже представить ощущение лучше, чем осознание того, что впереди два выходных.

Но вопрос о самом ненавистном дне был не так прост. Конечно, понедельник раздражал многих людей, но для Харуюки он означал долгожданную встречу с обожаемым замом председателя школьного совета, а также его любимое карри в школьной столовой, которое в этой четверти подавали только по этим дням.

Поэтому Харуюки великодушно миловал понедельник, и вместо него ненавидел четверг.

Его отношение к нему обусловлено очень простой причиной — первым уроком по четвергам стоит физкультура.

— Эй, Арита. Эй!

Отчаянно перебиравший ногами Харуюки услышал своё имя и рефлекторно приготовился швырнуть баскетбольный мяч на голос.

Но фигуру члена его команды тут же закрыл собой один из соперников.

В левом нижнем углу перед глазами тут же угрожающе затикали таймеры нарушения правил пяти и двадцати четырёх секунд. Перепугавшись, Харуюки решился на длиннющий пас прямо к передней линии, и как следует размахнулся мячом.

Но не успел он завершить свой «молниеносный» пас, как сзади кто-то ловко перехватил мяч.

— Спасибо! — послышался раздражающий голос, и высокий школьник ловко повёл мяч к кольцу Харуюки.

Это сделал Исио, известный баскетболист их школы. Он ловко обошёл двух защитников под радостные возгласы собравшихся в зале девушек и с лёгкостью забросил мяч. Сетка кольца дёрнулась, а отображавшийся в нижней части поля зрения счёт сменился с 22:36 на 22:38.

— Ничего страшного, — сказал игрок, которому Харуюки хотел передать пас, и похлопал его по плечу.

Но Харуюки рефлекторно попытался найти в его голосе не очевидное «нам просто не повезло, что мы играем против Исио», а «нам просто не повезло, что ты с нами в команде».

Спортзал, в котором они находились, разделён на две

половины — в одной играли парни, а в другой девушки. Поскольку парней в классе — двадцать человек, их разделили на четыре команды, которые играли по очереди. А значит, длительность одного матча составляла всего двадцать минут. Харуюки понимал, что за оставшиеся семь с половиной минут они точно не отыграются, но мысленно помолился о том, чтобы больше не допускать таких впечатляющих промашек. Из-за спины вдруг послышался другой, гораздо более тихий голос:

— Хару, здесь важно состояние духа. Как в битвах за территорию.

Эти слова произнёс Маюдзуми Такуму, по счастливой случайности оказавшийся в одной с ним команде. Хоть они и проигрывали, разница в шестнадцать очков в матче против команды, возглавляемой одним из баскетболистов школьной сборной — очень неплохой результат. И ему они обязаны именно Такуму — хоть тот и не эксперт в играх с мячом, но в роль нападающего он вжился неплохо.

«Состояние духа? Битвы за территорию?» — удивлённо раздумывал Харуюки, устремляясь вдогонку за Такуму, получившего вбрасывание и уже забежавшего на половину соперников.

Под битвами за территорию в Брейн Бёрсте понимались схватки между Легионами за оспариваемые зоны, проводившиеся каждый вечер субботы. В отличие от обычных дуэлей один на один и командных матчей два на два, в этих крупномасштабных битвах принимали участие как минимум три (бывало, что и до десяти) человека с каждой стороны.

В таких битвах нельзя победить с помощью одних лишь индивидуальных навыков. Необходимо учитывать состояние всего масштабного поля боя, отражать основные атаки противников и искать слабые места… другими словами, в голове нужно держать комплексный образ сражения.

Такуму, видимо, хотел сказать, что это необходимо и в баскетболе.

Но команда Харуюки и без того вела себя похожим образом. Очевидно, что главное орудие их противников — это Исио, и его всегда караулили двое, стараясь ограничивать движения. Харуюки и ещё один человек держались середины поля, играя роль защитников, а Такуму выступал в роли нападающего. Но даже двух человек не хватало, чтобы удержать Исио, а Такуму в одиночку не мог набить достаточное количество очков. А если бы они попытались переключиться в полное нападение, оставшийся без присмотра Исио просто разгромил бы их.

«Нет, Таку, если я начну воображать тактику, ничего не

изменится. У них в команде «Король», а у нас, так сказать, игрок первого уровня», — рефлекторно ответил Харуюки мысленным голосом.

Под игроком первого уровня он понимал, конечно же, себя. Низкорослый, медленный, неловкий, да и польза от него в баскетболе была разве что как от передвижного препятствия.

Но тут послышался грохот, с которым Такуму упал на пол. Он пытался забить трёхочковый, и один из соперников, переусердствовав, врезался в него. Послышался пронзительный свист, а перед глазами всплыло набранное синими буквами слово «ФОЛ». Цвет обозначал нарушившую команду.

— Т-таку!

Встревоженный Харуюки попытался было подбежать к нему, но Такуму дал знак, что с ним всё в порядке, и поднялся на ноги. Он хладнокровно запустил бросок с трёхочковой линии, доведя счёт до 25:38.

Харуюки собирался было подбодрить возвращавшегося на их половину поля Такуму, но тут его неожиданно посетила мысль.

Что, если Такуму под «духом» имел в виду не поиск слабостей в строе противников и не размышления о тактике… а нечто гораздо большее?

Когда в начале урока система автоматически распределила игроков в команды, и Харуюки увидел, что среди их противников затесался Исио, он тут же понял, что у них нет шансов. Скорее всего, эти же мысли пришли в головы четырёх из пяти членов его команды. Другими словами, их сознание с самого начала захватили «негативные образы».

Но только не сознание Такуму. Под его фасадом хладнокровия и расчётливости скрывалось сердце настоящего бойца. Именно поэтому он не сдался и не бросил секцию кендо, когда его так жестоко травили. Именно поэтому он не мог не отправиться на поиски ISS комплекта, услышав слухи о том, что он позволяет избавиться от недостатков аватара.

И именно поэтому, пусть это лишь ничего не значащий матч, пусть это лишь школьный спортзал, пусть их противники безнадёжно сильнее, но Такуму не мог позволить себе попасть под власть негативных образов. И, да, именно это было важно во время боёв за территорию. Когда ни одна из сторон не могла победить другую ни тактикой, ни стратегией, проигрывала именно та, которая решала, что в этой битве им не победить.

— …Прости, Таку, — прошептал Харуюки.

Он не знал, услышал ли эти слова его друг, но Харуюки внимательно вгляделся в его широкую спину и стиснул зубы.

Оставалось шесть минут двадцать секунд. И на это время ему

нужно было, как минимум, избавиться от негативных образов. Не думать о том, что этот бой напрасен, и сделать всё, на что он способен. Вот только… на что он способен? Он не умел ни пасовать, ни вести мяч. Он был лишь большим препятствием. Что могло сделать препятствие? Что…

— !..

Харуюки ошарашенно раскрыл глаза, а затем резко потянулся к виртуальному интерфейсу.

Приложение для игр с мячом, созданное министерством образования, содержало множество разных функций, но сам её интерфейс был крайне скуден и лаконичен (очевидно, сложный интерфейс мешал бы следить за мячом), и вся её польза сводилась, в основном, к ведению счета и отображению оставшегося времени. Если бы школьный устав не требовал от учеников носить нейролинкеры во время спортивных занятий для слежения за сердцебиением, температурой и давлением, они бы, наверное, играли без них.

Но сейчас Харуюки открыл окно состояния поля и установил режим обзора с высоты птичьего полёта. На наклонившемся прямоугольнике появилось пять красных и пять синих кружков. Они, очевидно, обозначали игроков. Харуюки открыл фильтр и оставил два: один красный — свой, и один синий — Исио.

Матч продолжился вбрасыванием со стороны противников. Харуюки занял позицию между мячом спереди и Исио сзади и раскинул руки в стороны.

Он начал размахивать руками, занимая ещё больше пространства и блокируя возможные передачи в сторону Исио. Выглядевшие глупыми движения вызвали волну смеха со стороны зрителей и раздражённое цоканье языков соперников. Игрок с мячом кинул пас другому. Но Харуюки тут же перебежал и снова начал размахивать руками.

Это и было то самое «что-то», на что он способен.

Тактика их противников оказалась крайне простой — Исио занимал позицию под кольцом и ловко забивал получаемые мячи. Поскольку, в конце концов, он должен как-нибудь получить мяч, Харуюки использовал виртуальный интерфейс, чтобы всегда оказываться тем самым «препятствием» на пути возможных передач в его сторону.

У Харуюки не хватило бы выносливости бегать вместе с Исио, но со знанием его перемещения и движения мяча он мог перемещаться гораздо более эффективно. Эту роль он мог играть до конца матча.

Получивший мяч противник начал замахиваться на следующий горизонтальный пас, и Харуюки бросился в его

сторону.

Но в последний момент противник резко остановился. Одновременно с этим стоявший в трёх метрах позади Харуюки Исио побежал в противоположную от того сторону. Попытка паса оказалась финтом. Харуюки тут же вжался в пол левой ногой, с трудом подавив инерцию, а затем бросился вправо. Он отчаянно выбросил вперёд правую руку… и, когда брошенный противником мяч вот-вот отскочил бы от неё неведомо куда, Харуюки вдруг рефлекторно подавил его импульс тем же Смягчением, что и в Ускоренном Мире, и прижал мяч к груди.

— Не может быть! — воскликнул один из ошарашенных соперников.

Харуюки хотел сказать то же самое, но сейчас было не время удивляться — он стоял рядом с Исио, и тот мог в любой момент выбить мяч из его рук.

— Эй! — вновь послышался знакомый голос слева, и Харуюки рефлекторно метнул мяч, в этот раз не пытаясь размахнуться им.

Мяч принял один из членов их команды (пловец Накагава) и провёл его на половину противников, где передал бежавшему справа Такуму.

Пас прошёл благополучно, и Такуму, прорвавшийся через оборону противников, словно заправский синий аватар, вышел к кольцу и забросил мяч в прыжке. Послышался гудок, и счёт сменился на 27:38.

— Отлично, Арита! — воскликнул Накагава, вернувшись на их половину поля.

Спортивный на вид парень бежал к Харуюки с широкой улыбкой и поднятой правой рукой, заставив Харуюки на мгновение испугаться, что сейчас его будут бить. Кое-как поборов это ощущение, он хлопнул его по руке. За ним пробежал Такуму. Они с Харуюки улыбнулись и этим сказали друг другу всё, что хотели.

Оставшиеся шесть минут Харуюки продолжал упорно бегать.

Пот катился с него градом, дышал он с трудом, руки и ноги его дрожали, но он ни на мгновение не останавливался. Перед его глазами, в его сознании, осталось лишь две вещи — мяч спереди и Исио сзади.

В мысленном образе постоянно прокладывался маршрут движений, и Харуюки упрямо следовал ему.

Он создавал образ и реализовывал его.

Сознание Харуюки, сжавшееся до микроскопических размеров, вдруг вспомнило, что нечто подобное он испытывал несколько дней назад.

Это случилось тогда, когда он в одиночку вычищал клетку

для животных на заднем дворе. Он много думал над тем, как ему вычистить совершенно невообразимую кучу прогнивших листьев. В итоге он просто стал полагаться на образы в своей голове, позволив им управлять его руками. Да, работа оказалась тяжёлой, но, несмотря на кажущуюся бесконечность, он все же сумел её выполнить.

Естественно, баскетбол не похож на уборку сарая. Но где-то на очень глубоком уровне, на уровне «сути движений», они в чём-то были подобны друг другу. А потом он вспомнил, что тогда, во время уборки сарая, едва не постиг нечто крайне важное.

В голове послышались далёкие слова. Их он слышал не в этом мире.

«Когда образы… становятся слишком сильными… они пробиваются через ограничения… и воплощаются в реальности.»

Этими словами описывалась «сила», сокрытая в том мире. Абсолютная сила, способная выйти за рамки, установленные системой, и совершать невозможное. Чудесная сила, которой не должно существовать в реальном мире. Но, возможно, логика этой силы на самом деле была крайне простой?..

Харуюки обдумывал всё это, продолжая бегать из стороны в сторону.

Естественно, его наспех придуманная тактика не могла отразить все пасы в сторону Исио. Иногда у него не получалось перехватить мяч, и тогда Исио с лёгкостью забрасывал его в кольцо. Контратаки Такуму и Накагавы сократили разрыв между командами до пяти очков, но после этого игра стала гораздо более ровной. Мяч то и дело менял владельца, но счёт оставался неизменным. Тикал таймер.

Но Харуюки уже не видел ни очков, ни таймера. Даже периодически доносившиеся со стороны зрителей смешки и перешёптывания проходили мимо его ушей.

Он слышал лишь своё тяжёлое дыхание и отдававшееся в ушах биение сердца и продолжал следовать своему образу, предугадывая движения мяча. Естественно, в атаке он участия уже не принимал, но блокирование самого опасного игрока соперников приносило их команде огромную пользу, склоняя чашу весов в их сторону. Когда до конца матча осталось две минуты, противники отправили в атаку ещё двух человек. Воспользовавшись ослаблением защиты, команда Харуюки пробилась к противоположному кольцу и забросила ещё один мяч. Разница в очках сократилась до трёх.

— Кидай сюда! — крикнул вернувшийся на свою половину Исио, подняв руку.

Он явно был раздражён тем, что ситуация складывалась не в

их пользу, и потому решил провести мяч самостоятельно. Два человека из красной команды попытались остановить его, но Исио ловко прокрутился на месте и просочился между ними. Похоже, что звезда школьного баскетбола пустила в бой свои истинные таланты.

— …!

Харуюки в растерянности встал на пути Исио, глядя на него мутным от пота взглядом. В противостоянии один на один виртуальный интерфейс ничем не мог ему помочь.

«Физикал бёрст!» — крутилось на его языке, но он упорно сдерживал себя.

Если бы он произнёс эту команду и ускорил сознание в десять раз, не покидая тела, никакие техники Исио его бы не спасли — Харуюки с лёгкостью бы отобрал у него мяч. Но правила их Легиона строго запрещали жульничество посредством ускорения. И, что ещё важнее, Харуюки не собирался оскорблять Исио, вызвавшего его на честный поединок.

— А… А!

Без ускорения Харуюки оставалось лишь обронить эти звуки и широко развести руками в сторону.

Левая рука бежавшего на него Исио дёрнулась, и мяч исчез. Когда Харуюки осознал, что тот провёл мяч за своей спиной, Исио уже обошёл Харуюки с левой стороны.

Харуюки погнался за спиной нападающего, несущегося к кольцу, прекрасно понимая, что догнать его он не в состоянии.

Через несколько шагов перед ним выскочило набранное красным сообщение. Это было предупреждение, сообщавшее о выходе из нормы то ли сердцебиения, то ли давления. Харуюки проигнорировал его. Мир словно начал выгорать по краям, но он смотрел лишь на фигуру перед собой и упорно гнался за ней.

Вдруг он увидел за Исио ещё одну высокую фигуру. Каким-то образом к кольцу успел подбежать Такуму. Он вышел против Исио, который тут же продемонстрировал своё мастерство. Он ловко провёл мяч между ног Такуму, а затем собрался сменить ведущую руку за спиной.

— Кх… ха-а!

Выдавив последний воздух из своих лёгких, Харуюки отчаянно прыгнул в сторону мяча, проносившегося за спиной Исио.

Он изо всех сил вытянул левую руку, но почувствовать резину мяча уже не успел — мир вдруг потемнел, а мысли резко замедлились. Он ощутил, как его тело упало на что-то большое и твёрдое. Харуюки понял, что это был пол спортзала. Послышался далёкий вопль:

— Хару!

Этот голос принадлежал Тиюри, игравшей на соседнем поле.

«Эх ты, следила бы лучше за своей игрой», — подумал Харуюки.

Перед тем как окончательно отключиться, он услышал топот бегущих к нему ног.

Харуюки ощутил во рту нечто тонкое и попытался пососать этот объект.

В рот его тут же полилась холодная сладкая жидкость, и Харуюки принялся жадно её пить. Он наполнял свой живот, пока в лёгких не закончился воздух, а потом тяжело отдышался.

Харуюки попытался открыть глаза, но в них тут же ударил яркий белый свет, заставивший его проморгаться и прищуриться.

Свет шёл от панелей освещения на потолке. Со всех сторон Харуюки окружали белые занавески. Стало понятно, что он был уже не в спортзале. Да и лежал он не на жёстком деревянном полу, а на простыне кровати.

«Где я?» — успел подумать он, как вдруг послышались шаги, и кто-то одёрнул занавеску.

— О, Арита, пришёл в себя? — сказала появившаяся перед Харуюки девушка с волосами средней длины, одетая в цветастую футболку с белым халатом поверх неё.

Это школьная медсестра Умесато — Хотта. А значит, Харуюки находится на первом этаже корпуса 2, в медкабинете.

— А… э-э… я… — начал бормотать Харуюки.

На немного мальчишеском лице Хотты проскочила сокрушённая улыбка, и она сказала:

— Я понимаю желание выложиться на полную во время матча, но следи, пожалуйста, за своим состоянием. Упади твоё давление ещё чуть ниже — пришлось бы вызывать скорую.

— А, ага… извините…

«Ага, значит, я по ходу матча упал в обморок то ли от низкого давления, то ли от обезвоживания, и меня притащили сюда», — наконец осознал происходящее Харуюки и посмотрел на индикатор времени в правом нижнем углу. Шёл уже второй урок. Харуюки пробыл без сознания… или, говоря проще, проспал, больше получаса.

Медсестра забегала пальцами по виртуальному интерфейсу, убедилась, что состояние Харуюки вернулось в норму, и кивнула.

— Отлежись до конца второго урока. И продолжай пить. Мне надо сходить на собрание сотрудников школы, но если что-то случится — тут же жми на кнопку, и я приду. Поправляйся!

Занавеска вновь задёрнулась, и послышались звуки

удаляющихся шагов. Харуюки услышал, как открывается и закрывается дверь. В медкабинете повисла тишина.

Скорее всего, Хотта должна была уйти раньше, но не смогла оставить лежавшего без сознания Харуюки.

«Как же неудобно перед ней… хотя, это ведь её работа», — неспешно думал Харуюки. Слева к его рту вновь потянулась соломинка.

Он рефлекторно потянул её в рот и снова начал пить. Холодный напиток приятно тёк по горлу.

— ?..

И тут Харуюки начал задумываться, откуда эта соломинка взялась. Он повернул голову влево, ожидая увидеть либо питьевой автомат, либо медицинского робота.

Оказалось, что соломинка тянулась к самой обыденной бутылке спортивного напитка.

И бутылку эту держала изящная ручка, явно принадлежащая не Харуюки.

— …?

Продолжая следовать указаниям своих замедлившихся мыслей, Харуюки начал бежать взглядом по этой руке. Он дошёл до короткого рукава рубашки, из которого та выглядывала. На рубашке был повязан галстук карминового цвета, чуть выше него виднелся обёрнутый вокруг шеи нейролинкер благородного чёрного цвета, а по плечам ниспадали чёрные волосы…

— …Бха!

Как только Харуюки осознал, кто именно сидел всё это время слева от него, напиток тут же прыснул из носа.

Несколько капель попали на рубашку сидевшего рядом человека, и Харуюки почуял, как его сердце вновь начало биться сильнее. Он замахал руками и закричал:

— П-пр-прос-прости! Н-н-надо вытереть, а то впитается!

В ответ на это сидевший на стуле человек хладнокровно поставил бутылку на кровать и сказал:

— М, ну да. Хорошо, сейчас.

Затем она тут же отстегнула галстук и начала быстро расстёгивать пуговицы рубашки. В глаза Харуюки бросилась на удивление бледная кожа её груди и два пологих, гладких холмика.

— Хга-а! — вновь воскликнул он невесть что, запрокинул голову и резко зажмурился. К счастью (?), дальше этого девушка не пошла.

— Шучу я. Ничего страшного, эту рубашку можно стирать, — так же равнодушно сказала она, а затем принялась застёгиваться обратно.

По одной лишь чёрной рубашке, единственной в школе, можно понять, что возле Харуюки сидит зампредседателя школьного совета, а также его «родитель» как бёрст линкера — Черноснежка.

В глазах разодетой в чёрное красавицы, изящно сидевшей на стуле, проглядывало лёгкое беспокойство.

— Харуюки. Как и Хотта, я не могу ругать тебя за то, что ты решил выложиться на полную во время физкультуры. Но раз уж на тебе нейролинкер, то следи за индикаторами своего здоровья. В этот раз тебе повезло, и ты отделался лёгким обезвоживанием, но в следующий раз последствия могут быть куда серьёзнее.

— У… угу, прости меня… я просто забылся…

Он старался изо всех сил, а в итоге заработал лишь насмешки зрителей и потерю сознания, о котором сообщили даже Черноснежке. Харуюки свесил голову, но тут бледная ладонь легла на его левую руку.

— Не извиняйся, я не виню тебя. Просто… не пугай меня так, — сказала она уже тише.

Поднявший голову Харуюки заметил, что и лицо её стало выглядеть гораздо нежнее.

— Когда Тиюри сообщила мне, что ты потерял сознание, я сама чуть в обморок не упала. Я едва не использовала сам-знаешь-какую команду, чтобы добежать сюда.

Черноснежка явно имела в виду особую команду, доступную лишь бёрст линкерам девятого уровня: «физикал фулл бёрст». Технически, это лишь усиленная версия «физикал бёрста», который Харуюки едва не применил в противостоянии с Исио, но эффекты этих команд трудно даже поставить рядом. Эта команда ускоряла сознание в сто раз, не отделяя его от тела.

Но и плата за её использование была колоссальной. Использовавший её человек терял 99 % текущих бёрст поинтов, тут же оказываясь на пороге полной потери очков. Возможно, Черноснежка просто шутила, но Харуюки рефлекторно покачал головой.

— Х-хорошо, что ты её не использовала. Я не то чтобы потерял сознание, у меня просто голова от усталости закружилась… так значит, тебе Тию рассказала?

— Угу, сразу, как только тебя притащили сюда. Она, кстати, на удивление заботливый человек.

— Заботливый? — переспросил Харуюки.

Черноснежка слегка улыбнулась, а затем скосила взгляд влево.

— Тиюри и Такуму сидели здесь же до начала второго урока. Мне пришлось их выгнать, чтобы им не засчитали прогул. Они

страшно переживают, так что лучше отправь им письмо.

— Х-хорошо.

Харуюки кивнул и открыл специальный почтовик для обмена внутришкольными сообщениями. Он написал друзьям, что пришёл в сознание, и что с ним всё в порядке, добавив благодарности за то, что они пришли посидеть возле него. Но тут он удивлённо посмотрел на Черноснежку и спросил:

— Кстати, а разве тебе на уроки не надо?.. Разве тебе не запишут это как прогул по неуважительной причине?..

— Эй, я, по-твоему, кто? Я записалась в систему как ассистент школьной медицинской службы. Естественно, с разрешения Хотты и под её гарантии.

Черноснежка произносила эти слова с такой снисходительной улыбкой, что Харуюки стало слегка стыдно за то, что он задал этот вопрос. Улыбка Черноснежки приняла другой оттенок, она немного подалась вперёд и игриво прошептала:

— На самом деле я поначалу собиралась вознаградить заботу Тиюри и тоже дать ей временный статус ассистента, но потом попросила её об одолжении. Видишь ли, вчера я так сильно хотела побыть с тобой наедине, что привела тебя в комнату школьного совета довольно грубым методом. Но мы так и не смогли толком поговорить из-за сложившихся обстоятельств.

— А… ну… да…

Блеск её чёрных глаз так завораживал Харуюки, что он едва мог говорить.

Действительно, вчера она ни с того ни с сего завалилась в кабинет класса 2-С и заявила, что «председатель комитета по уходу должен немедленно явиться в школьный совет». Харуюки, по ошибке вступивший в этот самый комитет, пошёл за ней, ожидая, что его будут за что-то ругать, но, как оказалось, Черноснежка отдала этот приказ только ради того, чтобы побыть рядом с ним наедине.

Естественно, Харуюки был отнюдь не против разговоров наедине с Черноснежкой… они казались ему воплощением счастья.

Но в то же время Черноснежка всегда была для Харуюки чрезвычайно важным и дорогим человеком. Она не просто командир его Легиона, не просто его «родитель». Она — его спасительница, вытащившая его со дна болота и подарившая надежду. Она — его королева, которой он присягнул на вечное служение. И даже этих слов ему не хватало. Она… чудо. Пожалуй, именно это слово описывало её точнее всего.

Черноснежка всегда уверенно стремилась вперёд, готовая покорить даже самые дальние горизонты. Но обстоятельства

сложились так, что она положила на Харуюки глаз, заговорила с ним и протянула ему свою руку. И для него это — самое настоящее чудо. Даже сейчас Черноснежка была в его душе ослепительно сияющим драгоценным камнем. Она столь прекрасна, что казалась иллюзорной, и именно поэтому Харуюки боялся даже прикасаться к ней.

Да, он научился разговаривать с ней наедине, но каждый раз, когда она находилась так близко к нему, его сердце начинало бешено колотиться, а дыхание — сбиваться. Более того, сегодняшняя ситуация казалась ещё напряжённее, чем вчера.

От остального мира их отделяли плотные белые занавески, Харуюки лежал на кровати, а Черноснежка, опираясь на эту же кровать руками, смотрела ему прямо в глаза.

Понимая, что его мысли явно сворачивают в опасную зону от столь долгого молчания, Харуюки резко перехватил «штурвал» и силой заставил себя произнести:

— А-а… извини меня за вчерашнее. Я ведь тебе так и не рассказал всего, что случилось…

— М-м… ну, я читала твоё письмо и представляю, что именно случилось… конечно, я собиралась потом расспросить тебя в деталях, но тут с тобой приключилось такое, что у меня вмиг из головы вылетело всё остальное.

— П-прости… — вновь извинился Харуюки, перебирая пальцами.

Вчера Харуюки неожиданно сорвался и побежал домой после школы, опасаясь за Такуму. И опасения эти основывались не на пустом месте — ISS комплект едва не поработил сознание его друга. Он с трудом смог прийти в себя во время дуэли с Харуюки, а ночью они вступили в бой с телом комплекта на сервере Брейн Бёрста и уничтожили комплект Такуму.

Харуюки отправил краткий пересказ тех событий Черноснежке, Курасаки Фуко и Синомии Утай (после утренней встречи с Аш Роллером), но в кратком сообщении все подробности просто невозможно описать. Дополнительно осложняло ситуацию то, что Харуюки и сам толком не понимал, что именно случилось на сервере, и то, что за каких-то несколько часов перед «операцией по побегу из Имперского Замка» произошло ещё одно важное событие.

А именно — Аш Роллер попросил его о совершенно немыслимой вещи.

Он понимал, что должен рассказать обо всём этом Черноснежке, но понятия не имел о том, с чего начать. Черноснежка хорошо понимала, что тот молчал из-за перегруженности сознания, и решила облегчить его мысли

следующей фразой:

— В любом случае, я удивлена тем, что ты уработался на физкультуре до потери сознания. Возможно, ты обидишься, но я от тебя такого не ожидала.

— У… угу, я тоже изумился.

— Тебя что-то сподвигло на это? — спросила она, слегка наклонив голову.

Вопрос оказался сложным: с одной стороны, что-то действительно случилось, а с другой — вроде как и ничего.

— Эм-м… не то чтобы случилось что-то конкретное… просто я во время матча так часто ошибался, что Таку в итоге сказал мне, что «важно состояние духа». Вот я и решил, что надо постараться на время матча освободиться от негативных образов… а потом я и сам не заметил, как начал воспринимать происходящее всерьёз. Кстати, интересно, чем закончился матч…

— По словам Такуму, ваша команда проиграла с разницей в одно очко.

— А-а… ясно.

Если мутные воспоминания Харуюки не врали ему, то на таймере оставалось меньше минуты, их команда отставала на три очка, а Исио уверенно прорывался к их кольцу. Если разрыв сократился в итоге до одного, то значит, ту атаку удалось отбить, затем контратаковать и забить ещё один мяч. А затем, видимо, матч и кончился.

Он был уверен, что такой счёт несказанно обрадовал Такуму. Черноснежка улыбнулась, а затем вдруг произнесла удивительную фразу:

— Кстати говоря, тебя до медкабинета тащили двое: Такуму и ещё один парень с вашего класса, который в секцию баскетбола ходит.

— Э… Исио, что ли?

— Угу. Он просил передать тебе: «Пусть в этот раз я с треском проиграл, но в следующий раз ты так легко не отделаешься».

— П… п-проиграл?! Но ведь его команда победила…

— Судя по всему, лично для него победа с разницей менее чем в 20 очков равносильна поражению.

— Я… ясно…

Слова Исио, сказанные то ли от скромности, то ли от гордыни, заставили Харуюки улыбнуться. Но, вообще говоря, в этот раз ему удавалось блокировать Исио только благодаря тому, что команда противников весь матч придерживалась одной и той же тактики. Вряд ли ему удастся опираться на индикаторы интерфейса в следующем матче. Но дуэли и битвы за территории

в Брейн Бёрсте следовали тому же правилу. В том мире тоже практически не существует тактик, которые срабатывали бы из раза в раз. Ведь в боях участвует не искусственный интеллект, а люди, способные предугадывать будущее…

И тут Харуюки вдруг снова ощутил ту самую близость к осознанию чего-то важного, которую он почуял во время матча.

— А…

— М? Что такое?

— Нет, я… хочу кое-что сказать, но… боюсь, выйдет полный бред, но… — ощущая на себе побудительный взгляд Черноснежки, Харуюки силой заставил себя продолжить, — «Когда образы становятся слишком сильными, они пробиваются через ограничения и воплощаются в реальности.»

— Это ты от Фуко услышал?

— Э… именно. Как ты догадалась?..

— Я ведь уже говорила тебе. Она владеет самой чистой, самой положительной Инкарнацией из всех людей, которых я знаю. Эти слова, полные веры в превосходство светлой стороны Инкарнации, как раз в её стиле… — прошептала Черноснежка в ответ.

Харуюки не до конца понял смысл её слов, но решил ничего не уточнять и продолжил:

— Этими словами она, понятное дело, описывала Систему Инкарнации Ускоренного Мира. Но когда во время баскетбольного матча Такуму сказал мне те слова, я задумался. Когда мы… изо всех сил трудимся в реальном мире, с нами происходит нечто похожее… естественно, я не говорю о том, что в нас пробуждаются сверхъестественные способности, но… в каком-то смысле, лично для меня соперничество с Исио или уборка сарая в одиночку — тоже сверхъестественные подвиги. Короче говоря, я хотел сказать, что… э-э…

Запас красноречия Харуюки иссяк, и больше он из своего рта не смог выдавить ни слова.

К счастью, Черноснежка, похоже, поняла, что именно он пытался сказать. Её чёрные глаза удивлённо распахнулись, а с губ скатился краткий вздох.

— Харуюки… ты не перестаёшь меня удивлять. Я не думала, что ты так быстро, да ещё и самостоятельно, дойдёшь в своих размышлениях до этого…

— Э-э… до «этого»?.. — непонимающе спросил Харуюки.

Черноснежка посмотрела в его глаза и глубоко кивнула.

— Именно. Твои слова говорят о том, что ты вплотную подобрался к постижению второго уровня Системы Инкарнации. Для того чтобы выйти за пределы базовых техник: «радиуса»,

«атаки», «защиты» и «мобильности», и попасть на уровень «прикладных» техник, тебе нужно понять смысл «воображения» не мозгом, а ощущениями. Тебе нужно прочувствовать, насколько широка, насколько глубока сила нашего воображения…

— Сила… воображения?..

— Ага. Смотри, ты ведь до сих пор считал Оверрайд, «перепись реальности воображением», основу Инкарнации, элементом логики виртуального мира? Но это не так. Воображение обладает огромной силой и в реальном мире. Конечно, оно не даст тебе обойти законы физики. Но оно может помочь тебе преодолеть кажущийся неприступным барьер, так сказать, оверрайднуть его. Ты лично убедился в этом во время баскетбольного матча.

Слова Черноснежки задели Харуюки за что-то живое в глубине его души, но в то же время родили в его сознании множество вопросов. Он, сам того не осознавая, подался вперёд к Черноснежке, так же, как она подалась к нему, и тихо спросил:

— Сила воображения помогает выходить за пределы возможного. Это утверждение применимо и к Ускоренному Миру, и к реальному. Эту часть я более-менее понимаю. Но… какое отношение это имеет ко «второму уровню Системы Инкарнации»?..

Черноснежка не смогла сразу ответить на его вопрос. Она прикрыла глаза и прикусила губу, словно сомневаясь в чём-то.

И Харуюки смутно догадывался о причинах такого поведения.

Черноснежка опасалась своей собственной Инкарнации. Она боялась, что, в отличие от положительной Инкарнации Скай Рейкер, её собственная соткана из негативных эмоций — печали и разрушения.

Но Харуюки верил в то, что это не так. Потому что её техника типа Увеличение Радиуса Атаки, Стрижающий Удар, которую он видел несколько раз, была неописуемо прекрасна. Пусть она таила в себе невероятную мощь, но Харуюки верил, что столь прекрасная техника не могла быть рождена из негативных образов.

Харуюки придвинулся к ней ещё на несколько сантиметров, приложил руку к её правой ладони и сказал:

— Семпай. Рейкер — первый человек, посвятивший меня в тайны Системы Инкарнации. Вторым была Нико. Но… ты всё ещё мой «родитель». И я хочу знать о тебе всё. Я хочу, чтобы ты учила меня всему, что знаешь. Прошу тебя… дай мне увидеть твою Инкарнацию.

И вновь Черноснежка не смогла ответить быстро.

Было около половины одиннадцатого, и июньское солнце

почти успело взобраться на вершину небосвода, но свет его лучей не доходил до их угла. В отрезанном от остального мира занавесками пространстве приглушённо горели лампы и раздавались тихие звуки дыхания.

Наконец, пальцы на правой руке Черноснежки сдвинулись, ухватившись за ладонь Харуюки. Послышался тихий шёпот:

— Тогда нам понадобится кабель прямого соединения.

Черноснежка подняла голову, и на лицо её частично вернулась как всегда таинственная полуулыбка. Харуюки вздохнул и покачал головой:

— А… и-извини. Мой кабель остался в классе, в сумке…

— Мой тоже. Но, думаю, тут где-то поблизости им можно поживиться, — прошептала Черноснежка и щёлкнула по виртуальному интерфейсу.

Она открыла поиск инвентаря, и тут же кивнула. Убрав свою руку, она встала и исчезла за занавеской.

Послышался звук открывающегося и закрывающегося шкафа, и вскоре Черноснежка вернулась с белым XSB-кабелем в руке. Вот только…

— Э… он не слишком коротковат?.. — обронил Харуюки, заметив, что кабель имел всего полметра в длину.

Черноснежка пожала плечами.

— Ничего, я просто подвинусь поближе. Тут ведь нет социальных камер.

— А… но, но как… — начал Харуюки, но тут же проглотил продолжение фразы.

Черноснежка совершенно непринуждённым жестом взобралась на кровать.

— А, э-э, а-а…

Харуюки запоздало осознал, что всё ещё был в спортивной форме, и попытался отодвинуться. Пусть пот и успел высохнуть, он догадывался, что всё ещё вонял.

Но Черноснежка уверенно протянула левую руку и пригвоздила Харуюки к кровати. Сама она улеглась слева от него и игриво улыбнулась.

Перегретым мозгом Харуюки ощутил на своих ушах тепло её насмешливых вздохов.

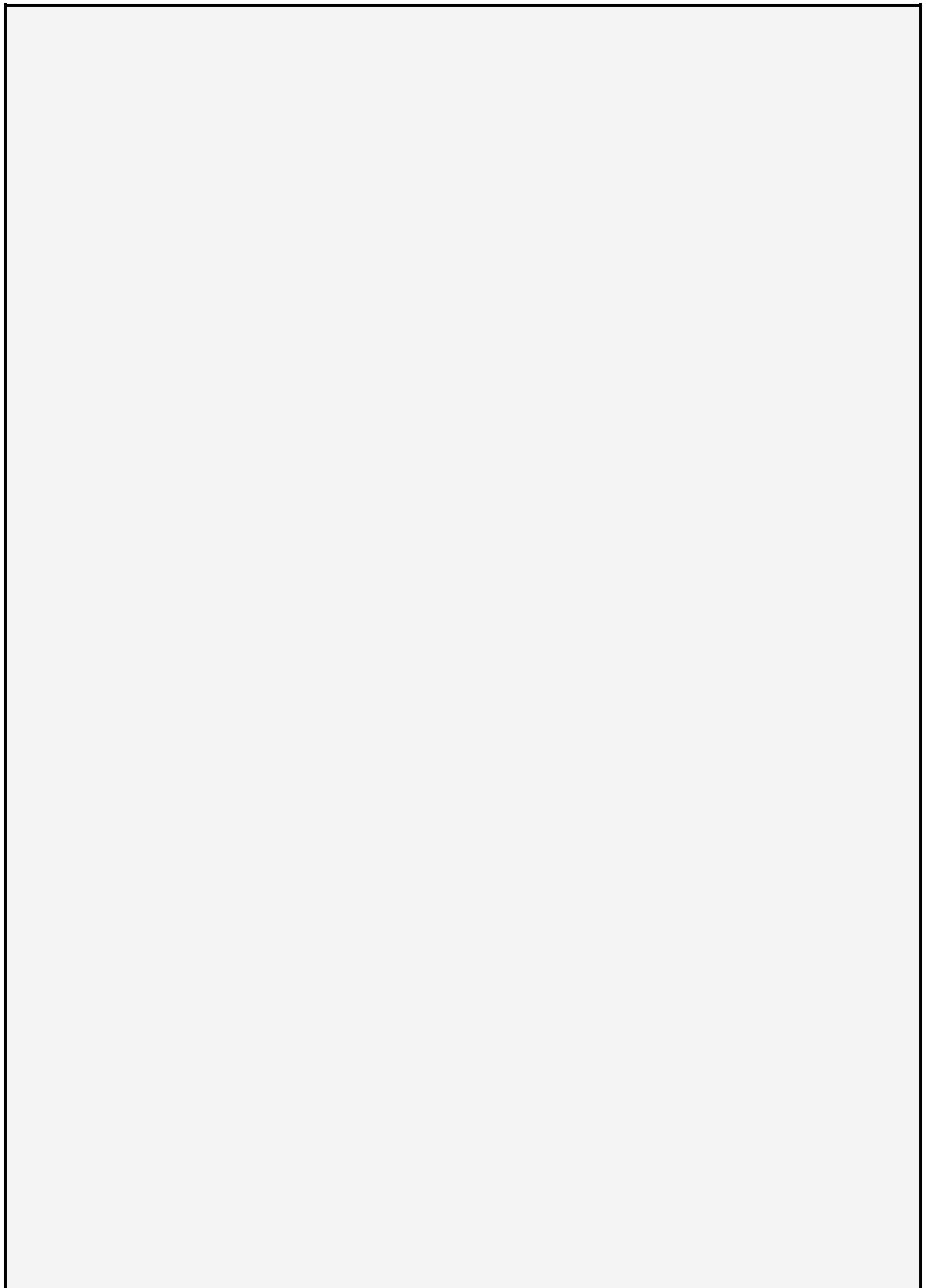
— Хе-хе… неужели ты всё ещё так нервничаешь? Мы ведь с тобой спали в одной кровати в ночь перед вертикальной гонкой по Гермесову Тросу.

— А, да, э-э-это, конечно, так…

Эта самая гонка проводилась две недели назад, но за это время успело столько всего произойти, что Харуюки она уже казалась далёким прошлым. Но воспоминания о той ночи

отпечатались в его памяти навсегда.

В тот раз они тоже лежали в одной кровати и вступили в кабельную дуэль. Харуюки решил испробовать на ней только что освоенное Аэрокомбо, но оно проиграло ещё более впечатляющей технике Смягчения Черноснежки, а в итоге та и вовсе уничтожила его за один удар с помощью спецприёма восьмого уровня «Смерть через Объятия».



«Что-то мне подсказывает, что сейчас случится то же самое…» — думал Харуюки, пока Черноснежка подносила к его нейролинкеру полуметровый XSB-кабель. Он едва не подался назад, но подавил в себе это желание.

— А… — обронил он в момент подключения.

Черноснежка, не обращая на это никакого внимания, ловко

ухватилась за противоположный конец кабеля и подключила его к чёрному квантовому устройству на своей шее. Перед глазами вспыхнуло предупреждение о проводном соединении.

— Вчера я заставила тебя потратить одно очко ради своего каприза. Поэтому сегодня я угощаю, — прошептала она, имея в виду, что в этот раз она погрузится в базовое ускоренное поле сама, а затем вызовет его на дуэль.

— Х… хорошо, я готов, — ответил Харуюки.

Бледно-розовые губы перед глазами сдвинулись, произнося команду «бёрст линк».

А в следующее мгновение громоподобный звук ускорения пронзил слух Харуюки.

Глава 7

Полем битвы второй за сегодня дуэли стал уровень, собранный из проклёпанных металлических пластин. Уровень «Сталь».

Первой и главной особенностью этого уровня являлась твёрдость всего вообще. Второй — хорошая электрическая проводимость. Третьей — громкие звуки шагов (особенно металлических аватаров).

Харуюки с громким лязгом опустился на уровень и стал ждать похожего лязга с какой-либо стороны. Но шли секунды, вокруг него стояла тишина, и он начал недоумённо оглядываться по сторонам.

Медкабинет средней школы Умесато превратился в ничем не примечательную квадратную комнату, где нет ни занавесок, ни столов. И пол, и стены, и потолок состояли из мощных бледно-коричневых железных плит. По правилу «дуэлянты начинают дуэль как минимум в десяти метрах от друга», лежавшая рядом Черноснежка очутилась в противоположном конце комнаты.

Роскошная полупрозрачная чёрная броня, напоминающая своим видом обсидиан. Тонкая талия, обёрнутая похожей на лотос юбкой, собранной из бронепластин. Заострённый V-образный визор. Конечности в виде заострённых клинков…

Грозный, но неописуемо прекрасный вид Чёрной Королевы Блэк Лотос потрясал воображение Харуюки каждый раз, когда он видел его. Он, наконец, понял, почему не услышал металлического лязга. Заострённые ноги Чёрной Королевы не касались пола, а парили в сантиметре от него. Её аватар — один из немногих «парящих» аватаров Ускоренного Мира.

Черноснежка ещё несколько секунд молча окидывала взглядом аватара Харуюки, Сильвер Кроу, а затем плавно поплыла вперёд. Она остановилась точно перед ним, и в глубине её маски загорелись сине-фиолетовые глаза.

— Твой вид о многом мне говорит, Харуюки. Ты снова сражался в тяжёлой битве… — мягко произнесла она.

Харуюки сразу догадался, что она имела в виду его вчерашний бой против Такуму. Он ещё не успел рассказать ей никаких деталей, но она уже поняла, что это была одна из тех битв, в которых бёрст линкеры излагали друг другу свои мысли посредством кулаков.

Да, это была трудная и даже мучительная битва. Выступив против своего друга, захваченного в плен тёмной силой ISS комплекта, Харуюки лишился левой руки, левого крыла, и его

аватар чуть не разодрало в клочья. Ведомый таинственной девушкой в броне шафранового цвета, он призвал оригинальную форму Брони Бедствия, Артефакт «Судьбу», который защищал его руку, пока Харуюки концентрировал на ней свою Инкарнацию.

Правда, в конечном итоге ISS комплект попытался размножиться и чуть не поработил ещё и Харуюки, но Такуму его спас, прикончив себя своей же техникой. Но, несмотря на всё это, Харуюки ощущал, что битва не прошла для него бесследно. Он обрёл нечто новое. Возможно, это была малая толика «уверенности в самом себе». Возможно, именно она помогла ему ночью, на «центральном сервере», когда он смог создать новую Инкарнационную технику, оставившую Лазерный Меч далеко позади по радиусу действия.

Но принимать похвалу Харуюки так и не научился, поэтому в ответ он лишь начал застенчиво перебирать пальцами и свесил голову:

— Н-нет, что ты… в конечном счёте, это меня постоянно приходится спасать…

— Хе-хе. То, что ты можешь так думать о себе — признак того, что ты взрослеешь, — Черноснежка кратко усмехнулась и похлопала боком клинка правой руки по спине Харуюки. — Ну, Харуюки, давай, покажи мне всё, на что способна твоя Инкарнация.

Харуюки вновь захотелось поскромничать, но он понимал, что сейчас они находились на обычном дуэльном поле, а не на неограниченном нейтральном. Они могли пробыть здесь лишь 1800 секунд. Тренировка Инкарнационных техник занимала несколько недель, и по сравнению с этим полчаса казались ничем. Нельзя терять ни секунды.

Харуюки вдохнул настолько глубоко, насколько мог, и кивнул.

— Хорошо. Я начинаю.

Он сделал несколько шагов и встал в трёх метрах от южной стены пустой комнаты.

Вместо белых обоев её покрывали лишь толстые металлические плиты. По одному виду заклёпок, которыми плиты крепились к стене, становилось понятно, что они были крайне крепкими.

Но эта крепость — лишь заданный сервером параметр. Сила воли и стремление пробить эти плиты должны позволить ему превзойти эти параметры Оверрайдом. Харуюки медленно пригнулся, оттянул левую руку к поясу и свёл вместе пальцы.

Он собрал образ «пробивающего света» у руки, и появилось свечение — Оверрей — осветившее тусклую комнату. Чем

сильнее он фокусировал образ, тем громче становился тихий резонирующий звук, и тем большую часть руки покрывал свет. Раньше этот процесс занимал у него гораздо больше времени, но Харуюки даже не замечал роста своего мастерства. Он отвёл руку ещё дальше.

— Лазер Сорд! — выпалил он название и выбросил вперёд левую руку, подворачивая в сторону удара и остальное тело.

Из пальцев с приятным звуком вытянулся двухметровый световой клинок, глубоко впившийся в толстую железную стену.

Но Харуюки не остановился, вернулся на исходную позицию, и занёс правую руку. Ладонь он поднёс уже не к поясу, а к плечу. Левую же руку он выставил перед ней.

Серебряный свет начал покрывать его правую руку, ослепительно сверкая.

— О-о-о!.. — испустил Харуюки боевой клич.

Свет правой руки вытянулся, и его конец коснулся брони на левой руке. И одновременно с этим Харуюки выстрелил светом.

— Лазер Ланс!

Эту технику он освоил лишь сегодня утром и применил только один раз, да ещё и с помощью Тиюри, но он был уверен в том, что сможет повторить её. Сияние вырвалось из его руки в виде копья, а не клинка, и попало точно в дыру, проделанную предыдущим ударом, дополнительно углубив её.

Копьё просуществовало ещё одно мгновение, а затем распалось на ленты и растаяло в воздухе. Вслед за этим стальная стена, впитавшая слишком много энергии, начала рушиться. Перед ними открылось то, что раньше было передним двором школы Умесато. Один из железных столбов на нем был перерублен пополам, и верхняя часть его повалилась на землю.

Харуюки находился на расстоянии не меньше десяти метров от столба. Копьё преодолело расстояние, втрое большее, чем меч.

— Фух… — выдохнул Харуюки и опустил руки.

Позади послышался звон. Обернувшись, Харуюки увидел, что Черноснежка пыталась аплодировать ему клинками своих рук.

— Прекрасно. У тебя замечательное воображение, Харуюки.

— Б… большое спасибо… — неуверенно ответил не привыкший к похвале Харуюки, вжал голову в плечи и поклонился.

Но следующие слова Черноснежки тут же привели его в чувство:

— Можно считать, что твоя Инкарнация достигла совершенства как базовая техника типа «Увеличение Радиуса Атаки». Ты освоил две формы: боевые клинки, которые можешь призывать на обеих руках и изменять их длину по своему

желанию — «Лазерный Меч», и метательное копьё, сотканное из накопленной энергии, для битв на средних дистанциях — «Лазерное Копьё». Обе эти техники имеют чётко определённую цель и прекрасно с ней справляются. Но именно поэтому ты можешь рассчитывать лишь на дальнейшее повышение их меткости и уменьшение времени подготовки. На значительные усовершенствования лучше не рассчитывать…

— Э?..

«Выходит… это всё, на что способна моя Инкарнация?..» — ошарашенно подумал Харуюки и едва не опустил плечи, но его одёрнули прозвучавшие вслед за этим слова:

— Но расстраиваться рано. Как я уже говорила, у Системы Инкарнации существует второй уровень, или вторая стадия.

Черноснежка вновь подплыла к нему и произнесла приглушенным голосом, ставшим похожим на детский:

— В тебе… в твоём сердце сокрыт неограниченный потенциал. Твой путь должен начаться с того, что ты сам должен поверить в это. Те техники, что ты показал мне, относятся к одному из четырёх базовых типов Инкарнаций — «Увеличению Радиуса Атаки». Все базовые техники выглядят по-разному, но мы именно потому разделяем их на четыре категории, что их суть и возможности похожи друг на друга. Пока всё понятно?

— Д… да, — кивнул Харуюки и вспомнил тот раз, когда Красная Королева Скарлет Рейн, она же Нико, показала ему свою технику типа «Увеличение Радиуса Атаки».

Её техника состояла в том, что она выбрасывала вперёд огненный шар, испепелявший её цель. Она достигла такого мастерства, что применяла её практически мгновенно, не произнося названия, и могла поразить цель в пятидесяти метрах от себя, во всём превосходя технику Харуюки, но в своей основе обе техники — одиночные дальнобойные атаки.

Черноснежка кивнула, видимо, решив, что Харуюки переварил полученную информацию, затем вскинула клинок правой руки и продолжила:

— А ещё есть Инкарнация второго уровня, «прикладные техники». Так называют техники, воплощающие в себе несколько базовых техник, или вообще не относящиеся к ним. Их материализация создаёт несравнимый по масштабам Оверрайд. В качестве примеров таких техник можно привести Ржавую Систему, которой Раст Жигсо уничтожил вертикальную гонку по Гермесову Тросу, или Вуаль Ветра, которой Фуко защитила нас от неё.

— Или же твой Стрижающий Удар, так? Эта техника ведь совмещает Увеличение Радиуса Атаки и Увеличение Силы Удара?

В ответ Черноснежка немного смущённо кивнула.

— М-м, ну-у… в целом да. Скажем так, в конечном итоге она стала прикладной… но вернёмся к теме. Смысл в том, Харуюки, что настало время двигаться к технике второго уровня и тебе.

Первая половина её фразы прозвучала немного странно, но её окончание заставило Харуюки вытянуться и громко отозваться:

— Е-есть! Буду стараться!

Но тут в его голове возник вопрос, который он тут же и задал:

— Но… ты ведь только что говорила, что постижение второго уровня Системы Инкарнации требует понимания силы воображения и постижения его сущности в реальном мире?.. Что конкретно ты имела ввиду?..

— М-м… как бы тебе объяснить…

Черноснежка прервалась, так и не договорив. Она поднесла правую руку к груди и упёрлась взглядом в острие клинка. Взгляд её отчего-то стал напряжённым. Продолжила она гораздо более тихим голосом:

— Словами это передать очень сложно, поэтому я попробую показать тебе. Видишь ли, Харуюки, я с недавних времён начала осваивать новую прикладную технику.

— Э?..

Харуюки недоумённо вгляделся в глаза аватара Черноснежки. Новую технику? Неужели что-то, превосходящее по силе Стрижающий Удар? И она собирается показать его в этой маленькой комнате?

— А, м-может выйдем наружу?.. — попытался обратиться к ней Харуюки, но Черноснежка тут же покачала головой.

— Нет, не стоит. Мне хватит и этого места.

С этими словами Чёрная Королева Блэк Лотос направила клинок правой руки в сторону Харуюки и замерла.

«Э, погоди-ка, не может быть, она что, собирается опробовать её на мне?

Хотя, с неё станется. Она ведь командир и лучшая подруга Скай Рейкер, которая сбросила меня с вершины Старой Токийской Башни. Так что ничего удивительного в том, что она могла перенять её спартанский стиль обучения. Не бойся, радуйся. Тебе выпала честь увидеть совершенно новую технику сильнейшего человека Ускоренного Мира и первым испытать её действие на себе. Это и есть лучшая тренировка. Прими этот удар с гордостью.»

Все эти мысли пронеслись в голове Харуюки за какую-то долю секунды. Он стиснул зубы и затаил дыхание.

Стоявшая с протянутой рукой Черноснежка сузила глаза и, судя по её виду, напряжённо концентрировалась.

На кончике клинка загорелся жёлтый огонёк. Оверрей. Он начал слабо пульсировать, постепенно накрывая около двадцати сантиметров клинка.

Харуюки внимательно следил за ним, а в голове его начали появляться сомнения.

Он… тёплый. Свет, покрывающий клинок, казался таким нежным, приглушенным и тёплым, что Харуюки не мог поверить в то, что он призывался для разрушения.

Но в то же время, каким бы мягким и слабым ни был свет, совершенно очевидно, что Черноснежка вкладывает в него все свои силы. Её стройное тело мелко дрожало, и она едва стояла на ногах.

А затем она тихо произнесла:

— Харуюки… руку.

Не успев даже засомневаться в смысле её слов, Харуюки, словно зачарованный, протянул правую руку. Он поднёс её к кончику вытянутого клинка Черноснежки и осторожно коснулся него.

Будь техника Черноснежки боевой, в этот самый момент её Оверрайд бы просто отрубил ему пальцы, и никакая металлическая броня его бы не спасла.

Но этого не произошло. Произошло… инкарнировалось нечто гораздо более невероятное.

Чёрная сталь клинка… медленно растаяла.

Четыре спереди. Один снизу. Клинок разделился на пять тонких цилиндров, в щели между которыми тут же начал просачиваться свет. Это…

Пальцы руки.

Этот тихий Оверрей производил лишь одно беззвучное, почти незаметное превращение.

Сначала Харуюки рефлекторно подумал, что Черноснежка зачем-то намеренно занижала мощь этой техники. Но он тут же осознал, что именно происходило, и насколько эта «прикладная техника» превосходила по своему эффекту любую боевую технику.

Ни один бёрст линкер не может освоить Инкарнацию, идущую вразрез со своими склонностями.

Красная Королева Нико говорила ему, что это одна из основ Системы Инкарнации.

По одному внешнему виду Чёрной Королевы Блэк Лотос, по одним только клинкам, заменяющим её конечности, становилось ясно, что она — воплощение разрубания. Перерубания всего, что касалось её. Отторжения. Воплощение одинокого чёрного лотоса, никого к себе не подпускавшего. Даже её собственный «ребёнок»,

Харуюки, многого не знал о ней. Как бы близки ни были друг к другу их глаза, Харуюки никогда не видел того, что она прячет в глубине своей души.

Но он никогда не задумывался об этом. Он воспринимал это как одну из граней красоты Черноснежки.

Но в этот самый момент Черноснежка на его глазах отторгала свою собственную сущность. Она своим воображением опровергала свой собственный тезис о том, что «у неё нет рук, которые она могла бы протянуть кому-то».

Это не просто Инкарнация, это её манифест. Что она, как лидер Нега Небьюласа, представала перед ним в новом свете. С открытой рукой и открытым сердцем. Готовая заключать настоящие узы не только в Ускоренном Мире, но и в реальном…

— Сем… пай… — прошептал Харуюки, и ощутил, как что-то кольнуло в его сердце.

Он понял, что на самом деле ничего не знал о ней. Что называл её «прекрасной одиночкой», глядя на неё лишь снаружи, и ничего не понимая.

Мир перед глазами исказился. Из глаз под зеркальной поверхностью шлема потекли слезы, и Харуюки осторожно обвил свои собственные пальцы вокруг её.

Серебро встретилось с чернотой, и на мгновение Харуюки ощутил тепло. А в следующее мгновение…

Послышался тихий звук, похожий на звон мириад колокольчиков, и «правая рука» Черноснежки рассыпалась.

— А!.. — обронил Харуюки.

Одновременно с этим Черноснежка лишилась сил и начала клониться назад. Харуюки рефлекторно подхватил её.

Лишившаяся правой руки по локоть Черноснежка прижала остатки руки к груди, словно пытаясь стерпеть боль. Хотя, судя по её неровному дыханию, ей действительно было больно. Наконец, она подняла голову и мягко прошептала:

— Семнадцать секунд… я неплохо обновила свой старый рекорд. Уверена… это благодаря тому, что ты был со мной.

Выходит, она уже много раз уничтожала свою собственную руку этой прикладной Инкарнационной техникой.

— Семпай… — отозвался Харуюки дрожащим голосом, не в силах сдержать нахлынувшие чувства.

Ведомый ими, он крепко прижал её аватар к себе и произнёс:

— Семпай… спасибо. Кажется, я понял. Чтобы освоить Инкарнацию второго уровня… нужно встретиться лицом к лицу уже не со своим аватаром, а с самим собой. Нужно осознать, чего я боюсь, чего желаю, и что воображаю не только в Ускоренном Мире, но и в реальном. Вот, в чём суть.

— Именно так, — послышался почти беззвучный ответ в его ушах, но ему казалось, что её голос наполняет весь уровень. — Тем, кто пользуется негативной Инкарнацией, это не нужно. Ярость, ненависть и отчаяние неотделимы от наших тел. Но чтобы породить положительную Инкарнацию, нам необходимо пойти против наших душевных травм. Нам нужно пойти против их воплощения в Ускоренном Мире — нашего собственного дуэльного аватара, и против самих себя в реальном мире. Нужно принять их и превратить в надежду… и это крайне тяжело. Провалиться в дыру в своём сердце несложно, но подниматься наверх… я столько времени пробыла бёрст линкером, но не смогла научиться даже превращать свой клинок в пальцы. Но…

Она ненадолго прервалась, и глаза, находящиеся так близко от Харуюки, внимательно вгляделись в него.

— Но у тебя должно получиться. Ведь ты смог осознать, что есть воображение, самостоятельно.

В любой другой ситуации Харуюки ответил бы «мне это не по силам» или «да ладно, я?». Но сейчас, в этот самый момент, он смог одолеть в себе малодушие и кивнуть. Их маски соприкоснулись, и Харуюки прошептал:

— Да, я… я постараюсь. Пожалуй, к сегодняшней «операции по спасению из Имперского Замка» я не успею… но однажды обязательно разыщу его. Свой «образ надежды».

— Ага. Я тоже буду стараться. К следующему разу постараюсь довести длину техники до тридцати секунд, чтобы ты всё-таки успел пожать мне руку, — прошептала она, и уже эти слова смогли проникнуть в голову Харуюки так глубоко, что почти лишили его дара речи.

— Э, э-э, ну, — он глупо заморгал и с трудом выдавил, — Н-ну да… рукой, наверное, и в меню заходить проще.

Вдруг в фиолетовых глазах перед ним сверкнула нездоровая искра, и послышался ледяной голос:

— Это точно… без руки мне тяжело будет залезть в меню и объявить ничью. Убить тебя, что ли?

К счастью, она всё же смогла принять предложение ничьи Харуюки левой рукой.

Покинув дуэльное поле и вернувшись в реальный мир, Харуюки несколько секунд просто смотрел в потолок. Затем он вдруг вспомнил, что лежал на койке в медкабинете, а сбоку к нему прижималась Черноснежка, словно в романтической комедии…

— Харуюки.

Он ощутил её дыхание на левом ухе и оторопел, а затем

осторожно скосил взгляд.

Но увиденное заставило его мгновенно забыть о своём страхе и выпучить глаза.

Черноснежка, продолжая лежать на боку, внимательно осматривала свою правую руку. Её бледные, словно жемчужины, ногти, блестели в свете ламп. Чёрные глаза моргнули, а затем сфокусировались на Харуюки.

— Ты помнишь, Харуюки? В тот день, когда я впервые прочла тебе лекцию по Брейн Бёрсту… я протянула руку и спросила: «Тебе действительно кажется, что два метра виртуального пространства — это так далеко?»

Конечно, он помнил.

Когда это случилось, Харуюки отвёл взгляд от её руки, и мысленно ответил: «Далеко».

Он кивнул. На лице Черноснежки появилась печальная улыбка, и она продолжила:

— Ты знаешь… для меня те два метра были действительно далёкими. Я так… так давно не протягивала никому свою руку. Я всегда боялась притрагиваться к другим людям. Возможно… я никогда искренне не держалась за руки даже с теми легионерами, с которыми была связана самыми крепкими узами: Фуко, Утай, Карен и Графом. Но, с того дня, когда я встретилась с тобой в комнате для виртуального сквоша… даже нет, с того дня, когда я увидела в локальной сети того маленького поросёнка с опущенной головой, бегущего куда-то…

Черноснежка замолкла. Но слова, которые она не произнесла, всплыли в голове Харуюки так чётко, словно сами мысли её текли по кабелю прямого соединения.

Черноснежка вновь улыбнулась и прошептала:

— Ну как, Харуюки? Удалось ли нам подойти друг к другу ближе, чем на два метра?..

Харуюки ничего не ответил. Эмоции переполняли его так сильно, что не давали произнести ни слова.

Поэтому он собрал в кулак своё мужество, поднял руки и осторожно взял ими правую ладонь Черноснежки, которую та все ещё держала перед собой.

Рука была тёплой. Она отдавала тем же теплом, что и «рука» Блэк Лотос, которую он на какое-то мгновение ощутил на уровне «Сталь». Тепло её руки золотым светом разливалось по телу Харуюки.

Черноснежка подняла левую руку и приложила к правой ладони Харуюки. Мир наполнился для него тёплым светом. В нём были лишь их руки, её прекрасное лицо и нежная улыбка.

Её длинные ресницы медленно сомкнулись. Она слегка

наклонила голову.

Харуюки слегка подался вперёд, словно что-то притягивало его к ней. Продолжая лежать с закрытыми глазами, Черноснежка тоже начала придвигать своё тело. Её бледное лицо… и розовые губы были уже в каких-то пятнадцати сантиметрах от него. Ещё ближе. Уже меньше десяти…

Резкий звук распахивающейся двери прервал мгновение.

Черноснежка со скоростью телепортации отпрянула и отключила кабель. Уже через пару секунд она снова сидела на стуле. Из-за белой занавески показалось лицо Хотты.

— Ну, Арита, как самочувствие?

— …

Глаза и рот Харуюки всё ещё были изумлённо раскрыты. Медсестра нахмурилась.

— Что-то ты весь красный. У тебя жар?

— Нет, со мной всё в порядке, — только и смог ответить Харуюки.

Черноснежка же изящно сидела на стуле, а на её спокойном лице не было ни капли пота. Её умение управлять собственными эмоциями поражало. Более того, она уже успела вновь взять в руки бутылку.

Жестом, достойным звания «ассистента медицинской службы», она вновь протянула соломинку к Харуюки, и тому вновь пришлось начать её сосать.

Глава 8

Второй урок закончился. За время перемены Харуюки переоделся из спортивной формы обратно в школьную и вернулся в класс.

Стоило ему открыть дверь и зайти в кабинет, как послышались аплодисменты. Кто-то даже встал. Но, если подумать, падение в обморок прощалось лишь девочкам, а уж выражение «парень, потерявший сознание от переутомления на уроке физкультуры» казалось похожим скорее на название этюда какого-то комика. Харуюки вжал голову в плечи, скосил взгляд вниз и быстро подбежал к своей парте. Едва он сел, как прозвенел спасительный звонок, возвещавший о начале третьего урока. Харуюки с облегчением вздохнул.

Подняв голову, он встретился взглядом с Тиюри, место которой было спереди справа от него. Та смотрела на него с беспокойством, так что Харуюки кивнул, давая понять, что с ним всё в порядке. Затем он скосил взгляд направо и назад, чтобы «отметиться» у Такуму.

Лицо Такуму казалось извиняющимся, словно тот считал, что это его совет привёл к тому, что Харуюки так перетрудился.

«Ты не виноват. Наоборот, благодаря твоим словам я осознал кое-что важное. Спасибо тебе», — Харуюки постарался вложить эти слова в свой взгляд и улыбнулся. Такуму, казалось, немного расслабился.

В течение всех оставшихся уроков, и даже во время обеденного перерыва Харуюки продолжал неспешно размышлять.

О том, что за «Инкарнацию второго уровня» он должен отыскать и освоить…

Он понимал, что это вопрос далеко не самый срочный. Нет, важнее всего сейчас была вторая фаза спасательной операции, которая должна состояться сегодня. Вместе с Ардор Мейден, Синомией Утай, он должен погрузиться на неограниченное нейтральное поле, встретиться с таинственным аватаром-самураем по имени Трилид Тетраоксид, с его помощью вырваться из Замка и покинуть охраняемую Четырьмя Богами территорию. С учётом того, что одна единственная смерть от Судзаку или патрулирующих Замок воинов гарантированно обеспечили бы им «бесконечное истребление», операцию следовало проводить предельно осторожно.

Но почему-то Харуюки никак не мог остановиться — он всё думал и думал о собственной Инкарнации.

У него было оправдание — возникло ещё одно дело, которое

он не мог оставить на потом.

Его вечный соперник, постапокалиптический байкер по имени Аш Роллер, попросил у него помощи в изучении Инкарнации.

Когда в конце их дуэли Аш вдруг спросил: «Ну что, научишь?», Харуюки ещё пять секунд не мог ничего сказать.

Кое-как собравшись с мыслями, он задал вопрос, беспокоивший его больше всего:

— П… почему я?

На это постапокалиптический гонщик ответил:

— Ну, мы ведь с тобой это самое? Оба ученики Рейкер? Другими словами, бразаденты?

У Харуюки ушла ещё одна секунда, чтобы расшифровать это слово. Поняв, что Аш склеил вместе слова «братья» и «студенты», он подумал было сказать ему, что слово «студенты» тут не в кассу, но вместо этого решил вернуться к теме.

— Вот поэтому я и спрашиваю, что мешает тебе попросить Рейкер. Уверен, ей не важно, что ты из другого Легиона, она точно не откажет своему «ребёнку», если ты её вежливо попросишь… да и сам знаешь, методы у неё эффективные…

— …Именно. Я слишком хорошо знаю её методы.

Уловив нотки страха, доносившиеся из-под скелетной маски, Харуюки понял, в чём именно заключалась проблема Аша. Это не просто страх — это ужас. Два месяца назад, когда Харуюки учился Инкарнации сам, «методы» Курасаки Фуко свелись к скидыванию его с вершины Старой Токийской Башни.

Харуюки какое-то время смотрел на Аш Роллера краем глаза, а затем сказал:

— Слушай, я понимаю, что прозвучу надменно, но… с Системой Инкарнации шутки плохи. Если ты ищешь лёгкие методы, то ты ничем не лучше тех людей, что устанавливают на свои нейролинкеры «учебные комплекты» в надежде поскорее изучить её…

— Донт сей, донт сей! Знаю я, знаю, андерстендю! — закричал Аш Роллер, выбрасывая вперёд одетую в кожаную перчатку ладонь. — Но я тебе вот что скажу. То, что она сделала с тобой — это была ещё мягкая, «гостевая» версия её обычных тренировок!

— Э… это была мягкая?

— Именно райт! Короче… я вот чего сказать пытаюсь… не знаю, как ты это воспримешь, но я не собираюсь постигать глубины Системы Инкарнации, чтобы потом устраивать отчаянные дуэли с сомнительными личностями на неограниченном поле. Инкарнация мне нужна на одну битву, на

один удар. Мне просто нужно от души врезать ей свихнувшемуся со своим «ISS комплектом» У, чтобы он очнулся. Только и всего…

Удивительные слова заставили Харуюки вновь взглянуть на него. Маска Аш Роллера была обращена в небо. Он тихо говорил потяжелевшим голосом:

— Потому что для меня Брейн Бёрст всегда был и навсегда останется игрой-файтингом.

Естественно, после таких слов просто отказаться Харуюки не мог.

В конце концов, это ведь он сам сказал Аш Роллеру о том, что сейчас — единственный шанс уничтожить ISS комплект, но для этого нужна Инкарнационная атака.

На этом время дуэли истекло. Харуюки так и не успел ничего ответить на «просьбу» Аш Роллера, но он уверен, что тот понял: Харуюки готов выполнить её.

До погруженного в раздумья Харуюки донёсся звонок, возвещавший о конце шестого урока. Послышались оживлённые голоса.

Вышел учитель, появился классный руководитель Сугено и начал классный час. После всех объявлений, занявших у него весь урок, он коснулся и сегодняшнего потери сознания Ариты, назидательно рассказав тому о том, что «каким бы важным ни было старание, настоящий атлет всегда держит себя под контролем», заставив Харуюки покрыться холодным потом. Наконец, прозвенел ещё один звонок.

Первым делом Харуюки кратко обсудил сегодняшние планы на вечер с Тиюри и Такуму, которым скоро нужно уходить на свои секции. План состоял в следующем — как только все они уйдут с секций или, в случае Харуюки, разберутся с комитетской работой, они соберутся дома у Харуюки, встретятся там с остальными легионерами и начнут «операцию по спасению из Имперского Замка». Утвердив этот план, они пошли по своим делам.

У входа Харуюки надел кроссовки и направился к заднему двору выполнять комитетский план. Стоило ему остаться в одиночестве, как на него снова нахлынули мысли.

О том, было ли у него право учить кого-либо ещё Инкарнации.

Возможно, эти сомнения появились у него после краткого посвящения в глубины Системы Инкарнации, проведённого Черноснежкой в медкабинете.

Систему Инкарнации можно рассматривать как сознательное использование вспомогательной логики обработки воображения, встроенной в игру-файтинг «Brain Burst». Если рассматривать чисто техническую, практическую сторону её использования, то

Харуюки мог сказать, что разбирался в ней. Но Инкарнация не сводилась просто к «техникам». С одной стороны, она давала силу, способную обходить правила игры, а с другой — таила в себе риск того, что сердце игрока затянет во тьму. И это не пространная метафора. Использование негативной Инкарнации искажало личность бёрст линкера и в реальном мире. Как это случилось с мародёром Даск Тейкером. Как это случилось вчера с Такуму…

Если он собирается учить кого-то Инкарнации, он должен убедительно рассказать и об опасности её темной стороны. И слов здесь, скорее всего, будет недостаточно. В первую очередь он должен будет показать, насколько велики чудеса, которые может порождать Система Инкарнации. Как это сделала Скай Рейкер, повальсировав на самодвижущейся коляске. Как это сделала Блэк Лотос, превратив клинок в руку.

По сравнению с ними Лазерный Меч и Лазерное Копьё Харуюки казались жалкими. Это всего лишь простые атаки. Аватаров, способных наносить похожие по силе и дальности удары — море.

Пожалуй, если он собирается читать Аш Роллеру лекции об Инкарнации, он должен показать ему силу «второго уровня». Без этого он не достоин рассказывать об Инкарнации другим.

— Но тут-то и загвоздка… — со вздохом прошептал Харуюки, обходя с востока второй школьный корпус и заступая на мшистую территорию заднего двора.

Тогда, в медкабинете, Черноснежка сказала ему, что освоение второго уровня Инкарнации требует встречи со своими собственными недостатками в реальном мире, требует противостояния своим шрамам, воплощённым в аватаре, требует образа надежды. Но проблема в том, что Харуюки сам не знал, почему он родился в Ускоренном Мире в облике Сильвер Кроу — худого металлического аватара с чешуйчатыми крыльями на спине.

Он мечтал о стройном теле, потому что в реальности он толстый. Харуюки мечтал о крыльях, потому что всю жизнь ползал по земле. Это очевидно и несложно. Но ему казалось, что это ещё не всё. Он до сих пор не знал, почему ему достался именно металлический цвет…

И вдруг он услышал тихий голос.

«…Ещё этот случай практически подтверждает теорию о том, что люди, обладающие «Сердечной Бронёй» определённой силы, становятся металлическими аватарами…»

— ?..

Он резко остановился и огляделся по сторонам.

Голос был сильным, женским. Но в полутёмном дворе никого нет. Он навострил уши, но услышал лишь возгласы тренирующихся на стадионе школьников и звуки настраиваемых инструментов из кабинета музыки.

Но ему не могло послышаться. Харуюки не мог вообразить этот голос — у него нет знакомых девушек, разговаривающих таким голосом. К тому же он не знал, что такое «Сердечная Броня».

Дёрг.

Вспыхнула резкой болью точка между лопатками на спине. Харуюки пошатнулся и опёрся на стену школы. Дёрг. Дёрг. Боль не утихала.

Эта боль не имела ничего общего с его падением на первом уроке. Харуюки понимал, что с его телом всё в порядке, и боль эта была не от травмы.

— …Почему… ты… опять…

Да, эту боль вызывала «она» — паразитирующая на его теле Броня Бедствия, она же «Дизастер» — искажённая форма шестого из Семи Артефактов, Судьбы.

В глубине его сознания послышался другой голос, грозный, подобный звериному рыку:

«Разрушай. Убивай. Разорви их… раздроби их… сожри их!..»

Этот голос был полон ярости и гнева столь пламенного, что Харуюки едва не застонал.

Две недели назад, в ходе «вертикальной гонки по Гермесову Тросу», Харуюки, ведомый своей яростью к Расту Жигсо, призвал Броню. Он едва не попал под её полный контроль, но благодаря второму режиму Зова Цитрона Тиюри Броня вернулась в своё изначальное состояние — осколок крючка Пятого Хром Дизастера Черри Рука, что застрял у Харуюки в спине.

После гонки он долгое время не слышал голоса брони, но вчера вечером, во время схватки с заражённым ISS комплектом Такуму, он призвал начальную форму Брони — Судьбу. Пусть это и не Броня Бедствия, но в процессе призыва осколок, судя по всему, вновь пробудился.

Но… даже страдая от пульсирующей боли, Харуюки заметил кое-что необычное.

Этот голос… другой по сравнению с тем, что он слышал раньше. Что-то не так. Как и раньше, он полон безумных разрушительных помыслов, но в нём слышалось ещё кое-что, ещё одно чувство, затмевающее даже эту необъятную злобу. Это чувство не рычало, не ревело, оно… стенало.

Обычно Харуюки зажимал уши и закрывал глаза, ожидая, пока голос уйдёт, но в этот раз он постарался вслушаться в него.

И тут он ощутил импульс такой болезненный, что тут же упал на колени. Все его сознание заполнил неистовый рёв:

«Уничтожь. Уничтожь. Уничтожь-уничтожь-сожри-сожри-сожри-сожри-сожри-сожри!..»

«Это… скорбь?..

Ты… плачешь?..»

И вновь ответом ему был безжалостный импульс боли. Харуюки был уже не в силах даже стонать. Он крепко зажмурился и приготовился упасть на мшистую землю. Но тут…

Кто-то держал Харуюки за плечи маленькими ручками.

Вслед за этим мягкое ощущение начало окутывать его тело. Не успел он осознать, что кто-то пытался подхватить его, как Харуюки рефлекторно обнял этого человека в ответ.

Тепло этого тела, казалось, способно утихомирить, приласкать и успокоить даже яростный пожар. Чем дольше эта маленькая ручка гладила спину Харуюки, тем тише становилась боль.

— …

Харуюки выдохнул и немного расслабился.

Сознание его до сих пор работало лишь вполсилы. Харуюки начал медленно размыкать веки. Перед его глазами появились похожие на летние фейерверки тонкие алые линии на чёрном фоне. Харуюки не сразу понял, что смотрит в чьи-то глаза.

Он немного отодвинул лицо. Мир стал шире.

В пятнадцати сантиметрах перед собой он увидел лицо маленькой девочки с большими обеспокоенными глазами.

Аккуратно подстриженная чёлка. Подобранный тонкой лентой хвост на затылке. Удивительно тонкая шея. Похожая на белое платье школьная форма. Коричневый ранец на спине.

— Си… номи… я?.. — хрипло спросил Харуюки.

Девочка кивнула.

Синомия Утай — неофициальный член комитета по уходу за животными, в который входил и Харуюки. Она учится в четвёртом классе начального отделения академии Мацуноги, родственной школы. В Ускоренном Мире она — одна из офицеров Первого Нега Небьюласа, одна из четырёх «Элементов», бёрст линкер седьмого уровня Ардор Мейден.

Харуюки вздохнул с облегчением, зная, что может доверять ей безоговорочно. Впрочем, сейчас они находились чересчур близко друг к другу, и Харуюки попытался отпрянуть назад.

Но не смог. Оказалось, что его собственные руки всё ещё крепко прижимали её маленькое тело к нему.

— …

Харуюки ещё секунды две в прострации смотрел то на её

белое платье, то на свой живот, а затем вдруг осознал, в какой ситуаций находится, и закричал:

— Нхья-а!

Его руки моментально разжались, а сам он отскочил на полметра, умудрившись не подняться с колен.

— П-пр-прости меня! Я-я-я, я вовсе не собирался…

Харуюки начал размахивать руками, а перед лицом его тем временем всплыло системное сообщение. Он подтвердил запрос на подключение к местной сети, в нижней части поля зрения появился чат, и изящные пальчики Утай тут же застучали по воздуху.

«UI> Тебе не о чем беспокоиться, Арита-сан. Скорее всего, социальных камер здесь нет.»

«П-правда? Хотя, погоди, ты не сильно была против?» — едва не обронил Харуюки, но опомнился и попытался придумать более правдоподобное оправдание:

— Э-э, тут такое дело, я шёл, а потом споткнулся, это, наверное, из-за того, что я сегодня на физкультуре перетрудился. Но со мной все в порядке, прости, что так напуга…

Но он не договорил. Утай улыбалась мягкой, немного печальной улыбкой, показывая этим, что видит его насквозь. Она поднялась с колен и чуть медленнее напечатала:

«UI> Не нервничай так. Я всё понимаю… похоже, с тобой только что произошёл «Оверфлоу».»

— О… овер… флоу?

Слово это он видел впервые. Но самое удивительное ждало его впереди.

«UI> Это более продвинутая версия «Зануления». Если Зануление — потеря контроля над аватаром от переизбытка пустотной Инкарнации, то есть чувств беспомощности и смирения, то Оверфлоу происходит от негативной Инкарнации… потеря контроля над гневом, яростью и отчаянием. Конечно, обычно он происходит с аватарами в Ускоренном Мире, но я слышала, что бывали случаи, когда бёрст линкеры, полагающиеся на негативную Инкарнацию, теряли контроль над своими чувствами в реальном мире.»

— Негативная… Инкарнация… — прошептал Харуюки, выпучивая глаза. Он резко замотал головой и старательно проговорил: — Э, э-э… я вовсе не использовал и не учился использовать негативную Инкарнацию…

Но Утай вновь улыбнулась, подошла прямо к Харуюки и положила руку ему на щёку. Второй она набрала:

«UI> Я уже сказала, я всё понимаю. Это ведь было… влияние Брони, да?»

— …! — Харуюки с шумом вдохнул, понимая, что теперь что-либо скрывать от неё бесполезно. — Да, ты права… я услышал… вспомнил чей-то голос, а потом она взбунтовалась…

«UI> Голос? Какой голос?»

— Э-э, я не могу вспомнить, чей он. Вернее, я уверен, что не знаю, кому он принадлежит… а говорил он… что-то о Сердечной Броне и металлических аватарах или типа того…

Рука Утай, лежащая на его щеке, ощутимо дрогнула.

Её выразительные глаза изумлённо открылись. Дрогнули и губы, но звука не издали. Правая рука неуверенно застучала по виртуальной клавиатуре:

«UI> Кто это был? Кто сказал это, Арита-сан?»

— Прости… я и сам изо всех сил пытаюсь вспомнить… но не могу. Я не знаю. Все, что я помню — этот голос был женским…

«UI> Ясно. Прости, забудь, что я сказала. Ты в порядке?»

Утай сменила тему подозрительно поспешно, но Харуюки не обратил на это внимания и кивнул. Утай убрала руку, а Харуюки поднялся и начал отряхиваться.

— Да, я в порядке, спасибо. Ты меня словно Инкарнацией исцелила, Синомия, — поблагодарил он её, и та подобающе засмущалась.

Порозовев и опустив голову, она принялась быстро набирать:

«UI> Хорошо, что ничего серьёзного не случилось. Не беспокойся слишком по поводу влияния Брони. Было бы удивительно, если бы Усиливающее Снаряжение с такой силой и историей не вызывало Оверфлоу. Но она не может воздействовать на тебя постоянно, если ты не надеваешь её в Ускоренном Мире. И главное, как только мы выберемся сегодня из Замка, я сразу же начну очищение.»

— Угу, точно, — ответил Харуюки после небольшой паузы.

На мгновение ему показалось неприятным, что и спасение Ардор Мейден, и их сегодняшний побег из замка преследовали одну лишь цель — его очищение.

Но разве это ощущение было уместным? Если Харуюки не сможет избавиться от Брони Бедствия, через три дня, на Конференции Семи Королей Сильвер Кроу объявят преступником и назначат награду за его голову. Ему нужно было во что бы то ни стало избежать этого.

К счастью, Утай не заметила этой паузы и продолжила молниеносно печатать:

«UI> Ну что же, тогда приступим к комитетской работе. Уверена, Хоу уже проголодался.»

Она взмахнула рукой, убирая клавиатуру, и подняла лежащую неподалёку сумку. Затем Утай, даже не оборачиваясь,

направилась к северо-западному углу школы, где находилась клетка для животных. Харуюки поспешил догнать её.

Африканская зорька по кличке «Хоу» переехала из Мацуноги в Умесато всего два дня назад.

Но, судя по виду дремавшей на ветке искусственного дерева птице, она уже успела привыкнуть к своему новому дому. На приблизившегося к клетке Харуюки Хоу не обратил никакого внимания, но стоило ему услышать звуки шагов Утай, как он резко открыл глаза и расправил крылья.

— М-да, знает ведь, кто его кормит… — пробормотал Харуюки с улыбкой и открыл дверь.

Проскользнув внутрь, он забрал испачкавшуюся бумагу и тазик с водой, передав их Утай. Та в ответ подала ему высохшую со вчерашнего дня бумагу. Затем Харуюки проверил датчики веса и температуры, убедившись, что с Хоу всё в порядке.

Харуюки вышел из клетки и направился мыть бумагу, по пути бросив взгляд на выглядывающий из сумки Утай белый холодильный контейнер.

Там была еда Хоу. Вчера он узнал, что Хоу ел мясо, но Утай сказала, что не всегда кормила его цыплятиной, свининой или говядиной. Кроме того, Утай собиралась показать ему сегодня процесс приготовления еды, правда, заметила, что ему нужно приготовиться к возможному психологическом шоку. Харуюки всё гадал, что значили её слова и, домыв бумагу, потянул к контейнеру руку…

«UI> Я думаю, тебе это блюдо не понравится, Арита-сан.»

Завидев этот текст в окне чата, он тут же остановился. Обернувшись, он увидел хитро улыбающуюся Утай, выходящую из клетки.

— А, нет, я вовсе не собирался его есть. Мне уже четырнадцать, я всякую дрянь не ем уже, — сказал он, уже забыв про баклажанный спор между ним и Тиюри вчера вечером.

Харуюки развесил бумагу сушиться, вытер руки и повернулся к Утай.

Четвероклассница на мгновение нерешительно задумалась, но затем кивнула.

«UI> Хорошо, начинаю готовить обед Хоу.»

Переставив сумку поближе к крану с водой, она достала из неё контейнер, по очереди открыла замки с каждой стороны и сняла крышку. Любопытствующий Харуюки тут же заглянул внутрь. Через две секунды у него спёрло дыхание.

Внутри лежал хладагент и ряд пятисантиметровых розовых животных… судя по всему, мышат, ещё не успевших обрасти

мехом. Естественно, они мертвы, и Харуюки судил лишь по форме. Их было четыре. Утай взяла одну тушку и положила её на крышку контейнера, которую поставила в умывальник. Второй рукой она набрала:

«UI> А на обед у него «замороженные мышата». Домашние совы едят в основном мышей и цыплят, ещё некоторых можно кормить сверчками и некоторыми личинками. Но целые мышата для них великоваты, приходится разделывать.»

Затем она вновь запустила руку в сумку и вытащила нечто ещё более удивительное.

Небольшой ножик с блестящей деревянной ручкой и чехлом. Утай сняла его, обнажив голубоватое лезвие примерно шестисантиметровой длины. Богатство отделки и наличие чехла сообщали, что этот нож был вовсе не кухонным.

«UI> Естественно, разрешение на его ношение у меня тоже есть. Правда, на улице мне его доставать нельзя — арестуют моментально.»

Этот комментарий она написала отнюдь неспроста. К 2047 году ношение любого холодного оружия, вне зависимости от длины клинка, было под запретом. При наличии рабочей необходимости соответствующее разрешение можно получить в комитете по социальной безопасности (естественно, разрешение выдавалось лишь на переноску), но Харуюки слышал, что выдавали их далеко не всем.

— Н… ничего себе, какие у тебя разрешения есть, — рефлекторно пробормотал Харуюки.

Утай слегка улыбнулась, но ничего не ответила. Вместо этого она ухватила левой рукой лежащего на крышке мышонка, а правой поднесла к нему острие ножа.

Она плавно провела ножом, разделив тушку точно пополам. Удивительно, но крышку она при этом не поцарапала вовсе. Ещё пара движений ножа и мышонок превратился в те самые ломтики мяса, которые вчера с таким аппетитом ел Хоу. Тушки, судя по всему, были предварительно выпотрошены, так что Утай оставалось лишь смыть кровь с крышки и вымыть нож.

Работая, Утай концентрировалась так сильно, что казалась практически другим человеком, и поэтому Харуюки не отвлекал её. Кроме того, вызываться помочь ему тем более не хотелось. Разделка мышей заняла у неё всего пару минут, и вскоре мыши в контейнере уже выглядели так же, как вчерашняя еда.

Закончив работу, Утай вымыла нож, затем достала хлопковый платок, вытерла лезвие и убрала нож обратно в чехол. Платок она обернула вокруг рукояти, а затем убрала инструмент в сумку. После этого она поднялась и, не глядя на Харуюки, напечатала:

«UI> Обычно их разделывают ножницами. Ими проще.»

— Тогда… почему ты используешь нож? — спросил он её.

Утай какое-то время стояла, задумчиво склонив голову. Затем она ответила:

«UI> Сама себе я говорю, что это для того, чтобы не лишать их остатков достоинства, но, возможно, мне просто нравится орудовать им в своё удовольствие. Ну, пошли кормить Хоу.»

С контейнером в одной руке и кожаной рукавицей в другой, Утай направилась к клетке. Харуюки шёл за ней и смотрел в чат на последнее сообщение. Оба объяснения казались ему странными.

Когда они дошли до клетки, зорька уже нетерпеливо махала крыльями на насесте. Стоило Утай протянуть одетую в рукавицу руку, как та тут же перелетела на неё.

Действовали они как вчера: Харуюки держал контейнер, Утай доставала ломтики мяса и скармливала их Хоу. Харуюки тем временем подумал, что мышатина оказалась довольно закономерным ответом. Во многих историях совы поедали мышей. Да и откуда у дикой совы взялась бы свинина или говядина?

Всё это время он смотрел на то, как Хоу поедает мясо, и в очередной раз дивился ощущению жизни, исходившему от него.

Да, эта птица не водилась в Японии, и здесь таких как она продавали только в качестве питомцев, но это живая птица — не сделанная из искусственных белков и не виртуальная. Она жила в этой клетке четыре на четыре метра, ела, спала и, скорее всего, о чём-то думала. О чём-то, чего Харуюки себе, наверное, и представить не мог…

Харуюки слегка прикусил губу, и Утай, заметив это, недоуменно наклонила голову. Харуюки тут же замотал головой и тихо ответил:

— А, п-прости. Ничего не случилось, я просто вспомнил, как вчера смотрел на то, как он плещется в тазике. Тогда я сказал ему: «вижу, тебе весело», а теперь мне кажется, что я перед ним извиниться должен… — тут Харуюки понял, как именно Утай может воспринять эту фразу и поспешил поправить себя, — А, э-э, я-я не пытаюсь сказать, что ты о нём плохо заботишься, Синомия. В этом он совершенно счастлив, да даже я сам был бы рад, если… а-а, нет-нет, я вовсе не это имел в виду. Э-э…

Харуюки захотелось бросить всё и убежать, но он не мог позволить себе сбежать с контейнером. Поэтому ему приходилось старательно выдавливать из себя всё новые слова:

— Э-э, то есть, Хоу ведь наверняка родился в искусственной среде и всю жизнь прожил в клетке… но он ведь птица. Его,

наверное, тянет в небеса… а, то есть, я не прошу тебя отпустить его. И не пытаюсь сказать, что он здесь несчастлив. Я просто подумал, что нехорошо определять всё за него и не задумываться о его собственных чувствах…

Тут уже сам Харуюки понял, что чем дальше он говорит, тем бессвязнее становятся его слова, поэтому он решил замолкнуть.

Но, похоже, что смысл его речей Утай все же уловила. Она кивнула и продолжила кормить Хоу с задумчивым видом. Когда последний ломтик мышатины скрылся в клюве, она напоследок погладила его голову. Довольная зорька расправила крылья и взлетела. Напоследок она сделала неспешный круг по клетке.

Его полёт казался таким прекрасным, что Харуюки следил за ним, затаив дыхание. В реальность его вернул звук нового сообщения в чате.

«UI> Я так понимаю, Арита-сан, ты говоришь об уважении.»

Последнее слово в этом сообщении было подчёркнуто, и Харуюки, заметив его, тут же закивал. Действительно, именно это чувство он и испытывал.

Неправильно считать, что люди просто «держат» Хоу и других домашних животных. Все они «живут» бок о бок с людьми. Поэтому, вместо размышлений о том, счастливы они или несчастливы, нужно просто относиться к ним с должным уважением.

Но это касается не только питомцев. Когда Утай разделывала мышей, она делала это не ножницами, а остро заточенным ножом и с предельной серьёзностью. Выходит, она проявляла должное уважение даже к мышам, к еде Хоу…

Пока Харуюки осознавал свои чувства, Хоу вернулся на насест. В окне чата плавно появился новый текст:

«UI> Я считаю, что проявлять уважение ко всему, что нас окружает, очень важно. А под уважением я понимаю противоположность пренебрежению. Кстати, уважительно надо относиться и к самому себе.»

— Э?.. Уважение к самому себе?.. — сказал Харуюки, отводя взгляд от Хоу и переводя его на девочку. — Разве… сами мы не исключение?.. Это ведь получается самовлюблённость, как там… на, нарциссизм?..

По-другому Харуюки, который не мог даже в зеркало смотреть без отвращения, не говоря уже о самоуважении, не мог сказать. Но Утай мягко улыбнулась и вскоре вновь взмахнула пальцами.

«UI> Возможно, на каком-то этапе оно действительно может перерасти в него, но мне кажется, что не уважать самого себя — значит, презирать проделанный тобой путь, прожитое тобой

время и близких тебе людей. Даже в тебе, Арита-сан, есть неугасимое «пламя», которое не затушить никакой водой и не задуть никаким ветром.»

Она вытянула правую руку, приложив её к груди Харуюки, к его сердцу.

«UI> Топливо этого пламени — твой опыт, твои воспоминания… даже твои ошибки и грехи. В конце концов, наше сознание, наши мысли есть нейронные импульсы… именно эти искры, живущие лишь мгновение, и в то же время вечность, и есть то самое пламя, составляющее саму суть жизни. Я верю, что именно уважение к другим и к самому себе даёт пламени гореть ярко и верно, даёт ему освещать путь, которым мы должны следовать.»

Весь этот сложный, длинный текст Утай уверенно набирала одной лишь левой рукой. Всё это время её глаза, полные алого пламени, смотрели точно на Харуюки. Он ощущал, как её маленькая ладонь словно наполняла его сердце энергией — возможно, тем самым пламенем, о котором она говорила.

— Моё пламя… мой путь, которым я должен следовать…

Жар тёк по его крови, собираясь у лопаток.

Естественно, в реальном мире у Харуюки нет крыльев. Более того, он низкий, толстый, и такой хилый, что умудрился упасть в обморок на физкультуре.

Но он мог двигаться вперёд. В груди его горел огонёк, освещая путь, по которому он мог идти. Но этот путь не вёл назад, это не путь бегства… он вёл вперёд. И только вперёд. Ему нужен только образ. Образ его самого, делающего шаг вперёд, в Ускоренном Мире превратился бы в десяток, в сотню шагов.

— Мой образ… моя Инкарнация, — прошептал он, затем вдохнул и произнёс уже другим, уверенным тоном, — Спасибо, Синомия. Кажется, я нашёл ответ на вопрос, что так долго мучал меня.

Утай медленно убрала руку с его груди и широко улыбнулась, обнажая блестящие, словно жемчужины, зубы.

Выйдя из клетки, они вымыли руки и отправили на сервер файл с подтверждением того, что свою работу на сегодня выполнили.

На часах было пятнадцать минут пятого. Сбор в эрзац-штабе Нега Небьюласа, роль которого играла квартира Харуюки, должен состояться в шесть, и у них ещё оставалось порядочно времени.

«Думаю, пока можно с Синомией пойти в комнату школьного совета и поболтать с семпаем. Тию и Таку всё равно ещё на секциях…» — раздумывал Харуюки. Он протянулся к оставленной

на земле школьной сумке и собирался уже поднять её…

Как Утай, вытиравшая руки о платок, вдруг остолбенела. Харуюки тут же ощутил, как кто-то подкрадывается к ним со спины.

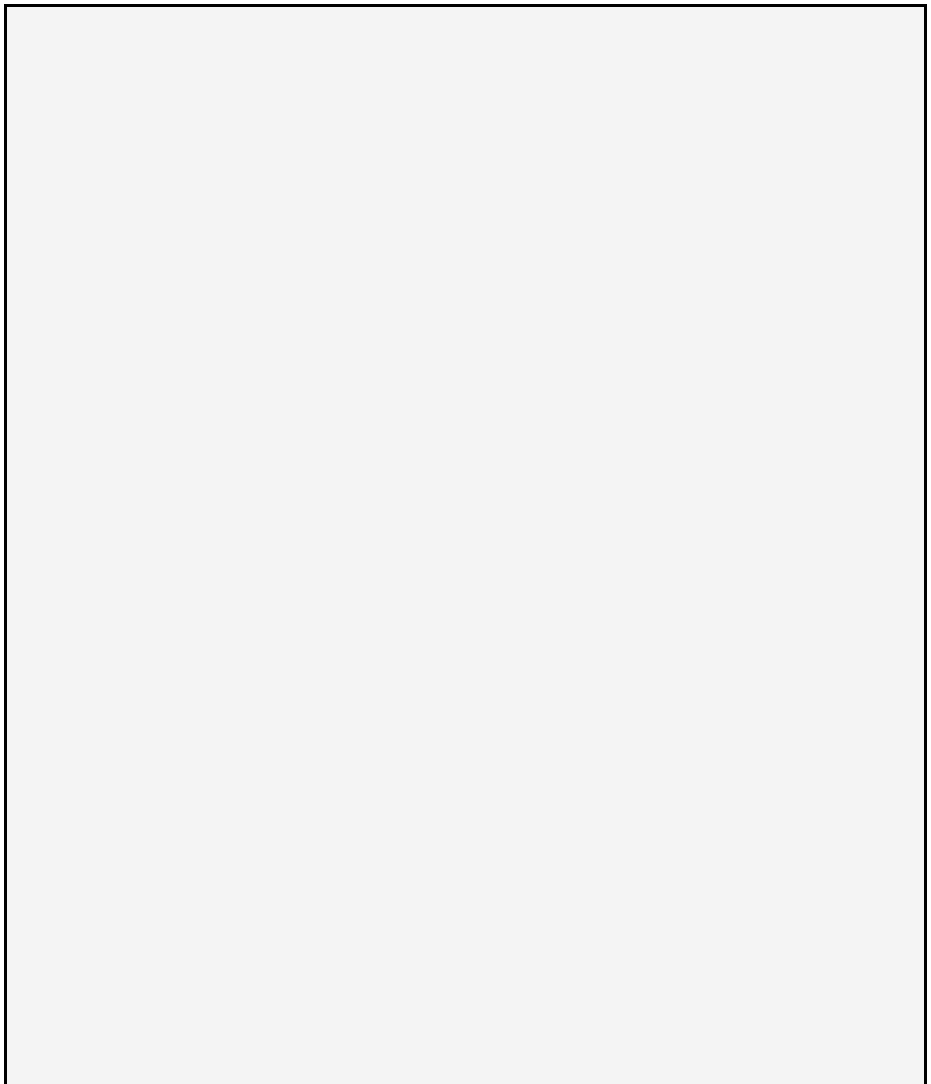
И Харуюки сразу понял, что ничем хорошим это не кончится.

Он не успел даже развернуться, как к Утай со спины протянулись две руки и моментально схватили её. Послышался обольстительный голос:

— Уиуи, по-па-а-а-а-лась!

«UI> Пркртм, мнк тжло двшат»

Вскинутые руки Утай продолжали ошалело стучать по клавиатуре, но смысла её слов было уже не разобрать. Харуюки оставалось лишь подхватить вылетевший из её рук платок.



Налётчица, успешно заставшая Утай врасплох, быстро повернула её маленькое тело, прижала к своей груди и продолжила самозабвенно говорить:

— А-ах, Уиуи, ты такая очаровашка! Может, мне тебя спрятать в карман и забрать домой?! Или повесить в машине, чтобы ты её украшала?!

Этими в высшей степени странными признаниями в любви Утай осыпала девушка, по форме которой очевидно, что она не из этих мест. Она была заметно выше Харуюки, а её выдающиеся пропорции покрывали бледно-голубая блузка и клетчатая юбка. Кроме того, на ногах она носила длинные тонкие чулки. Её длинные волосы казались очень мягкими…

Правая рука Утай, дёргавшаяся в воздухе, наконец, бессильно повисла.

Поняв, что сломила сопротивление своей цели, налётчица перевела взгляд на Харуюки и улыбнулась.

— Добрый день, Ворон-сан. Вижу, ты сегодня хорошо поработал.

— А… с-спасибо. Добрый день, учитель, — поздоровался он со своим «учителем», главным офицером Нега Небьюласа, бёрст линкером восьмого уровня Скай Рейкер, Курасаки Фуко, стараясь скрыть своё напряжение. Затем он осторожно спросил, — Э-а, а… что ты делаешь в Умесато?

— Здорово иметь хорошие связи, правда? Саттян выписала мне гостевой пропуск на сегодня.

Меры безопасности в начальных и средних школах становились строже из года в год, и в чужую школу без пропуска не могли попасть даже ровесники тех, кто учился в ней. На входе в школу проверялся нейролинкер посетителя, и если на него не был выписан пропуск, через мгновение на нарушителя налетала школьная охрана.

— Ясно… — Харуюки сначала кивнул, а затем покачал головой. — Я имел в виду не то, как ты сюда попала… мы ведь собираемся только в шесть часов, разве нет?

— Ага, выходит, мне нельзя прийти просто потому, что я соскучилась по тебе, мне обязательно нужен какой-нибудь важный повод?

Улыбка, с которой она произносила эти слова, могла вскружить голову любому мальчику в их школе, но Харуюки тут же вспомнил, насколько страшной может быть Рейкер, и его лицо вновь резко напряглось. Он в панике замотал головой:

— Ч-ч-что ты, я этого не говорил, я о-о-очень рад тебя видеть.

Ему нельзя казаться неуверенным. У Харуюки есть важный секрет, который он должен сохранить в тайне от Фуко. Она не должна узнать, что он пообещал её «ребёнку», Аш Роллеру, помощь с Инкарнацией.

Он остолбенело стоял с приклеенной к лицу улыбкой. Фуко протянула левую руку и легонько ухватила его за щёку.

— А… э?

— Ворон-сан… мне кажется, или ты что-то от меня

скрываешь?

Харуюки едва сдержался, чтобы не подпрыгнуть от удивления, и вновь замотал головой:

— Н-нет, ты что, с чего я буду скрывать что-либо от тебя, учитель?!

— Пра-авда? Знаешь, моя интуиция почти никогда не ошибается, — проворковала Фуко с улыбкой такой сладкой, что она едва не растекалась по её лицу сиропом, и продолжила нежно подёргивать Харуюки за щёку.

Но трудно забыть об опасности, в то время как её первая жертва уже бессильно утопала в её груди.

Харуюки продолжал стойко стоять, упирая руки в швы и качая головой. Фуко, наконец, отпустила его щеку, но вместо этого поднесла пальцы к уху. Начав играть с мочкой, она придвинулась ещё ближе и прошептала:

— Выходит, я просто не так понимаю происходящее?

— Э-э… происходящее?

— Конечно, это сущий пустяк, но сегодня я вышла в школу чуть пораньше и решила по пути посмотреть какую-нибудь битву. И по совершенной случайности, среди зрителей нашёлся Аш. Я решила с ним немного переговорить…

— …

— И мне показалось, что он вёл себя немного необычно. Поэтому я после боя перехватила Аша в реальности и вежливо поинтересовалась…

— …

— И, ты знаешь, кажется, Аш сказал мне, что он, не советуясь со своим «родителем», обратился к Ворону-сану, который пообещал научить его кое-чему важному. Кое-чему крайне секретному, о-о-очень важному, кое-какой вещи, название которого нельзя даже произносить где попало…

А затем Фуко отчётливо задвигала губами, не произнося ни звука.

«Си-сте-ме Ин-ка-рна-ци-и».

— …и тому, как ей пользоваться. Это так?

«Аш-ш-ш-ш Ролле-е-е-е-ер!

Какого черта ты ей всё рассказал?! И вообще, если из тебя так легко выудить информацию, что же ты не пошёл к Рейкер с самого начала?! Какого черта ты заставил меня весь день маяться в размышлениях?! И как мне теперь выпутываться из этой ситуации?!» — мысленно закричал Харуюки, но содеянного уже не вернуть. Харуюки перестал мотать головой, заставил себя кивнуть и сказал:

— А-а… э-э… п-прости меня… я… скрыл это… от тебя…

— Правда? — к его ужасу, Рейкер продолжала нежно улыбаться. Кивнув, она продолжила, — Молодец, что признался. Если бы ты продолжал упираться, то и тебе, и Ашу досталось бы по полной. Но раз так, я накажу вас только вполсилы.

— В… вполсилы?

— Именно. Как только вы успешно сбежите из Имперского Замка, я заставлю вас остаться на неограниченном поле и тренироваться. Тебе как раз пора двигаться к следующему уровню мастерства, Ворон-сан.

— С-сегодня?..

В какой-то степени он был благодарен ей за то, что она ничуть не сомневалась в том, что сегодняшняя миссия будет успешной, но слова её заставили Харуюки недоумённо оглядеться по сторонам. Но в полутёмном заднем дворе были лишь он сам, Фуко и Утай.

— Н-но как же мы встретимся там с Ашем? Если мы не погрузимся в одно и то же время, у нас не получится встретиться на неограниченном поле…

Ответ Фуко был явно готов задолго до того, как Харуюки задал этот вопрос.

— Никаких проблем — я уже заперла… то есть, попросила Аша подождать нас в моей машине. Она здесь неподалёку. Так что мы даже погрузимся вместе из твоего дома. Конечно, сам Аш войдёт на поле из парковки.

— Э… ты привезла сюда реального Аша?

Харуюки изумился так, что на мгновение забыл даже о неминуемом наказании. Это значит, что Харуюки при желании мог прямо сейчас встретиться с ним в реальности. С тем самым постапокалиптическим гонщиком, который, небось, и в реальности ходил в косухе и с ирокезом.

Но, увы (а может, и не увы), Фуко покачала головой:

— Да, но пока вам в реальности лучше не встречаться. В конце концов, он состоит в Грейт Волле, одном из Королевских Легионов.

— Ну… да, согласен, — ответил Харуюки, вздыхая.

Пусть они и «братья-студенты» Фуко, Аш служил Зелёному Королю, а значит, был врагом Черноснежки. Эту черту лучше не переступать.

Харуюки поднял голову, посмотрел в глаза Рейкер и снова кивнул. Разочарование от того, что не он будет учить Аша Инкарнации, а Фуко будет учить их обоих, уже начало уступать место энтузиазму.

— Хорошо. Я как раз открыл для себя кое-что важное. Буду только рад новому уроку, учитель!

— Отличные слова. Мне нравится твой дух.

От улыбки, появившейся на лице Рейкер, Харуюки подумал, что восторгаться пока рано. Затем Утай, всё ещё висевшая в плену Фуко, вяло подняла руки и напечатала:

«UI> Я тоже буду присутствовать на тренировке.»

Отпустив, наконец, Утай, Фуко поздоровалась с Хоу (судя по всему, эта сова сразу находила общий язык с владельцами летающих аватаров), а затем все они направились в комнату школьного совета.

Хотя после уроков в школе осталось не так много людей, прогуливаться с младшеклассницей с одной стороны и старшеклассницей с другой — довольно непросто. Харуюки то и дело ловил на себе ошарашенные взгляды. Добравшись до двери в глубине первого этажа первого корпуса, он первым делом протяжно вздохнул.

Но даже в уютной комнате напряжённость не спадала, хоть и ощущал он её по другой причине. Хотя Черноснежка и присоединилась к их группе с улыбкой, Харуюки неизбежно ощутил на себе, что значит быть непривлекательным мужчиной в женской среде. Более того, все эти девушки занимали высочайшие должности в Старом Нега Небьюласе, одном из Семи Великих Легионов старого Ускоренного Мира. Таким образом, расслабиться Харуюки не мог.

«А если подумать, то и в новом Негабью после вступления Тию и Таку на четыре девушки приходится только два парня. Если мы хотим поддерживать баланс, то надо как можно скорее найти ещё одного легионера мужского пола. Вот только найти надо кого-нибудь не слишком жуткого. Кстати, почему бы не пригласить его?.. Надо будет попробовать сегодня, раз мы всё равно увидимся…» — раздумывал Харуюки, потягивая предложенный Черноснежкой чай.

Стрелки уже успели добраться до отметки в 5 часов.

— Ох, уже так поздно? — вдруг сказала Фуко, поднимаясь с дивана, а затем быстро проговорила, — Ну, раз уж у меня в машине заперт… раз уж меня в машине ждёт Аш, я лучше пойду чуть пораньше. Припаркуюсь где-нибудь неподалёку. Ждите меня к шести дома у Ворона-сана.

— Да-а… тебя сложно назвать заботливым родителем, — насмешливо заметила Черноснежка, но Фуко уверенно ответила:

— Я сказала, чтобы он пока подуэлился и набрал очков для погружения. Вряд ли ему было скучно. Ну что ж, увидимся позже.

Помахав рукой, Фуко вышла из комнаты. Практически в это же самое время Тию и Таку закончили свои занятия и появились в

кабинете школьного совета вместо неё. По их мокрым волосам было видно, что душ они приняли в спешке и бежали сюда со всех ног. Собравшись, они выдвинулись в сторону жилого комплекса на севере улицы Коэндзи.

Вот уже третий день подряд мама Тиюри готовила им ужин. Харуюки начал чувствовать себя неловко, но он был благодарен ей, в частности за то, что в магазине по пути домой пришлось покупать только напитки. Тиюри и Такуму вызвались захватить еду и вышли на двадцать первом этаже. Харуюки, Черноснежка и Утай сразу отправились на двадцать третий.

Каждую секунду Харуюки ощущал всё большее напряжение — заветные семь часов вечера становились всё ближе.

В этот самый момент аватар Харуюки, Сильвер Кроу, находился в глубине Имперского Замка, в самом центре неограниченного нейтрального поля. Если ему не удастся сбежать оттуда, его не смогут очистить от Брони Бедствия, и он не сможет продолжать жить как бёрст линкер.

Такуму с Тиюри обещали ему, что даже если его объявят преступником, и он не сможет участвовать в дуэлях, они продолжат снабжать его очками. Харуюки ценил их чувства, но не хотел заставлять их идти на это. Он не желал становиться обузой Легиону ради того, чтобы сохранять за собой возможность «ускорения».

— Не попадайся во власть негативных образов, — услышал вдруг Харуюки шёпот, войдя в зал и бросив сумку на пол. Он резко поднял голову.

Голос принадлежал Черноснежке. Она приложила руку к его груди и поддержала ей поникшее тело Харуюки.

— Я понимаю, что важно оценивать все возможные исходы. Но в некоторые моменты нужно смотреть лишь вперёд. И сейчас — именно такой момент.

«UI＞ Саттин говорит правду. Сейчас нам остаётся лишь верить и двигаться вперёд», — напечатала высунувшаяся из-за спины Черноснежки Утай.

Харуюки понял, что больше грустить нельзя. Он выставил вперёд грудь и ответил:

— Есть!

Казалось, одного этого слова хватило, чтобы высушить пот, проступивший на его ладонях.

Как только к столу подали суши и роллы, с любовью приготовленные мамой Тиюри, и разлили чай, подошла и Фуко. Они сели за обеденный стол точно так же, как и вчера, и Харуюки осторожно поинтересовался:

— Э-э… мы действительно просто оставим Аша в машине?..

Тиюри, Такуму и Черноснежка, которым он уже успел объяснить ситуацию, улыбнулись, а Фуко с удивительно ясным лицом сказала:

— Да, ему этот вариант тоже не понравился, но не могла же я притащить его сюда.

— Может, мы с ним хоть едой поделимся, сестрица? — с улыбкой на лице предложила Тиюри, после чего сразу же направилась на кухню, вернулась с пластиковым контейнером и принялась упаковывать в него роллы.

Харуюки невольно представил себе сурового гонщика, поедающего роллы с огурцами, и лицо его тоже начало расплываться в улыбке, но тут Черноснежка неожиданно произнесла:

— Так что, Фуко? Когда ты собираешься пригласить его к нам?

— Э… э, э-э?!

Этот изумлённый возглас издал, конечно же, Харуюки. Но кроме него никто не удивился. Такуму даже утвердительно кивнул, словно намекая, что сейчас у них как раз был отличный повод.

Глаза Фуко на мгновение широко раскрылись, но затем она вновь приняла серьёзный вид и немного наклонила голову.

— Да, я тоже не раз об этом думала, но… он на удивление высоко ценит понятия долга и верности… поэтому я не уверена, что ему понравится идея бросить Грево. Кроме того, всегда есть опасность того, что Зелёный Король Грин Гранде выступит против его ухода и казнит Аша Ударом Возмездия.

— Хм-м… даже я, если честно, слабо представляю себе, что творится в голове Гранде. Я более-менее знаю характеры остальных Королей, но этот щитоносец… — произнесла Черноснежка со сложным выражением лица и сложила руки на груди.

На прошлой неделе, во время Конференции Семи Королей, Харуюки смог увидеть Зелёного Короля вживую и с близкого расстояния, но всё, что он усвоил из этой встречи — то, что тот выглядел «непробиваемым». Зелёный Король не произнёс за время всей Конференции ни единого слова. Всё его участие свелось к тому, что он лишь поддержал кивком окончательное голосование, постановившее дать Сильвер Кроу недельную отсрочку до приговора.

«Прямо удивительно, как он заправляет Легионом, в котором свыше сотни бёрст линкеров», — мысленно протянул Харуюки, а затем вспомнил, что разговор шёл не об этом.

Что будет, если Аш Роллер вступит в Нега Небьюлас? Харуюки никогда не задумывался об этом всерьёз, но сам он был не против такой идеи. Да, он был вечным соперником Харуюки с самого первого дня, и они сражались друг с другом несметное число раз, но в то же время именно он в своё время спас Харуюки, отругав его за уныние после того, как тот лишился крыльев, а затем привёл к своему родителю, Скай Рейкер. Интересно, почему он вдруг проявлял принципиальность именно в этом вопросе? Неужели что-то в его поведении говорило о верности?..

И тут Харуюки озарило, и он резко поднял голову.

— А, а-а, семпай, учитель… мне кажется, Аш в ближайшее время не будет менять Легионы…

— И на каком основании ты это утверждаешь?

— Это из-за «братана» Аша, Буш Утана…

Прервавшись, Харуюки предложил всё-таки приступить к еде, поскольку он предполагал, что этот рассказ займёт немало времени.

Фуко направилась к подземной парковке под домом, где стояла её машина (вернее, машина её матери), и отнесла туда отложенные Тиюри роллы, после чего вернулась, и все они пожелали друг другу приятного аппетита.

Лучше всего у мамы Тиюри получалась итальянская кухня — паста и лазанья — но и в её японских блюдах чувствовалась рука мастера. А с учётом того, что шанс поесть суши выпадал Харуюки очень редко, рот свой он набивал до предела. Друзья его тоже ловко орудовали палочками, и уже скоро на столе осталась лишь половина еды. Тут Харуюки решил продолжить начатый рассказ:

— Ак воф, о фем эо я… а, ва, пво Уш Уфана… — попытался он заговорить, пережёвывая очередной ролл.

Такуму рассмеялся и перебил его.

— Пожалуй, расскажу лучше я. В конце концов, я к этому делу имею почти непосредственное отношение…

Харуюки изумлённо раскрыл глаза и отчаянно попытался проглотить еду, но Такуму уже успел начать свой рассказ, и ему пришлось молча выслушать его. Такуму в очередной раз оправдал звание мозга их Легиона, объяснив всё предельно внятно, но Харуюки никак не мог подавить беспокойство. Ведь Такуму рассказывал Черноснежке и остальным обо всём, что с ним случилось.

О том, что позавчера он услышал от Харуюки об ISS комплектах и отправился на их поиски в одиночку. О том, что в Сетагае он встретился с линкером по имени Мажента Сизза и получил от неё запечатанный комплект.

Затем о том, что вчера в Синдзюку на него напал Легион ПК

«Супернова Ремнант», но Такуму, оказавшись на неограниченном нейтральном поле, воспользовался силой ISS комплекта, чтобы отбить атаку и истребить их. Затем о кабельной дуэли между ним и Харуюки. И, наконец, о странном «сне», который они видели сегодня утром.

Черноснежка, Фуко и Утай знали об этих событиях лишь по письму Харуюки, в котором тот описал их лишь в общих чертах. Харуюки не упомянул ни того, для чего Такуму понадобилась эта сила, ни того, как он смог обуздать её — Харуюки просто не знал, как передать это в тексте. Он знал, что однажды им придётся обо всём рассказать, и, пожалуй, лучшим временем для этого рассказа было именно это собрание, а лучшим рассказчиком — именно Такуму, но Харуюки всё равно беспокоился. Он боялся, что Черноснежка накажет Такуму за то, что тот решил воспользоваться ISS комплектом.

Но…

— Ясно… ты молодец, Такуму, — нежно улыбнувшись, произнесла первым делом командир Легиона, едва закончив слушать его.

Похожие улыбки появились и на лицах Фуко и Утай, и обе они кивнули.

— Ого… а я боялась, что Снежка так рассердится, что распополамит ударом руки стол, и уже приготовилась спасать еду… — с совершенно искренним лицом отозвалась Тиюри, действительно начавшая тянуть к столу руки.

Черноснежка широко улыбнулась и ответила:

— Хоть я и ваш командир, я не могу полностью контролировать своих подчинённых, и не собираюсь это делать. Каждый бёрст линкер день ото дня сражается с чем-то, о чём знает лишь он сам. И в реальном мире, и в Ускоренном. Пусть у него есть командир и родитель, они могут лишь верить в него и воодушевлять. Если честно, когда вы действуете по вашей собственной инициативе — это ещё ничего по сравнению с тем, как вели себя Элементы Первого Нега Небьюласа.

На последних словах Черноснежки Фуко и Утай сделали вид, что они здесь ни при чём, и тут же набили свои щёки роллами.

При виде этой умиротворяющей сцены Такуму несколько раз моргнул, а затем низко свесил голову. Когда он вновь поднял её, на лице его остался лишь привычный умный вид.

— Благодаря Хару и Ти я смог освободиться от власти ISS комплекта. Кроме того, нам удалось сильно повредить тело комплекта, прячущееся внутри центрального сервера Брейн Бёрста. Это должно ослабить комплекты, паразитирующие на Буш Утане и Олив Грабе, но они наверняка ещё целы…

На этом месте Харуюки вспомнил, что именно хотел сказать, и перехватил речь:

— Д-да, именно так. Аш ощущает огромную вину за то, что Буш Утана захватил ISS комплект. Я уверен, что ни о каком согласии на наши приглашения не может быть и речи, пока Утан не освободится от власти комплекта. Более того, когда Аш попросил меня научить его Инкарнации, он сделал это не потому, что хотел стать сильнее. Она нужна ему только ради того, чтобы лично уничтожить ISS комплект Утана. Это всё, чего он хочет…

— Ворон-сан… ты и правда прекрасно его понимаешь, — произнесла вдруг Фуко, когда Харуюки уже потянулся за чаем.

Естественно, он чуть не подавился.

— Кха… э, с-серьёзно?.. Если честно, я понятия не имею о том, что он за человек в реальной жизни…

— Да ладно, небось, точно такой же. По утрам рассекает на электроскутере с громогласным смехом, — высказала своё мнение Тиюри, и Такуму поддержал его кивком.

Но Фуко в ответ лишь тихонько усмехнулась, а затем хлопнула в ладоши:

— Ладно, вопрос о смене Легиона оставим на потом. В любом случае, раз он собирается освоить Систему Инкарнации ради своего друга, то я не буду его останавливать. Во-первых, мне кажется, это достойное применение этой силе, а во-вторых, не зря же я так долго убеждала Саттян разрешить мне взять его с собой…

Побег из Имперского Замка должен тут же перейти в обучение. Харуюки вновь вздрогнул, вспоминая слова Фуко. Сидевшая справа от него Утай доела тыквенный ролл и постучала пальцами по столу.

«UI> Сегодня будет насыщенный день. 1: побег из Замка, 2: очищение от Брони, 3: тренировка Инкарнации. Поскольку каждое погружение на неограниченное нейтральное поле требует 10 очков, лучше действительно сделать всё за раз.»

— Хе-хе, вот уж действительно. Может, как со всем закончим, пойдём ещё на Энеми поохотимся?

— А, раз уж на то пошло, я хочу сходить в одно из Четырёх Великих Подземелий! — беззаботно предложила Тиюри.

Ветераны в ответ тут же смолкли и неспешно покачали головами. Утай с трудом смогла напечатать:

«UI> На то, чтобы дойти до конца таким составом, у нас уйдёт полгода, не меньше.»

Новички разинули рты. Часы на стене показывали 6 часов 45 минут.

К тому времени, как они дружно помыли посуду, сходили по очереди в туалет и разместились на диванах в западной части зала, было уже почти семь часов.

Обведя всех взглядом, Черноснежка начала финальный брифинг. Впрочем, в отличие от прошлого раза, какой-либо «тактики» у них, по сути, и нет. Черноснежка, Фуко, Тиюри и Такуму погружались на неограниченное нейтральное поле и перемещались из Сугинами в Тиёду, ко входу в Имперский Замок. Там они начинали ждать Харуюки и Утай. Те погружались на поле в то же самое место, откуда их отключило в прошлый раз — в «святилище» под Имперским Замком. Там они должны воссоединиться с таинственным аватаром по имени Трилид Тетраоксид, прорваться к южным вратам и пробиться сквозь них. Оказавшись снаружи, они должны с помощью Черноснежки и её команды увернуться от атак Судзаку и пересечь мост…

Как они уже знали, действия Судзаку предугадать невозможно, и они будут вынуждены действовать по обстоятельствам. Но, в отличие от прошлого раза, когда Харуюки должен был ухватить Ардор Мейден с земли, в этот раз перед ним стояла лишь одна задача — лететь вперёд. В конце концов, мост имел длину всего лишь в пятьсот метров. Возможно, им вообще удастся улететь ещё до того, как почуявший противников Судзаку появится на мосту. Это было бы идеально…

Мысленно помолившись и сжав кулаки, Харуюки посмотрел на Фуко, сидящую напротив него.

— Кстати, а что там с Ашем? Если вы хотите встретиться с ним перед домом, вам нужно погрузиться синхронизированно.

— Не переживай, я приказала ему погрузиться за секунду до наступления 7 часов вечера, — тут же ответила она на его вопрос.

Действительно, план весьма разумен — в этом случае Фуко и остальным не придётся ждать появления Аш Роллера. Ждать придётся Ашу. Секунда в реальном мире превратится в тысячу секунд в Ускоренном, а значит, он должен будет прождать перед входом в дом 16 минут 40 секунд. Слова Аш Роллера о том, что его учитель была «терабезжалостная», тут приходились как нельзя кстати. Следующий вопрос задала Тиюри, которую ответ Фуко немного встревожил.

— Сестрица, но… разве это безопасно? Да, шестнадцать минут это не так много, но он будет на неограниченном поле совершенно один…

Слова Тиюри, проявлявшей доброту и заботу даже по отношению к Ашу, их противнику, заставили Фуко улыбнуться, но слова её остались такими же безжалостными и холодными:

— Уверена, что о времени погружения он никому не

расскажет. А даже если ему не повезёт, и его будет ждать сильный Энеми или неприятный бёрст линкер, мы успеем добраться дотуда ещё до того, как истечёт часовой таймер смерти, и отомстим за него.

— Это точно. Ух, и отомщу я! — поддержала её Тиюри, заставив Харуюки и Такуму заметно вздрогнуть.

До 7 часов оставалась одна минута.

Их нейролинкеры уже были соединены между собой кабелями, а из нейролинкера Харуюки шёл ещё один кабель, связанный с сервером его квартиры. Ему оставалось лишь нажать на кнопку перед собой, и все их нейролинкеры оказались подключены к глобальной сети.

Черноснежка, которая сидела слева, посмотрела в глаза Харуюки и нежно, но твёрдо прошептала:

— Я буду ждать тебя, Харуюки, сколько бы часов и дней у вас ни ушло. Мы будем готовы к вашему появлению из ворот Замка в любую секунду.

— Х… хорошо! — Харуюки поначалу кивнул, но затем, опомнившись, замотал головой, — Н-нет, не надо нас столько ждать! На побег у нас уйдёт от силы пять часов… нет, пожалуй, даже три!

«UI> Мы постараемся выйти за два часа. В конце концов, у нас есть и другие дела.» — написала в ответ Утай, заставив улыбнуться весь Легион. Черноснежка кивнула, выпрямила спину и провозгласила:

— Итак, начинаю обратный отсчёт! Десять секунд до ускорения! Восемь, семь, шесть…

К счёту подключились и все остальные.

«Пять, четыре, три, два, один…

Анлимитед бёрст!»

Глава 9

Харуюки зажмурился, ощущая, как процесс ускорения увеличивает скорость мыслей и отрезает его чувства от реального мира.

На мгновение его тело словно повисло в воздухе. Затем под ногами он ощутил твёрдую поверхность и вновь открыл глаза.

Перед собой он увидел уже не привычный зал своего дома. На полу какой-то сложный узор образовывали тусклые металлические плиты тёмно-синего цвета. Стены были оформлены выпирающими рядами тонких клинков. Потолок состоял из балок и напоминал решётку. Освещали комнату таинственные фиолетовые свечи на стенах, но в самой комнате царил полумрак. Ощущение того, что они находились глубоко под землёй, подкреплялось и тем, что они действительно очутились в подземелье.

Они находились в самой глубине Имперского Замка, что находился в центре неограниченного нейтрального поля. За этой комнатой находилось место, которое, по словам одного их знакомого, называлось «Храмом Восьми Богов». Но внешний вид комнаты отличался от того, что они видели раньше — на поле произошёл «Переход», и на смену уровню «Эпоха Хейан» уже успел прийти другой.

— Мы в «Городе Демонов», — послышался очаровательный голос возле Харуюки, и тот повернул голову.

Около него стоял, сложив руки перед собой, маленький дуэльный аватар в бело-красной броне, напоминающей своим видом одеяния жрицы. Один из Элементов Первого Нега Небьюласа, пылающая жрица Ардор Мейден. Управляла им, естественно, Синомия Утай.

В ответ на её голос, который Харуюки мог слышать только в Ускоренном Мире, он ответил:

— Это даже хорошо — тут не так много существ и ловушек. Да, ландшафт здесь очень крепкий, но это неважно — Замок всё равно невозможно разрушить…

Параллельно с этими словами Харуюки бросил взгляд в верхний левый угол. Выход из поля восстановил его здоровье, но сбросил энергию до нуля.

На всякий случай он огляделся по сторонам, но, кроме них с Утай, других членов Легиона рядом не было. В отличие от них, Черноснежка и остальные ушли через портал, а значит, сейчас появились в Сугинами, в десяти километрах к западу отсюда. Они уже должны были встретиться с Аш Роллером и выдвинуться в их

сторону. Выходит, здесь находились лишь Утай, Харуюки…

И ещё кое-кто. Здесь должен быть ещё один человек.

— А… так, а где…

— Вон он уже, — отозвалась Утай.

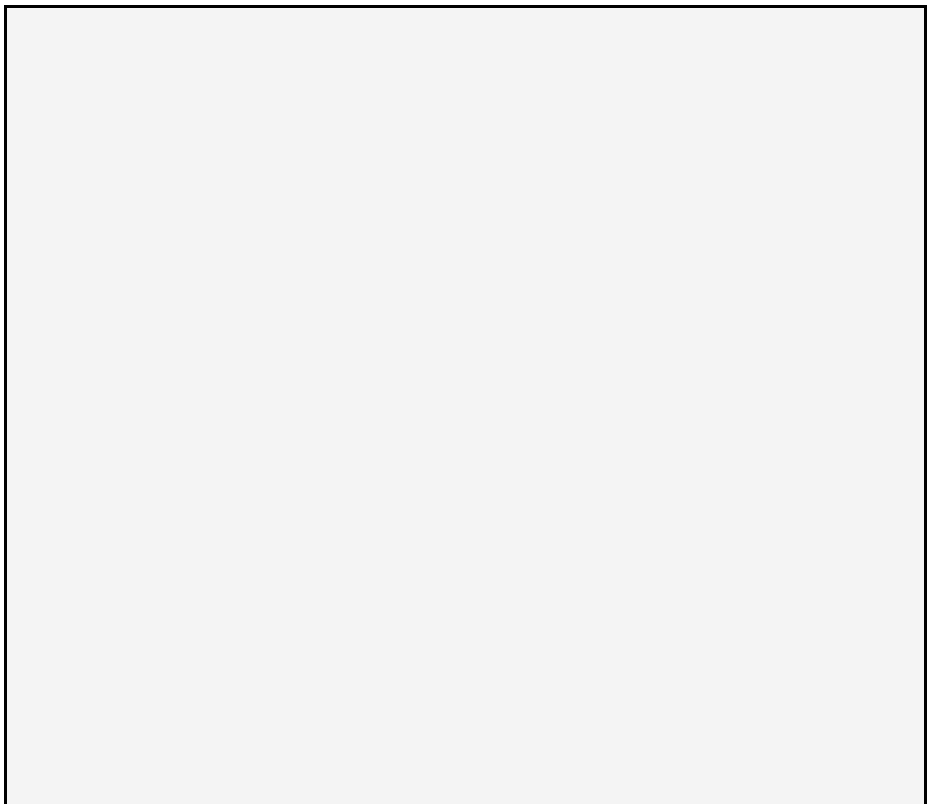
Харуюки вновь начал оглядываться.

— Я вас уже жду, Кроу-сан, Мейден-сан, — послышался свежий, словно летний бриз, голос мальчика со стороны одной из стен.

Харуюки вгляделся, и в слабом свете свечей действительно проступил силуэт.

Этот аватар по стилю весьма похож на Ардор Мейден. Аккуратно собранные волосы, лаконичная маска. Отчётливый нагрудник в японском стиле. Прикрывающая ноги широкая мужская юбка. Вся его броня имела чистый лазурный цвет. Аватар неподвижно сидел на полу.

Перед весьма небольшим телом аватара лежал длинный серебристый объект — прямой меч в ножнах. Его нельзя назвать большим, но он таил в себе такую мощь, что словно искажал пространство вокруг себя. Это один из Семи Артефактов, одно из сильнейших Усиливающих Снаряжений Ускоренного Мира. «Бесконечность». Пятая звезда.



Аватар, всем своим видом напоминающий юного самурая, обвёл глазами небесного цвета Харуюки и Утай, после чего почтительно поклонился. Затем он взял с пола меч и неспешно поднялся на ноги.

Пока он приближался к ним, Утай сделала изящный реверанс, а Харуюки, заметив это, спешно кивнул и сам. Эта

сцена выбила из него заготовленные слова.

— А… э-э, давно не виделись?.. Хотя, нет. Добрый вечер, Лид. П-прости, что вынудили ждать, — неловко начал он.

Аватар-самурай мягко улыбнулся и медленно покачал головой.

— Не беспокойтесь, я здесь всего две секунды реального времени.

…Сказал он, но две секунды реального времени превращались в больше чем полчаса в Ускоренном Мире. Если бы Харуюки попытался столько времени просидеть на одном месте, у него точно бы затекли ноги.

Но важнее было другое. Сейчас, в эпоху повсеместного распространения нейролинкеров, понятие «праздного ожидания кого-либо» практически вымерло. Если необходимо встретиться с кем-то, то нейролинкер мог с точностью до минуты рассчитать, во сколько нужно выйти из дома и как именно добираться до места встречи. Более того, всё это время можно отслеживать и перемещения того человека, с которым намечалась встреча. Если захочется сходить поесть — нейролинкер тут же покажет, в каких кафе свободно, чтобы не приходилось стоять в очередях. Даже вызов такси осуществлялся одной кнопкой в навигационном приложении. Конечно, непредвиденные ситуации все равно возникали, и порой приходилось какое-то время ждать, но нейролинкер обеспечивал множество способов скрашивать такое ожидание.

И именно поэтому Харуюки было крайне неловко оттого, что этот человек прождал ради них полчаса в месте, где ему нечем было заняться. Он опять поклонился, но в ответ самурай вновь отклонил извинения Харуюки. Казалось, будто он привык долгое время сидеть на одном месте без использования дополненной реальности и фулл дайва.

— Прошу вас, не берите в голову. Это ожидание было таким волнительным, что я не прочь бы ждать вас здесь целый день.

— Я-ясно… э-э, у нас… трудная ситуация, но и я с нетерпением ждал следующей встречи с тобой, Лид.

Харуюки редко приходилось произносить такие слова. Лазурный аватар смущённо улыбнулся.

Они называли его «Лид», но это лишь сокращение. Его полное имя — «Трилид Тетраоксид». Такуму сказал, это имя соответствует химической формуле Pb_3O_4. Тем не менее, этот аватар так представился, и Харуюки никак не мог проверить, действительно ли это имя настоящее.

Интерфейс на неограниченном нейтральном поле сводился лишь к статусу собственного персонажа. Харуюки знал лишь один

способ выяснить имя аватара на нём — попытаться пригласить его в свой Легион. Но, во-первых, Харуюки не собирался неожиданно приглашать Лида, а во-вторых, его не особо интересовало то, представился ли «Трилид» настоящим именем. Он считал, что если тот скрыл своё истинное имя, то у него есть на это веские причины.

Вообще говоря, если бы они не доверяли Лиду, то ни о какой операции по побегу из Имперского Замка не могло быть и речи. Без его помощи Харуюки и Утай ни за что не смогли бы выбраться из дворца…

Поэтому Харуюки решил во всём доверять Лиду, и Утай, судя по всему, решила также. Похожий на жрицу миниатюрный аватар поклонился и куда более уверенным, по сравнению с Харуюки, голосом произнёс:

— Я тоже очень рада вновь увидеться с вами, Лид-сан. Я понимаю, что мы очень многого просим от вас… но наши друзья по Легиону ждут нас у стен замка. Прошу прощения за эгоистичную просьбу, но нам бы хотелось поскорее выслушать ваше мнение о том, как мы можем покинуть это место.

Харуюки о многом хотел спросить Лида: о том, как он оказался внутри Замка, о том, почему он не покинул его, активировав одноразовый портал в верхней комнате, о том, что означали его слова о том, что он «никогда не участвовал в обычных дуэлях», и о многом другом — но, действительно, сейчас было не время для легкомысленных бесед. Черноснежка и прочие наверняка всё ещё бежали к Замку, но Харуюки не хотел заставлять их ждать.

Кроме того, поговорить они могут и по пути. Харуюки кивнул. Лид в ответ выпрямился и более напряжённым голосом ответил:

— Что вы, какой ещё эгоизм? Вы безоговорочно доверяли мне с самого начала. Разве могу я не отплатить за ваше доверие?.. Я с радостью помогу вам сбежать отсюда.

Аватар-самурай ненадолго умолк, повесил покоящийся в ножнах меч на пояс и выставил освободившуюся руку перед собой.

— На данный момент существуют два способа действительно покинуть замок. Правда, один из них практически неосуществим.

С этими словами он указал свободной рукой в глубь комнаты.

Там стоял забор… вернее, баррикада, составленная из бесчисленных скрещённых клинков. За забором находился гигантский зал, погружённый в синий полумрак. В глубине этого зала, по размерам в несколько раз (или десятков раз) превышавшего спортивный корпус школы Умесато, мерцал

маленький двухцветный огонёк.

Синий пульсирующий огонёк, похожий на водную гладь, означал портал — дорогу в реальный мир. А перед ним мерцал тихий золотистый цвет. По словам Трилида, именно это и есть последний Артефакт Ускоренного Мира, седьмая звезда Эта, «Алькаид», он же «Мерцающий Свет».

Как и позавчера, Харуюки, словно зачарованный, сделал несколько шагов к свету и внимательно вгляделся в него. Свет был так далеко, что Харуюки не видел даже пьедестала, на котором тот должен покоиться. И всё же Харуюки ощущал что-то, когда смотрел на него.

Но это не алчность, требующая захватить редчайший предмет.

Это не инстинкт, желающий мощи этого снаряжения.

По какой-то причине, этот свет, который должен быть лишь Артефактом, лишь Усиливающим Снаряжением, не казался Харуюки просто предметом. И, словно в доказательство этого, сегодня утром во «сне» он вместе с Тиюри и Такуму попал в место ещё более неприступное, чем Замок — на «центральный сервер Брейн Бёрста». И он увидел его там. Данные Мерцающего Света были самой ослепительно яркой, самой центральной звездой галактики. Он казался самым центром, абсолютным ядром Ускоренного Мира…

— Последний Артефакт, «Алькаид»… — вдруг услышал Харуюки слева от себя голос Лида и вернулся из своих мыслей. Лид, тем временем, продолжил, — Если вы заполучите его и воспользуетесь порталом, то сможете покинуть Замок. Но это крайне трудно. Дело в том, что когда вы зайдёте за этот забор… который позавчера был Сименавой, из глубины пространства начнут появляться невероятно сильные Энеми.

— «Начнут»… выходит, их там много? — спросила Утай по правую руку от Харуюки.

Лид кратко кивнул.

— Да. Вначале их будет двое… затем, либо по мере продвижения, либо по времени, выйдет следующая пара. Я доходил до шести, но вряд ли это были последние. Мне кажется, там должно быть как минимум ещё двое, поэтому я называю их Восемью Богами.

— Восемь Богов… — напряжённо прошептал Харуюки.

Они не могли справиться даже с одним из Четырёх Богов, Энеми Ультра класса, охранявших вход в Имперский Замок. А тут их вдвое больше.

— …Такими темпами окажется, что этот портал ведёт в следующую комнату, где будут уже какие-нибудь Шестнадцать

Богов… — шутливо сказал Харуюки. Но слова его заставили Лида крепко задуматься, и Харуюки тут же поспешил замотать головой. — А, п-прости, забудь, что я сказал. Э-э, короче говоря, победить Восемь Богов у нас не получится, а добежать до портала, уворачиваясь от их атак, тупо невозможно, так?

— Да, Кроу-сан, именно тупо. Кроме того, скорее всего, «Алькаид» и вовсе тупо нельзя забрать, пока живы Энеми.

— …Слово «тупо» тоже забудь, — добавил Харуюки, поняв, что опорочил словарный запас Лида. Затем он добавил, — Ну ладно, действительно, выйти через этот портал практически невозможно. Значит, будем использовать второй метод… впрочем, мы догадывались, что к этому всё и придёт. Короче говоря… нам нужно вновь вернуться к южным вратам и выйти сквозь них, правильно?

Лид повернулся к Харуюки и улыбнулся.

— Именно так. Если вы желаете, Кроу-сан, можно пройти и через северные, и через западные.

— Н-нет, нам, пожалуйста, южные! Друзья нас ждут именно там… — ответил Харуюки, а затем заметил кое-что странное в последней фразе Лида. — А почему не восточные?

— Восточные врата рекомендовать не стану… их страж, Сэйрю, обладает одной очень неприятной способностью…

— Э? Что он делает?

— Вытягивает уровни.

— На восток не пойдём, — моментально ответил Харуюки, а затем добавил, — И на север, и на запад. Лучше, всё-таки, на юг.

— Вас понял, Кроу-сан, — сказал Лид и послушно кивнул.

Вдруг справа от них послышался смешок Утай.

— Вы даже дышите в такт друг другу. У меня ни слова не вышло вставить.

— Э… правда?

— Вы прямо протагонист и девтерагонист[6], — добавила она, запутав Харуюки незнакомыми словами. Затем она вновь приняла серьёзный вид, повернулась к Лиду и уважительно кивнула, — Премного благодарю вас, Лид-сан, я глубоко ценю вашу помощь.

— Я сделаю ради вас всё возможное. Что же, давайте для начала поднимемся наверх.

Лид отошёл от баррикады клинков и начал подниматься по лестнице на другом конце комнаты. Утай проследовала за ним.

Пройдя вслед за ними несколько шагов, Харуюки в последний раз оглянулся и окинул взглядом Храм Восьми Богов. Затем он сфокусировал взгляд на мерцающий в полумраке золотой огонёк и мысленно пообещал:

«Однажды я вернусь сюда. Я буду сильнее и смогу проделать

весь путь честно. Поэтому… до встречи.»

Он выбирал слова так, словно разговаривал не с куском экипировки, а с человеком. Но Харуюки казалось, что Седьмой Артефакт обладал волей. А затем ему показалось, что тот на мгновение вспыхнул, словно в ответ…

Позавчера лестница была сделана из мощных досок. Сегодня дерево сменили камень и сталь, а сама лестница стала винтовой.

Когда Харуюки окончательно сбился со счета витков, лестница всё же кончилась.

Зал, в который они вышли, в очередной раз демонстрировал, почему этот уровень прозвали «Городом Демонов» — выглядел он зловещим и внушительным. Стены украшали бесчисленные выступы, похожие на копья. С потолка свисали такие же острые люстры — казалось, они вот-вот готовы упасть на голову незадачливому исследователю. Не изменилось лишь одно — в центре комнаты стояли всё те же два прямоугольных объекта. Чёрные пьедесталы, на которых когда-то покоились пятый и шестой Артефакты…

— А, кстати… в конце концов… — вдруг начал Харуюки, продолжая шагать вперёд, но тут же одёрнул себя.

Шагавший перед ним Лид обернулся и недоумённо посмотрел на Харуюки, но тот лишь извинился и сказал, что ошибся.

Он собирался сказать, что «в конце концов, второй из находившихся на этом пьедестале Артефактов нашёлся у меня».

Пятый Артефакт, «Бесконечность», сверкал на поясе аватара-самурая, идущего спереди. Шестой же, «Судьба», спал беспокойным сном внутри самого Харуюки, Сильвер Кроу. Но эта броня уже потеряла свой зеркально-серебристый цвет. Теперь она стала хромированной. «Судьба» превратилась в силу чистого зла, обретя новую форму под названием «Бедствие».

Харуюки до сих пор не мог вспомнить всего, что он видел в том сне… он помнил то, что давным-давно, на заре Ускоренного Мира, один бёрст линкер смог успешно проникнуть на территорию Имперского Замка и забрать один из Артефактов — Судьбу. Но он не использовал её самостоятельно, он передал его своему партнёру, той самой девушке в броне шафранового цвета, которая несколько раз появлялась перед Харуюки.

А затем… случилось что-то. Нечто невыносимое страшное и трагичное. Как бы Харуюки не пытался, он не мог вспомнить подробностей. Из мутных воспоминаний всплывали лишь обрывочные образы.

Гигантский, ужасный Энеми…

Бёрст линкеры, смотрящие вниз с границы огромной ямы…

Несколько человек среди них держались группой и перешёптывались между собой о чём-то непонятном. В памяти всплывали слова «Основной Визуализатор», «Явление Оверрайда»… и «Сердечная Броня». Как только ему удавалось вспомнить звучание этих слов, воспоминания прерывались, словно лопнувший пузырь. И, скорее всего, если бы он изо всех сил попытался вспомнить случившееся, вновь повторился бы тот самый «Оверфлоу», и его аватар обуяла бы немыслимая боль и негативные эмоции. И меньше всего Харуюки сейчас нужно было лишаться контроля над своим аватаром.

Но факт в том, что события в этих воспоминаниях заставили Судьбу принять форму Бедствия… а возможно, Артефакт сменил саму свою сущность.

И поэтому, то Усиливающее Снаряжение, что было у Харуюки, уже нельзя назвать одним из Семи Артефактов. Лид ничего не знал об этих событиях, и у Харуюки не хватало ни времени, ни знаний, чтобы объяснить ему происходящее.

«Прости меня, Лид», — мысленно извинился Харуюки перед синим аватаром-самураем, с которым успел удивительным образом сблизиться. — «Однажды я обязательно расскажу тебе обо всём. Не только о Броне, но и о том, почему я стал бёрст линкером, во имя чего сражаюсь и к чему стремлюсь… всё без остатка. Прошу, дождись этого дня…»

На этом Харуюки силой прервал свои мысли и пробежал несколько шагов, поравнявшись с Лидом и Утай.

Они прошли между пьедесталов и направились к югу зала. Заглянув вглубь зловеще оформленного выхода, Харуюки вдруг воскликнул:

— Что за… Замок изменился?..

Харуюки помнил, что позавчера они прошли в эту комнату из коридора, ведущего с запада на восток. Но теперь от южного выхода дорога шла прямо на юг. Более того, в конце неё виднелась лестница вверх.

На вопрос Харуюки вместо Лида ответила Утай:

— Поскольку произошёл Переход, и уровень сменился с «Эпохи Хейан» на «Город Демонов», оформление лабиринта поменялось. Видимо, вместе с этим изменилась и его планировка.

— Гх… выходит, мои «воспоминания» нам уже никак не помогут?..

Позавчера Харуюки и Утай смогли обойти всех патрулирующих лабиринт Энеми и добраться до этого зала потому, что Харуюки смутно помнил то, как по дворцу шёл таинственный аватар из его сна. Но если Переход менял и

интерьер замка, то эта память будет бесполезна.

Но, к счастью, Лид уверенно кивнул и успокоил их:

— Не переживайте, я знаю дорогу.

— Э-э… ты хочешь сказать, что знаешь наизусть карту Замка на каждом из более сотни уровней?.. — ошеломлённо спросил Харуюки, и аватар-самурай смущённо кивнул.

— Правда, помню я только дорогу к выходу из дворца.

— Этого хватит. Слава богу… я-то думал, придётся всё подземелье исследовать в поисках выхода… нет, не то чтобы я был против… подземелья мне даже нравятся…

Харуюки слегка успокоился. Лид сдержанно улыбнулся, а затем вновь принял серьёзный вид и сказал:

— Однако, по моему собственному опыту, уровень «Город Демонов» несколько сложнее «Эпохи Хейан». Патрулирующие дворец Энеми сами по себе здесь не так сильны, но их много, и перемещаться незаметно весьма сложно…

Слова Лида немного озадачили Харуюки — хотя самурай не знал даже названия Легиона «Нега Небьюлас», он, судя по всему, ориентировался в именах уровней. Но Харуюки решил не задумываться об этом и пробормотал:

— Ясно. Короче, мобы агрятся легко, и стелсить будет трудно…

Эта фраза изумила не только Лида, но и Утай. Судя по всему, они с жаргоном сетевых игр незнакомы. Харуюки мысленно усмехнулся, представив, как выглядели бы их разговоры с Пард, а затем постарался объяснить более понятными терминами:

— Ну, то есть, передвигаться придётся осторожнее по сравнению с Эпохой Хейан. Но ладно, как-нибудь справимся. Перемещаться скрытно у меня неплохо получается.

— Это обнадёживает, — Лид, судя по всему, принял полушутливые слова Харуюки всерьёз и кивнул. Но тут же добавил, — Однако есть одно место, где мы никак не сможем избежать внимания Энеми. Поэтому нам придётся один раз вступить в бой. Я прошу вас морально к этому подготовиться.

— П-правда? Ладно, хорошо. Ничего, м-мы справимся. Если Энеми тут слабее, чем на Эпохе Хейан, то, думаю, как-нибудь прорвёмся. Да, прорвёмся. Однозначно.

Харуюки постучал себя в грудь, одновременно с этим обливаясь мысленным потом. Стараясь показаться храбрым, он сделал несколько шагов вперёд, а затем обернулся и спросил Лида:

— А, и… на всякий случай я всё же спрошу. Когда примерно будет эта битва?..

Лид смог ответить на этот вопрос лишь спустя две секунды. И

ответ его, как ни странно, начался с извинений:

— Прошу прощения, Кроу-сан, я не успел объяснить вам всего.

— Э?.. Что именно не успел?

— Битва неизбежна в момент выхода из этой комнаты. Коридор патрулирует один Энеми…

— Э…

Одновременно с изумлённым шёпотом Харуюки раздался тяжёлый металлический звук.

Харуюки боязливо развернулся и увидел, что из входа в коридор в сторону зала смотрела огромная фигура.

Позавчера, когда была активна Эпоха Хейан, патрулирующие дворец Энеми походили на японских самураев, но этот был похож на рыцаря, отлично подходящего Городу Демонов. Он имел три метра в высоту, одет в толстую металлическую броню. В левой руке он держал прямоугольный щит, напоминающий размерами дверь. В правой — огромный грубый меч, словно вырезанный из цельной стальной плиты.

Рыцарь носил открытый шлем с длинными рогами, но лицо его скрывала тьма. Сквозь завесу проглядывали лишь два тусклых фиолетовых глаза, явно оглядывающих Харуюки. И этот взгляд означал, что Харуюки попал в поле зрения Энеми.

— …Э, — ещё раз обронил Харуюки и попытался осторожно отступить назад.

Но не успел он это сделать, как рыцарь тяжёлой поступью шагнул в зал.

— Вра-а-а-а! — обрушился на аватаров клич, казавшийся осязаемым.

Харуюки пошатнулся, и Энеми начал заносить огромный меч над его головой.

— По… годи… — ошеломлённо произнёс Харуюки, но Энеми словно не слышал его.

Фиолетовые глаза вспыхнули, и рыцарь приготовился разрубить маленького аватара, не доходившего ему даже до пояса…

Громкий металлический лязг пронзил слух наполовину парализованного Харуюки.

Откуда-то сзади прилетела дуга синего цвета, врезавшись в меч рыцаря и немного оттолкнув его назад. Понимая, что этот шанс упускать нельзя, Харуюки тут же бросился назад.

Вместо него вперёд вышел одетый в лазурную броню аватар-самурай Трилид. Эту атаку, несомненно, отбил именно он, но его клинок всё ещё висел на его левом боку. Зато руки его покрывало синее сияние.

На глазах ошарашенного Харуюки Лид вертикально взмахнул безоружными руками.

— Х-ха! — послышался пронзительный выдох.

Ладони сверкнули в воздухе. Следы, которые они прочертили, превратились в точно те же световые клинки в форме полумесяцев, что отбили удар рыцаря. Вновь послышался лязг. Голубые дуги попали в шею противника, прорезав борозды в толстой броне.

— Вр-р-р… — глухо зарычал рыцарь и перевёл взгляд с Харуюки на Лида.

Он сменил цель. Выходит, его искусственный интеллект, в отличие от Судзаку, подчинялся обычным законам.

— Вр-ра! — испустил он рёв и размахнулся мечом горизонтально.

Харуюки не сомневался, что силы этого удара хватило бы, чтобы срубить дерево на уровне «Первобытный Лес». Лид же ловко скользнул, уклоняясь от него. Затем он в очередной раз испустил дуги света из своих рук, которые оставили диагональные царапины в щите рыцаря.

Харуюки рефлекторно продолжал отступать, вскоре поравнявшись с Ардор Мейден. Всё это время он не сводил изумлённых глаз с происходящего.

Он впервые видел таинственного бёрст линкера, «Трилид Тетраоксида», в бою. Вся эта чинность и уверенность движений не врали — он действительно крайне опытный боец. Он двигался плавно, словно поток воды, быстро превращал уклонения от ударов в контратаки, но самое главное — световые клинки, которые он выстреливал из своих рук, явно не обычный спецприём. Он не произносил название техники и с лёгкостью прорезал толстую броню рыцаря. Очевидно, это внесистемная техника, рождённая из воображения — Инкарнационная Атака.

Всю эту информацию Харуюки собрал в своей голове моментально, как того требовали инстинкты бёрст линкера. Но затем к фактам добавился вопрос.

Почему он не использовал меч? Висевший на поясе Лида клинок, Бесконечность, можно без преувеличения назвать сильнейшим оружием Ускоренного Мира. Если он наносил рыцарю такой урон голыми руками, то с мечом он мог стать сильнее в разы, в десятки раз…

— Прошу прощения, Кроу-сан, но по определённой причине я не могу использовать меч прямо сейчас! — словно прочитав мысли Харуюки, выкрикнул Лид, уворачиваясь от очередного рубящего удара. — Этого Энеми нам придётся одолеть без использования Артефакта!

— П-понял! — крикнул Харуюки в ответ и растерянно добавил, — И-Инкарнацию использовать можно?!

Этот вопрос он задал, вспомнив позавчерашнее обсуждение операции. Черноснежка говорила, что чем сильнее Энеми, тем хуже на них работает Инкарнация, и тем лучше они её чуют с расстояния. Одного рыцаря в зале хватало, чтобы напугать Харуюки до смерти. Появись тут второй — он пустился бы бежать.

К счастью, Лид тут же кивнул.

— Пока мы в этой комнате — можно, но только не дольше десяти минут!

— Есть! — вновь крикнул Харуюки и выставил руки перед собой.

Ошарашенное неожиданным появлением Энеми сознание, наконец, переключилось в боевой режим.

К счастью, у Энеми, по всей видимости, нет дальнобойных атак. Конечно, он, как «патрульный Замка», относился, пожалуй, к Легендарному классу, а значит, одного взмаха клинка хватило бы, чтобы моментально убить Харуюки. В таких условиях, возьми противник его в цель, Харуюки ни за что не смог бы сконцентрироваться. Но Энеми продолжал следовать за Лидом, давая Харуюки шанс атаковать издалека.

Глубоко вздохнув, Харуюки начал фокусировать на руках образ «скорости света», одновременно с этим нацеливаясь на спину гоняющегося за Лидом рыцаря.

Когда противник размахнулся мечом в очередной раз, толстые латы на затылке на мгновение разошлись, обнажая уязвимую кольчугу. И как только Харуюки увидел это…

— Лазер Ланс!

Вложив в удар весь свой дух, он применил едва разработанную Инкарнационную технику. Из выброшенной вперёд правой руки выстрелило серебристое копье, попав точно в затылок противника. Рыцарь пошатнулся, его рука дрогнула, и меч, которым он собирался поразить Лида, ударил в пол.

Одновременно с этим перед глазами Харуюки появилась трёхуровневая полоска здоровья рыцаря. У первой полоски до правого края не хватало… примерно 2 %.

— У-у… — на автомате простонал Харуюки.

Даже с учётом точного попадания Лида им не удалось лишить рыцаря и 10 % его первой шкалы здоровья. Такими темпами бой мог легко растянуться на минуты… да что там, на часы.

Но тут сзади раздался уверенный детский голос:

— Пожалуйста, потерпите ещё три минуты. Потом я его заберу.

Естественно, этот голос принадлежал Синомии Утай, Ардор Мейден, молчавшей все это время.

За три минуты им в лучшем случае удалось бы соскрести с рыцаря ещё несколько процентов здоровья. Она что, хотела сказать, что затем примет на себя его атаки? Как она сделает это, если сражается в дальнем бою?

Через мгновение Харуюки отбросил сомнения и крикнул:

— Е-есть!

Одновременно с этим спереди послышался и голос Лида:

— Вас понял!

В ответ Мейден кивнула, а затем выставила перед собой японский лук, который она неизвестно когда успела призвать. Он начал постепенно покрываться багровым пламенем и таять в воздухе. Когда от него осталась лишь маленькая палочка, послышался лёгкий звук, и она раскрылась, оказавшись тонким веером.

На очаровательном лице жрицы сошлись появившиеся с боков белые пластины, образовав таинственную маску. Вслед за этим тело аватара начала окутывать плотная багровая аура…

Харуюки наблюдал за этими превращениями краем глаза, передвигаясь поближе к Лиду. Им хватило несколько раз обменяться взглядами, чтобы согласиться на тактике. Впрочем, она была несложной. Аватары собирались поделить аггро рыцаря пополам, а удары наносить исключительно ради того, чтобы заставлять его менять цель.

— В-в… ро-о-а-а-а! — взвыл рыцарь, раздражённый тем, что до сих пор не смог попасть по противникам.

Решив больше не наносить точечные удары, он стал надвигаться на аватаров, размахивая мечом по сторонам.

Подпустив его настолько близко, насколько возможно, Харуюки с Лидом отпрыгнули в разные стороны, а затем, подгадав момент…

— Ха-а!

— Лазер Ланс!!

В рыцаря полетели вспышки серебряного и фиолетового цвета. Обе они ударили его в бока. Урон: 4 %.

Следующие три минуты показались им умопомрачительно длинными, тяжёлыми и волнительными.

Как бы быстро они ни заставляли его менять цель, в безопасности они не были ни секунды. Даже после самых удачных и своевременных скачков рыцарь мог ударить мечом в землю, нанося повреждения ударной волной.

Сражайся Харуюки в одиночестве, его уже через минуту разрубило бы клинком, но сейчас он продолжал уклоняться от

атак благодаря чётким указаниям Лида. Судя по всему, этот самурай досконально знал не только карты Замка на всех уровнях, но и шаблоны атак всех патрулирующих эти уровни противников. В частности, Лид объяснил ему, что рыцарь помимо взмахов меча умеет топтать землю ногой и размахивать щитом с такой силой, что получался порыв сбивающего с ног ветра. Лид предвидел все эти атаки и быстро объяснял Харуюки, как от них уклоняться.

Тот продолжал неукоснительно следовать указаниям, немедленно атакуя уязвимые места, как только рыцарь брал в цель Лида. Их жизнь висела на волоске, и любая ошибка была бы фатальна, но они удивительным образом умудрялись успешно водить его из стороны в сторону, ощущая тот самый азарт, ради которого люди и играют в сетевые игры.

Спустя две минуты Харуюки с Лидом сражались уже практически молча. Лид отдавал команды жестами руки, и Харуюки моментально исполнял их.

«Если бы я мог делать так же…

Если бы я и во время баскетбольных матчей мог так же ясно представлять себе мысли своих противников и союзников и так же чётко двигаться, то, может…»

В какой-то момент эта мысль пронеслась где-то на задворках сознания Харуюки, и он тут же прервал её.

«Но я не смогу. В реальном мире я совсем не такой, как Сильвер Кроу. Я не такой лёгкий. Я не такой быстрый.

Но… возможно, я могу стремиться там вперёд так же, как и здесь. Каким бы немыслимым это ни казалось… если я захочу измениться и приложу к этому шаг… хотя бы один шаг… возможно, и я…»

— Сюда!

Вдруг послышался сзади звонкий голос, заставивший Харуюки опомниться.

Прошли три минуты, о которых их попросила Утай. Харуюки с Лидом кратко переглянулись, а затем отпрыгнули далеко назад. Настало время отвести ревущего рыцаря туда, откуда доносилась песня Утай.

Но, пусть они и вытерпели все три минуты, у Энеми всё ещё оставались все три полоски здоровья, и даже на самой первой оставалось около 90 %. Что же собиралась делать Утай?

Продолжая раздумывать об этом, Харуюки бежал возле Лида, пробираясь к стоящим в центре зала пьедесталам.

Вдруг в правой части поля зрения вспыхнуло нечто красное, и Харуюки невольно отвёл взгляд от Энеми.

Он увидел такое, что даже Харуюки, насмотревшийся в Замке

на всяческие чудеса, изумлённо ахнул и затаил дыхание.

Пламя. Горело всё тело маленькой жрицы. От подошв и до кончиков волос её окутывало алое пламя.

Сама Ардор Мейден, судя по всему, урон от огня не получала, а значит, это было не настоящее пламя. Скорее всего, это её Оверрей, ошибочные световые эффекты, возникающие в результате применения Инкарнации. Но Харуюки пока что приходилось видеть Оверрей красного аватара только на примере Красной Королевы Скарлет Рейн. По сравнению с ней Оверрей Утай по цвету и форме был гораздо ближе к настоящему пламени.

Эта аура, на создание которой у Утай ушло три минуты, казалась в разы яростнее и прекраснее чем та, что окутывала её во время битвы с Буш Утаном три дня назад. Окутанная пламенем дева продолжала изящно водить веером в правой руке и плавно танцевать. Рыцарь же надвигался с такой яростью, что, казалось, мог в любой момент раздавить её…

— «Горестно и мучительно пламя гнева…»

Вдруг полился из уст жрицы чистый, певучий голос.

Она взмахнула перед собой веером, и с него сорвались крохотные язычки пламени. Они казались лишь маленькими искрами, но в тот самый момент, когда они упали под ноги рыцарю…

Воздух сотряс рокот поистине оглушительный, и практически непробиваемый пол «Города Демонов» вспыхнул… и расплавился.

Он окрасился оранжевым цветом, превратившись в магму. Рыцарь тут же утонул в ней по грудь. Его тусклая броня, от которой веяло холодом, моментально раскалилась, словно угольная.

— В-в-о-о-о-о-а-а-а! — издал он рёв, а может, и вопль.

Рыцарь отчаянно размахивал руками, пытался вылезти из магмы, но образовавшийся в полу «пруд» имел больше пяти метров в диаметре. Он беспомощно плескался, брызгая во все стороны каплями, но всплывать его тело упорно не хотело.

— «…которому что есть — всё пыль».

Вновь послышалась таинственно звучащая песня. Окутывающее жрицу пламя вспыхнуло ещё яростнее, и вместе с ним пруд магмы стал ещё жарче. Даже стоящий на значительном расстоянии Харуюки ощущал обжигающий воздух, доносившийся от него. Казалось, что подойди он хоть на шаг ближе, он действительно начал бы получать урон.

Простояв с десять секунд, он, наконец, догадался перевести взгляд чуть выше головы рыцаря, где отображалось его здоровье. Оказалось, что за это время первая из полосок здоровья уже начала буквально выгорать.

Лид говорил, что использование Инкарнации в течение 10 минут могло привлечь Энеми из других помещений. Харуюки не знал, успеет ли Утай выжечь оставшееся здоровье такими темпами. Возможно, он должен помочь ей своими дальнобойными атаками, но что-то останавливало его. Что-то говорило ему, что «танец огня» Утай должна исполнять в одиночку, и никому нельзя вмешиваться. Лид, по всей видимости, ощущал то же самое и молча стоял невдалеке от Харуюки.

Следующие пять минут жрица танцевала, пламя кружилось, а рыцарь горел.

Наконец, третья полоса здоровья иссякла, и застрявший в магме противник сгинул, ослепительно взорвавшись.

Ардор Мейден медленно опустила веер и остановилась. Харуюки всё ещё не мог выдавить из себя ни звука.

Он был поражён мощью, красотой Инкарнационной техники Утай… и напуган ей. Этой силой чистого разрушения, пугающей настолько, что не оставалось сил даже на трепет…

Логика её техники была не слишком сложна. Расплавить пол уровня, превратить его в горячую жидкость и уронить в неё врага. Пугало то, что происходило потом. Из этой техники невозможно вырваться. Окажись в магме кто-то, не обладающий крыльями, как Харуюки, или проволокой, как Пятый Хром Дизастер, выкарабкаться из неё у него бы ни за что не получилось. Магма была слишком плотна, чтобы плыть по ней. Даже если бы удалось добраться до берега, тот тоже оказался бы оплавлен. Сбежать оттуда так же невозможно, как из стеклянного стакана, вымазанного маслом.

Эта техника в корне отличалась от «очищающего пламени», которым она сожгла Буш Утана три дня назад. Харуюки боялся даже думать об этом, но… похоже, что эта техника относилась к четвёртому квадранту: «негативной Инкарнации, направленной наружу». Но почему эта маленькая очаровательная девочка по имени Синомия Утай разработала такую безжалостную разрушительную технику?..

Но как только полупарализованные мысли Харуюки добрались до этого момента, стоящая в нескольких метрах от него Ардор Мейден пошатнулась.

— А…

Харуюки моментально кинулся вперёд и подхватил начавшую падать на пол Утай. На его глазах покрывавшая её лицо маска разъехалась в стороны и спряталась за волосами.

Багровые линзы её глаз смотрели на Харуюки и неровно мерцали. Послышался слабый голос:

— Похоже… в бою её использовать пока рановато.

— Э-э… о чём ты?..

— Эту технику… я тренировала здесь целый год. Это экспериментальная версия «техники против тяжёлых наземных Энеми». Или, точнее… «техники против Генбу».

— Против… Генбу?.. — изумлённо повторил Харуюки. У него спёрло дыхание.

Харуюки никогда не видел вживую Генбу, стража северных врат Имперского Замка, одного из Четырёх Богов, Энеми Ультра класса. Он не знал ни того, как он выглядит, ни того, чем атакует. Но одно ему известно совершенно точно. Возле него был запечатан один из Элементов Старого Нега Небьюласа. Один из офицеров уровня Утай и Фуко.

Харуюки опустился ниже. Утай, продолжая лежать в его руках, прикрыла глаза и сбивающимся голосом продолжила:

— Моя сила… оказалась совершенно бесполезна против Судзаку. Когда мы обсуждали тактику нападения на дворец, я сама вызвалась быть командиром отряда, который должен был напасть на Судзаку. По своей глупости я вообразила себе, что если тот повелевает пламенем, то каким бы могучим оно ни было, у меня вышло бы его обуздать. Если бы… если бы против Судзаку вышла Аква Карент, повелевающая водой, злейшим врагом огня… или хотя бы Скай Рейкер с её ураганной скоростью… возможно, врата Судзаку пали бы. Именно поэтому… в гибели нашего Легиона два года назад… виновата я… я недооценила врага, я забыла об уважении к нему…

Едва Харуюки заметил в уголке её глаза слезинку, как он тут же закричал:

— Не… не говори так! Никто и никогда даже мысленно не обвинял тебя, Мей!

— Нет… я совершила ошибку, заслуживающую наказания. Дело в том, что… тогда я думала… что смогу усмирить его пламя и проскочить через врата, не убивая никого… иначе как наивными глупыми мечтами… это не назовёшь… — на этом месте отдававший болью шёпот окончательно затих.

Харуюки, всё ещё не в силах ничего произнести, наконец, осознал, почему Утай два года скрывалась от Черноснежки и жила затворницей на окраине Ускоренного Мира.

Сама Утай говорила, что это потому, что она не хотела, чтобы кто-то пожертвовал своей жизнью, спасая её из заточения. И это тоже правда. Но вместе с этим она продолжала всё это время винить себя. Она твёрдо решила, что именно из-за неё погиб Легион, и, как бы она ни хотела вновь встретиться с Черноснежкой и Фуко, она решила, что её грех никогда не будет прощён. Даже спустя два года.

Но…

Но в том же самом себя обвиняли и Черноснежка, и Фуко.

Черноснежка решила, что именно она виновна в гибели Нега Небьюласа, поскольку это она, повинуясь сиюминутному инстинкту, отрубила голову Первому Красному Королю Рэд Райдеру, развязав полномасштабную войну против остальных Королей. Поэтому она два года скрывалась в локальной сети школы Умесато.

Фуко считала, что, заставив Черноснежку отрубить её ноги ради усиления собственной Инкарнации, она неявно подтолкнула Черноснежку к тому, что та наделала. Эти мучительные мысли и заставили её скрыться на два года на вершине Старой Токийской Башни на неограниченном нейтральном поле.

Они вели себя точно так же. Все трое. Все они так ценили крепкие узы, связывавшие их со своими друзьями, что взяли вину на себя. И поэтому… Харуюки был уверен, что и оставшиеся два Элемента, и все те неизвестные ему бёрст линкеры, состоявшие в то время в Нега Небьюласе, исчезли по той же причине. Все они считали, что должны вечно искупать свою вину за смерть Старого Нега Небьюласа… и не решались появляться в Ускоренном Мире даже спустя два года…

— Но… но… — Харуюки отчаянно выдавливал из себя слова, глядя в закрытые глаза Ардор Мейден у своей груди. — Но… ведь Брейн Бёрст… существует не для страданий, не для мучений, не для ненависти, не для конфликтов… разве нет? Да, в этом мире сплошь и рядом происходят горькие, трагичные вещи… но всегда приходит день, когда ты одолеваешь препятствие, берёшься за руки с дорогими тебе людьми и делишься с ними всем. Обязательно настанет и тот день, когда твои друзья разделят с тобой ту боль, что ты пыталась вынести всё это время сама, Мей. Старый Нега Небьюлас погиб больше двух лет назад. Этот день уже далеко в прошлом!..

Он продолжал говорить, одновременно с этим начиная понимать, откуда взялась энергия, питавшая ту разрушительную Инкарнацию.

Её питало чувство вины. Это не настолько тёмная эмоция по сравнению с отчаянием или ненавистью, но и положительной её назвать тоже нельзя. Это пламя казни, наказания провинившегося человека. Скорее всего, во время применения своей техники Утай страдала так же, как и её цель.

И в то же время… похоже, что ощущение вины Утай было связано не только с гибелью Легиона. Она должна быть напрямую связана глубокими чувствами и с реальным миром. Ведь именно об этом говорила Черноснежка: изучение Инкарнации второго

уровня требует встречи со своими «шрамами» в реальной жизни.

Естественно, Харуюки познакомился с Утай лишь несколько дней назад, и лезть к ней в душу не смел. Он не имел ни малейшего понятия, что она пережила в прошлом, почему страдала… и как потеряла свой голос. Но… но…

— Если даже Ускоренный Мир состоит лишь из ошибок и неверных путей… из вечных страданий и взаимной ненависти… то для чего мы стали бёрст линкерами?!..

Продолжил Харуюки изливать свои чувства, и обессилевшее тело Утай ощутимо дрогнуло.

Её багровые глаза медленно раскрылись. Но свет их всё ещё был слаб и неровен. Харуюки хотел сказать ещё что-то, хоть что-нибудь, но у него получалось лишь тяжело дышать.

И тут…

Мягкий голос, похожий на прохладный ветерок, ласкающий луговую траву, раздался в зале:

— «Что жизнь наша без игр, что жизнь наша без шалости…»

Говорил Лид, до селе молчавший. Юный самурай успел беззвучно обойти их, встать точно напротив Утай, а затем чинно усесться.

— «…Когда от звуков детских игр дрожат наши сердца».

По всей видимости, он цитировал слова из какой-то старой песни[7], но Харуюки слышал их впервые. Он словно ощутил их смысл своими чувствами. Лид перевёл взгляд с Утай на Харуюки и тихо сказал:

— Мне стыдно в этом признаваться… но я до сих пор не думал о судьбах других бёрст линкеров, о том, ради чего они сражаются. Я просто… думал, что все они лишь развлекаются и играют в эту игру. И я наивно мечтал о том, чтобы однажды… играть вместе с ними… — он качнул волосами, а затем склонил голову. Вновь подняв взгляд, таинственный самурай продолжил, — До того, как я встретился с вами, я знал лишь одного бёрст линкера — моего родителя и учителя. Он сказал мне: пусть я всегда буду один, пусть я никогда не покину этот замок, но я должен изо всех сил играть и радоваться жизни, поскольку только этот путь приведёт меня в будущее. Я всегда представлял себе радостные голоса детей, раздающиеся за высокими стенами, и продолжал тренироваться в одиночестве. И, спустя долгое… очень долгое время передо мной появились вы, Кроу-сан, Мейден-сан… мы поговорили… мы пообещали встретиться вновь… а сегодня мы сразились плечом к плечу друг с другом. Я не могу описать словами то, что я сейчас чувствую.

Трилид вновь прервался. Харуюки и Утай молча смотрели, как по его аккуратной маске стекает одинокая капля. Лид не

вытер её, вместо этого он дрожащим голосом закончил:

— Я… могу сказать лишь одно… я рад, что стал бёрст линкером. Я счастлив, что смог узнать про Ускоренный Мир. И эту радость мне подарили… вы, Кроу-сан и Мейден-сан.

На этом месте юный самурай умолк и низко поклонился.

Укрытая завесой полумрака комната погрузилась в тишину. Рождённая Инкарнацией Утай магма испарилась, оставив после себя лишь кратер.

Наконец, Утай приподняла своё тело, обвела остальных аватаров взглядом и отчётливо произнесла:

— Если есть что-то, о чём я не жалею, и чему всегда была рада… это именно тому, что стала бёрст линкером. Но счастье мне приносили ещё и служение Чёрной Королеве Блэк Лотос, и битвы в составе Нега Небьюласа, и, спустя столько времени, встреча с Ку-саном и Лид-саном. А значит… весь этот путь… я проделала не зря…

Её ножки сдвинулись и нащупали пол. Харуюки помог ей встать на землю.

Утай подождала, пока на ноги поднимется и Лид, после чего шагнула вперёд, обернулась и сказала:

— Прошу прощения за беспокойство. Что же… давайте двигаться дальше. То будущее… та судьба, что ждёт нас на этом пути… воистину бесконечна.

Слова Лида о том, что он наизусть знал карты лабиринта на всех возможных уровнях, оказались отнюдь не пустой бравадой.

Он уверенно вёл их по дворцу Города Демонов, намного более запутанному, чем дворец Эпохи Хейан.

Старый замок был полон хитростей: лестниц, переключателей, потайных дверей, лифтов… чтобы пробраться через него без гида, им пришлось бы бродить тут днями, а может и неделями. Более того, замок полнился и рыцарями, похожими на того, с которым они сражались, а также воинами более тяжёлыми и воинами более быстрыми. Были тут и Энеми, похожие на колдунов.

Несколько раз Харуюки казалось, что битвы будет не избежать, но указания Лида всегда выручали их. Когда Энеми окружили их со всех сторон и начали наступать, они укрылись в тени и кинулись бежать, едва оказавшись вне зоны видимости. В другой раз Лид активировал пустой лифт, зная, что Энеми соберутся у того места, куда он едет. Сами же они спустились по лестнице. Все эти действия он совершал с такой лёгкостью, будто находился у себя дома.

Даже у Харуюки, геймера до мозга костей, было лишь две

игры, которые он знал настолько хорошо — онлайновый шутер, в который он играл несколько лет, и экшн на одного игрока, в котором он потратил больше сотни часов. Но Замок, ко всему прочему, менял свою планировку во время Переходов. Сколько же лет Трилид сражался… «играл» в его стенах?

Такими вопросами задавался Харуюки, следуя командам Лида — перебегая, взбираясь, опускаясь и проходя через бесчисленные двери. Наконец, его глазам открылась картина.

Стена с одним маленьким окошком. А за ним — широкое пространство, на котором были видны круглые колонны, а над ними — покрытое чёрными тучами небо. «Двор».

— Поздравляю. На этом дворец заканчивается, — как ни в чём не бывало произнёс Лид, подошёл к окну и с лёгкостью открыл его.

В комнату тут же подул холодный ветер, и Харуюки ощутил его касание на своей броне.

Он подошёл к окну, словно зачарованный, и посмотрел наружу.

Два ряда огромных тёмно-синих колонн, расположенных справа от окна, уходили вдаль. Эта картина ему знакома. На уровне Эпоха Хейан тоже были колонны, ведущие ко входу в замок, правда, выглядели они совсем по-другому. А значит, там, за колоннами…

— В-врата!.. — воскликнул Харуюки и резко зажал рот.

За укрывавшим землю плотным туманом, в такой дали, что колонны на таком расстоянии сливались в одну линию, виднелись огромные врата. Судя по отбрасываемым колоннами теням, уходили они точно на юг… а значит, это Врата Судзаку — те же, сквозь которые Харуюки и Утай пришли сюда два дня назад.

Наконец-то… наконец-то он вновь увидел эти врата.

Оставалось лишь открыть их, выбраться наружу, уклониться от пламени Судзаку и долететь до конца моста.

С этими мыслями Харуюки крепко сжал кулаки, а затем, осознав кое-что, ахнул.

— А… кстати… как мы их откроем?..

Действительно.

Врата замка, видневшиеся вдали, были надёжно заперты. Каменные створы двадцать на двадцать метров казались совершенно недвижимыми. Попасть сюда они смогли лишь потому, что ворота приоткрылись при их приближении. А это, в свою очередь, случилось потому, что «замок» врат, печать в виде плиты, кто-то разрушил изнутри… вернее, разрушил её тот самый юный самурай, что сейчас стоит возле них…

И, как только Харуюки додумался до этого, Лид кивнул, словно уловив его мысли.

— Я вновь разобью восстановившуюся печать Врат Судзаку. После этого они должны открыться.

— Э… это так просто?.. — осторожно поинтересовался Харуюки.

Лид неуверенно склонил голову, но все же кивнул.

— Не знаю, просто это или нет… но однажды у меня уже получилось это сделать… кроме того, я именно потому не использовал, точнее, не мог использовать свой клинок в той битве, потому что собирался разбить им печать.

— Что вы имеете в виду? — подключилась к разговору Утай, хотя связь между использованием клинка в битве и разбиением печати интересовала и Харуюки.

Лид вновь кивнул и коснулся меча левой рукой.

— У меча Бесконечность, которым я незаслуженно владею, есть несколько особенностей. Одна из них состоит в том, что чем дольше он покоится в ножнах, тем сильнее будет первый удар после того, как клинок покинет их. Буквально — сила удара постепенно приближается к бесконечности.

— …!

Хотя Харуюки и был ошарашен, слова Лида многое объясняли. Действительно, наличие такого эффекта означало, что Лид не мог использовать меч в битве против патрульного Энеми. А уж если бы мечом владел сам Харуюки, он бы и вовсе никогда не использовал его из-за природной бережливости.

Но Лид был готов применить ради них клинок, который он, судя по всему, заряжал уже очень много времени. Они уже были обязаны ему за путешествие по замку так сильно, что никогда не смогли бы расплатиться, и Харуюки не очень хотел залезать в ещё более глубокий долг, но других способов выбраться из Замка просто не существовало. Поэтому Харуюки низко склонил голову и сказал:

— …Спасибо, Лид.

Стоявшая рядом с ним Утай сложила руки на юбке и тоже поклонилась. Юный самурай смущённо покачал головой и отозвался:

— Что вы, ещё не время для благодарностей. Нам ещё нужно добраться до самих врат.

…Сказал Лид, но по сравнению с путешествием сквозь дворец перебежки в тенях колонн не составили никакого труда.

Конечно, по широкой дороге между рядами столбов, как и позавчера, бродили внушительные патрули Энеми. С левой стороны, из рощи, доносились шаги и вой, от которого кровь

стыла в жилах. Но в тени столба они были в безопасности, а значит, нужно просто осторожно двигаться вперёд. К счастью, все аватары были довольно маленькими, при перебежках почти не издавали звуков и за столбом умещались без особых проблем.

Через сорок минут они добрались до тени самого южного столба и, прислонившись спинами к холодной стали, дружно вздохнули.

Затем они переглянулись и улыбнулись друг другу.

Они почти выбрались. В самом Замке оставалось сделать лишь одно. Харуюки открыл меню и посмотрел время погружения. Индикатор показывал 135 минут. Конечно, Утай рассчитывала выбраться за два часа, но результат всё равно можно назвать более чем достойным.

За вратами их уже должны ждать Черноснежка, Фуко, Такуму, Тиюри и временно примкнувший к ним Аш Роллер. Осталось пробиться сквозь оборону Судзаку, и можно праздновать успешное завершение операции.

Лид, словно прочитав размышления Харуюки, кивнул и прошептал:

— Ну что же… пора довести начатое до конца. Тактика проста. Мы ждём, пока патрули Энеми отдалятся на максимальное расстояние, выскакиваем, я разбиваю печать, вы сбегаете наружу. Если вопросов нет, то начинаем действовать при следующей возможности.

Харуюки от напряжения смог лишь кивнуть в ответ. Утай же, судя по всему, собиралась сказать что-то, но в итоге закрыла рот и тоже кивнула.

Лид осторожно выглянул из-за столба и поднял правую руку.

Монументальные южные врата находились на отдалении примерно в двадцать метров от их столба. Между створами, как и на Эпохе Хейан, была закреплена стальная плита с рельефом огненной птицы. Печать Судзаку.

Дорогу на север от врат патрулировали в общей сложности восемь групп Энеми. Также от врат вдоль стен шли коридоры, каждый патрулировался ещё одной группой.

Группы перемещались не синхронно, и пространство перед вратами всё никак не хотело становиться безопасным. Но аватары упорно ждали, и, в конце концов, патрули стали сходиться друг к другу всё ближе… Лид расправил пальцы на руке и начал медленно их загибать. Четыре, три, два, один…

«Сейчас!» — мысленно воскликнули аватары и выпрыгнули из тени столба.

Они бежали сквозь плотный туман, отчаянно отталкиваясь ногами от тёмно-синих плит. Уже через три секунды они

оказались на площадке перед вратами.

Лид вскинул левую руку, остановив Харуюки и Утай, и одновременно с этим потянулся правой рукой к Бесконечности на поясе.

Вслед за этим тело юного самурая засветилось ослепительным светом, сделав его похожим на звезду.

Оверрей. Сияние Инкарнации. Уже по предыдущей схватке с рыцарем, в которой Лид использовал технику, не объявляя её названия, было понятно, что он в совершенстве владеет Инкарнацией, но скорость, с которой он активировал Систему, и сила Оверрея превосходили все ожидания Харуюки. Он даже не успел объявить название техники, а плиты под его ногами уже начали трескаться, и в воздухе заискрила голубая плазма…

Юный аватар пригнулся, ухватился левой рукой за ножны, а правой — за рукоять.

— О-о-о-о-о! — впервые услышали они боевой клич Лида.

Харуюки, уже даже не дыша, на автомате обхватил Утай левой рукой и придвинул её к себе.

Линзы вечно спокойных глаз Лида вспыхнули ярким голубым огнём. Вместе с этим по округе эхом раздалось название техники:

— Хевенли Стрейтос[8]!!

На первом слове правая рука Лида расплылась в воздухе от скорости взмаха.

Мощь великого Артефакта, накопленный от покоя в ножнах заряд и потрясающая мощь собственной Инкарнации Трилида слились в лазурном световом клинке, рассёкшем воздух. Мир перед глазами Харуюки словно разорвало надвое.

Горизонтальный удар, совмещённый с выхватыванием меча.

И, конечно, сразу же последовал и вертикальный удар.

Клинок света превратился в огромный крест, поразивший стальную плиту, связывающую створы врат. По изображению огненной птицы побежала крестообразная трещина. Вертикальная линия моментально вырвалась за пределы плиты, растягиваясь во всю высоту врат. Казавшиеся неприступными стенами створы тяжело дрогнули…

«Они открываются!..»

Харуюки прижал к себе Утай ещё крепче и сжал правую руку в кулак. Словно почуяв это движение, на его спине раскрылись сложенные чешуйчатые крылья.

— Так вот какова ваша истинная форма, Кроу-сан… — послышался вдруг шёпот возле Харуюки.

Юный самурай с опущенным мечом смотрел на него и щурился. Затем он прошептал:

— Какая красота… встреча с вами — настоящая честь для меня…

— Д-да ладно… это для меня большая честь повстречать тебя, Лид…

Когда он закончил говорить эти слова, тело Утай вдруг напряглось. А затем это заметил и сам Харуюки. Со стороны дороги за спиной Лида, со стороны прилегавших к вратам коридоров послышалась тяжёлая поступь толп несущихся со всех ног Энеми. Харуюки на мгновение изумился, ведь они находились очень далеко от их зоны видимости, но тут же вспомнил.

Сильных Энеми притягивают волны Инкарнации.

Инкарнационная техника «Небесное Сплетение», применённая Трилидом для уничтожения печати, была самой сильной атакой, которую когда-либо видел Харуюки. С учётом того, что они находились на открытой местности, совершенно неудивительно, что её заметили все находившиеся поблизости Энеми.

Харуюки быстро протянул правую руку и крикнул:

— Л-Лид! Хватайся! Мы сбежим вместе!..

Но…

Лазурный аватар мягко, но печально улыбнулся и медленно покачал головой.

— Нет, я не могу пойти с вами. Уходите без меня.

— Но… почему?.. Тебя ведь убьют Энеми, если ты останешься!

К ним уже со всех ног бежали и огромные рыцари, и колдуны, переполненные злобой. Не меньше десяти отрядов. Даже такой опытный боец как Лид, вооружённый Бесконечностью, не смог бы ничего поделать против такой толпы.

Но главное — Харуюки ни секунды не сомневался в том, что Трилид покинет Замок вместе с ними. Именно поэтому он и не стал разговаривать с ним прямо там. Но… если здесь их разделят врата, то неизвестно, когда они увидятся в следующий раз.

— Нет, Лид… ты не можешь! — закричал Харуюки изо всех сил и вновь протянул руку.

Но Трилид отступил на шаг и указал на врата клинком.

— Идите! Не беспокойтесь, в бесконечное истребление я не попаду! Кроме того… мне пока нельзя покидать Замок! Но я клянусь… однажды мы снова встретимся с вами, Кроу-сан, Мейден-сан. И уж тогда я расскажу вам обо всём. О том, что в Ускоренном Мире делает этот Замок… и о том, почему его так надёжно охраняют. Обо всём, что мне известно!

Слова юного самурая прозвучали так величественно и уверенно, что Харуюки не смог ничего ответить.

Слева от него послышался шёпот Утай:

— Идём, Ку-сан. Если мы останемся здесь, то упустим шанс, данный нам Лидом!

— !..

Харуюки на мгновение зажмурился. Когда он распахнул глаза, он был уже готов. Он взмахнул крыльями и ощутил тягу, беззвучно поднявшую двух аватаров в воздух.

Оторвавшись от земли на два метра, Харуюки вложил все свои чувства в короткую реплику:

— Лид… пока!

Юный самурай широко улыбнулся и ответил:

— Да… пока!

Они обменялись друг с другом точно теми же словами, которыми дети обещают увидеться друг с другом на следующий день. Харуюки, стараясь сдержать слезы, развернулся. Он слышал топот несущихся к ним Энеми, а среди них — последние слова Лида:

— Имя «Трилид Тетраоксид» мне дал мой родитель. Моё настоящее имя — …

С трудом удержав себя от того, чтобы не обернуться, Харуюки резко взмахнул крыльями. В спину улетающих во врата Замка аватаров прилетел свежий голос лазурного аватара:

— …Азур Эар!

Глава 10

Алое пламя.

Это первое, что увидел Харуюки, прорвавшись сквозь южные врата Замка во внешний мир.

Вихрящееся, обезумевшее алое пламя. Но это не просто сгусток энергии. У него было два огромных крыла, длинная шея и сверкающие, словно рубины, глаза. Это птица.

Энеми Ультра класса Судзаку.

— П-почему он уже здесь?.. — хрипло прокричала Утай, прижимаясь ближе.

Харуюки удивился не меньше неё. Судзаку начинал появляться из «алтаря», расположенного у Врат, как только кто-то заступал на территорию его ареала — моста в пятьсот метров длиной и тридцать метров шириной. Судя по прошлой битве, на появление и начало движения у него уходило около пяти секунд. Харуюки рассчитывал на это время, на то, что он успеет отлететь от места его появления.

Но, по какой-то причине, они вылетели из врат в тот самый момент, когда Судзаку уже закончил появляться перед ними. До него было меньше тридцати метров. Харуюки едва успел затормозить, чтобы не влететь на полном ходу в огненную птицу.

Но врата за их спинами уже успели вновь захлопнуться. Вряд ли они открылись бы перед ними, попытайся они вернуться. Да, в прошлый раз они смогли попасть в Замок, потому что Трилид… точнее, Азур Эар, заранее разбил печать, но, судя по всему, она восстанавливалась после того, как кто-то проходил сквозь врата.

Лида уже наверняка растерзал десяток налетевших Энеми, и глупо надеяться на то, что он вновь разрубит печать. Кроме того, если бы они вернулись, Харуюки не смог бы взглянуть в лицо Лиду, который ценой своей жизни дал им возможность уйти.

«Остаётся лишь одно — увернуться от пламени Судзаку и перелететь через мост», — отбросив сомнения, решил Харуюки.

Энеми, именуемый одним из Богов, внимательно следил рубиновыми глазами за аватаром перед самым своим носом.

Вдруг Харуюки услышал голос.

«Маленький глупый человечишка.

Пришло время расплаты за то, что ты осквернил землю Богов своими грязными приёмами.

Гори.»

Харуюки понял, что грядёт огненное дыхание, и изо всех сил напрягся, пытаясь предугадать его направление.

Но огненная птица не открыла клюв. Вместо этого она

широко расправила крылья и взмахнула ими.

— Нет!.. — прокричала Утай.

В следующее мгновение Харуюки увидел волну жара, расходящуюся от крыльев и движущуюся в их сторону. Их атаковала не линия, а стена огня. Куда-либо отлететь просто невозможно.

«Неужели… это конец? Вот так неожиданно, после всех тех трудов, которых нам стоил побег из дворца, после жертвы, которую принёс Лид, открывая нам врата… именно здесь мне суждено попасть в клетку бесконечного истребления?..»

— Ни… за… что! — уверенно прокричала жрица на руках остолбеневшего Харуюки.

Она выбросила вперёд левую руку. Крохотную ладонь покрыли багровые волны, похожие по цвету на ту, что выпустил в них Судзаку.

Волны энергии коснулись друг друга, и мир наполнился ослепительным блеском.

В центре волны Судзаку образовалась брешь, а остатки её с рокотом пролетели мимо Харуюки и Утай.

И вместе с этим левая рука Ардор Мейден моментально испарилась по самое плечо, словно огонь испепелил её.

— У-у… а… — кратко вскрикнула она, и её тело свела судорога.

Боль, которая на неограниченном нейтральном поле почти не отличалась от реальной, оказалась слишком сильна, и её голова бессильно обвисла.

Харуюки крепко прижал к себе потерявшую сознание Утай и остатками своего духа вновь разжёг в себе желание сражаться.

«Лети. Лети! Если ты не полетишь сейчас, то в чём был смысл рождаться летающим аватаром?!»

— У-у… о-о-о-а-а-а!! — взревел Харуюки и изо всех сил замахал крыльями, устремляясь вперёд.

Судзаку же вновь начал расправлять крылья. Он готовился к точно такой же атаке. Харуюки должен проскочить зону поражения до того, как она начнётся.

«Успеть бы!..»

Но… на глазах Харуюки воздух заволокло раскаляющимся маревом. Аватара начало обжигать спереди. Харуюки стал ощущать умопомрачительный жар, а оставшиеся 90 % здоровья начали быстро убывать…

Но тут.

Случилось нечто неожиданное, прервавшее атаку Судзаку.

Сзади прилетело два копья, синее и красное, два луча света, пронзивших оба крыла Судзаку.

Харуюки узнал цвета обеих атак. Синее — Грозовой Цикловый Шип — спецприём Циан Пайла, аватара его лучшего друга Такуму.

Красное же — Стрижающий Удар — Инкарнационная техника Блэк Лотос, аватара его дражайшего учителя, родителя и любимейшего человека, Черноснежки.

За мгновение до того, как волна жара Судзаку испарила бы Харуюки и тело Утай, она развеялась и исчезла.

Харуюки, едва не задевая пылающие перья гигантской птицы, наконец, смог пролететь мимо неё.

Но Энеми начал поворачиваться вслед за ним, не сводя пылающих яростью глаз с Харуюки. И в этот раз Судзаку широко распахнул клюв. Огненное дыхание.

Но.

Взгляд Харуюки уловил фигуру, на огромной скорости летящую к нему с южной стороны моста, куда стремился он сам.

Ускоренное до предела сознание Харуюки немедленно осознало, что это было.

Бёрст линкер. Причём не один, а двое. Снизу — небесно-голубой аватар обтекаемой формы с реактивным ранцем на спине. Главный офицер Нега Небьюласа, Скай Рейкер по прозвищу «МБР».

На её спине, низко пригнувшись — ещё один. Этот аватар был обсидианово-черным, с длинными клинками вместо конечностей — Чёрная Королева Блэк Лотос. Длинный выхлоп Ураганных Сопл окрашивал полупрозрачную чёрную броню в прекрасный сапфировый цвет.

В момент, когда они пересеклись, Рейкер и Лотос, Фуко и Черноснежка, устремили на него бледно-коричневые и сине-фиолетовые глаза и нежно улыбнулись. В голове Харуюки раздались их голоса.

«С возвращением, Ворон-сан. Судзаку мы берём на себя.»

«Будущее Легиона — в твоих руках, Харуюки. Лети же. Лети вперёд и не оглядывайся.»

Время словно снова ускорило ход, и в следующее мгновение Черноснежка и Фуко начали быстро отдаляться от Харуюки и Утай.

— А…

Не в силах остановить несущееся вперёд тело, Харуюки с ужасом обернулся, улавливая происходящее за спиной краем глаза.

Судзаку был готов в любой момент начать смертельную огненную атаку, а Фуко и Черноснежка подлетали, словно пуля, к его правому глазу. Вдруг сверкнула правая рука Блэк Лотос,

разрубая глаз Энеми. Изверглось пламя, похожее на кровь, и воздух содрогнулся от яростного рёва чудовищной птицы.

Судзаку тут же прервал дыхание и вновь начал поворачиваться. Он переключился с Харуюки на Черноснежку. А значит…

Они летели умирать.

Их жертва в чём-то схожа с той, что принёс Лид, принимая на себя удар десяти патрулей Энеми, но в то же время отличалась. Если Лид мог после воскрешения сразу куда-нибудь убежать, избегая бесконечного истребления, то Черноснежке и Фуко бежать некуда. За спиной Судзаку располагался его алтарь — то самое место, где была запечатана Ардор Мейден — и если бы они погибли там, то после возрождения их вновь ждала бы моментальная смерть от Судзаку.

Скорее всего, они увидели, как Судзаку начал материализоваться раньше времени, и поняли, что он не даст Харуюки и Утай сбежать. И они моментально приняли решение: они будут отвлекать его, пока Харуюки убегает. Даже если это означало запечатывание аватаров Черноснежки и Фуко.

«Нет.»

Что угодно, но только не это. Ни за что. Весь смысл жизни бёрст линкера для Харуюки состоял в возрождении Нега Небьюласа и достижении вместе с Черноснежкой заветного десятого уровня. Других целей не существовало. И если сейчас командир Легиона и главный офицер принесут себя в жертву, то в чём смысл выживать?

Эмоции Харуюки вступили в конфликт друг с другом. И тут…

Спереди снизу послышался пронзительный оклик:

— Хару!

Харуюки резко перевёл взгляд. У начала моста, в двухстах метрах от него, ему махал рукой аватар светло-синего цвета, Циан Пайл. Рядом с ним стоял небольшой зелёный аватар, Лайм Белл.

— Хару-у-у!! — изо всех сил закричала она и начала вращать огромным колоколом на левой руке.

Послышался приятный перезвон, и колокол начал покрываться зелёными спецэффектами.

— Цитрон Колл!!

Раздалось название техники, и Белл размашисто опустила колокол. Вырвавшийся из него зелёный луч окутал пролетающего в небе Харуюки своим теплом.

Потерянное в бою внутри дворца и из-за атаки Судзаку здоровье начало на глазах восполняться. Но раны потерявшей сознание Утай не исцелились. Зов Цитрона мог лечить за раз

только одного аватара. Так почему же его целью стал Харуюки, если повреждения Ардор Мейден были куда более тяжёлыми?

Харуюки не понимал намерений Тиюри, восстанавливающей здоровье Сильвер Кроу. Но все сомнения развеял следующий крик Такуму:

— Хару, мы присмотрим за Мейден!

— !..

Харуюки широко раскрыл глаза, а в следующее мгновение опустился к Циан Пайлу и передал в его протянутые руки Ардор Мейден. Затем он моментально начал разворачиваться с помощью ставших гораздо послушнее крыльев. В спину донёсся возглас Тиюри:

— Хару, спаси Снежку и сестрицу!..

— Ага, разумеется! — кратко ответил Харуюки, закончив разворот.

Его друзья прошли через сомнение и боль и приняли решение вместо него. Они решили, что Черноснежка и Фуко не должны умереть здесь. Что все они должны вернуться отсюда вместе.

Подгоняемый чувствами Тиюри и Такуму, Харуюки улетел на север.

Судзаку тем временем тоже повернулся на север и причудливо изогнул шею. Клюв его был широко раскрыт: он готовился к очередной огненной атаке. До выброса пламени оставалось пять секунд… три…

Целился он в Блэк Лотос и Скай Рейкер, по параболе приближавшихся к земле. Выхлоп Ураганных Сопл неровно мерцал и был готов в любой момент погаснуть. За чудовищную тягу этого Усиливающего Снаряжения приходилось расплачиваться долгим временем перезарядки. У них больше нет возможности уклоняться от огня Судзаку. С его клюва уже срывались языки пламени. Воздух начал дрожать…

«Вот… уж… нет!»

— У… о-о-о-о-о!

Харуюки отчаянно замахал металлическими крыльями, сжигая остатки энергии. Тело Сильвер Кроу окутало едва заметное сияние. Выставленные вперёд руки разрубали воздух, превращая его тело в летящее копье.

Лишившийся правого глаза от удачного удара Черноснежки Судзаку не обратил на Харуюки внимания. Харуюки летел вперёд, едва не задевая лицо гигантской птицы. Чудовищное пламя уже успело пролететь десять сантиметров, когда Харуюки обошёл его.

За спиной он ощутил волны ненависти в сторону неожиданной помехи.

Перед ним же были две пары изумлённых глаз.

— Зачем?!..

— Харуюки!..

Прокричали они уже после того, как Харуюки на полной скорости схватил по одному аватару каждой рукой. Он крепко ухватился за талии Скай Рейкер и Блэк Лотос, примерно совпадавшие по объёму, а затем устремился вверх.

Сложившаяся ситуация очень напоминала ту, что возникла позавчера во время спасения Ардор Мейден с алтаря, за одним важным исключением — Черноснежка и Фуко с самого начала находились в двадцати метрах от земли. Другими словами, улетать в единственную безопасную сторону — вверх — было чуть проще, чем в прошлый раз.

Но тут всё вокруг начало заливать алым. Огненное дыхание Судзаку полностью изверглось. Харуюки начал ощущать ужасающий жар. Это пламя было способно моментально испепелить любого бёрст линкера, осмелившегося встать на его пути.

— Гх… о-о-о…

Харуюки стиснул зубы и начал изо всех сил взлетать вертикально вверх.

Что-то словно оцарапало подошвы ног, и шкала здоровья моментально лишилась свыше десяти процентов. Скорее всего, его задело не само пламя, а зона жара возле него, но Харуюки не смотрел вниз. Он продолжал возноситься к темно-синим небесам Города Демонов.

Ему нельзя сбиваться с курса. С обеих сторон моста действовала зона сверхгравитации, а над стенами замка была бесконечная невидимая стена. Это значило, что любое отклонение от маршрута заставило бы его моментально рухнуть вниз.

Он мог лететь лишь в одну сторону — строго вверх. Подниматься выше и выше, пока Судзаку не откажется от преследования. После этого останется лишь описать дугу и приземлиться у южного края моста…

Сквозь завывания ветра послышался шёпот Черноснежки у правого уха:

— Эх… как же с тобой тяжело…

Вслед за этим слева послышался насмешливый голос Фуко:

— Хе-хе… что-то подсказывало мне, что этим всё и кончится.

— Простите… когда мы вернёмся, я обязательно извинюсь! — ответил Харуюки то же самое, о чём подумал позавчера, а затем ещё сильнее взмахнул металлическими крыльями…

— А!.. — воскликнула Фуко.

Ощутив что-то странное недалеко от себя, Харуюки

посмотрел вниз.

Совсем рядом с ним была огромная фигура огненной птицы. Но почему? Ведь они были уже в трёхстах метрах от земли.

Выходит… Судзаку гнался за ними. Он совершенно забыл о том, что должен охранять территорию моста, и преследовал Харуюки.

Оставшийся глаз противника сузился в усмешке. В голове Харуюки раздался низкий голос.

«Глупец.

Твоим жалким перьям не одолеть мои крылья.»

Одновременно с этими словами Судзаку яростно взмахнул десятиметровыми крыльями. Его тело моментально ускорилось, и расстояние между ними начало сокращаться.

— Гх!..

Вновь переведя взгляд вверх, Харуюки попытался ускориться.

Но затем он заметил страшное.

Заполнившаяся в Замке до предела шкала энергии с огромной скоростью опустошалась. Но в этом не было ничего удивительного. Всё это время он летал на полной скорости то с Утай, то с Черноснежкой и Фуко, что тратило энергию в разы быстрее, чем обычно.

Но… если не лететь на полной скорости, Судзаку догонит их и убьёт. А воскреснут они точно внизу, прямо на алтаре. Несомненно, все они попадут в бесконечное истребление.

Вперившись взглядом в убывающую с устрашающей скоростью шкалу энергии, Харуюки быстро обдумывал варианты дальнейших действий.

Отпустить Черноснежку и Фуко? Не выйдет. Во-первых, они погибнут от падения с такой высоты, а во-вторых, Судзаку прикончит их прямо в воздухе.

Повернуть на юг и попытаться сбежать прямо сейчас? Не выйдет. Он всё ещё был целью Судзаку, и тот бы испепелил его огненным дыханием задолго до того, как он добрался бы до земли.

Попросить друзей атаковать Сильвер Кроу, чтобы восполнить его шкалу? Не выйдет. Любой урон приведёт к потере скорости и, следовательно, к попаданию под удар Судзаку.

Оставался лишь один выход — лететь.

Даже если у него кончится энергия. Даже если Брейн Бёрст решит, что дальше он лететь не должен. Он должен пробиться сквозь ограничения системы силой воображения, оверрайднуть свою неспособность к полёту и продолжить двигаться.

Образ. Образ истинного полёта.

Единственная значимая способность аватара «Сильвер Кроу»,

его способность к полёту, была воплощением моральных травм Харуюки в Ускоренном Мире.

Если точнее — желания сбежать от его жизни подальше. Оторваться от земли, полной неприятных вещей, отправиться в бескрайнюю высь, бесконечную даль. Отбросить все и уйти в мир, где есть лишь скорость света. И забыть обо всем.

Но…

Харуюки начал сомневаться в том, действительно ли это «полёт».

Ни одна птица не может не летать. Ради своих полётов они едят, спят и копят силы. Они живут ради полётов. И летают ради того, чтобы жить. Эти стороны жизни для них неотделимы друг от друга.

Но и люди, рождённые без крыльев, могут взлететь в реальном мире. Они могут стремиться к цели, выжечь в своём сердце желание преодолеть барьеры, создать в своей голове образ и двигаться вперёд шаг за шагом. Не смотреть вниз, не позволять недовольству вести их по жизни… лишь смотреть, не отводя глаз, в небо — туда, куда они стремятся попасть, и переставлять ноги. И те, кто могут так сделать, словно обретают незримые крылья и летят.

— Лети!.. — кратко вскрикнул Харуюки, сфокусировавшись на темных тучах неограниченного поля над своей головой.

Он не собирался лететь с помощью некоего числового параметра под названием «энергия для спецприёмов», позволявшего ему использовать некие «чешуйчатые крылья».

Он хотел лететь на крыльях, рождённых его сердцем, на крыльях воображения.

Когда-то, ещё когда Харуюки начинал обучение Инкарнации на вершине Старой Токийской Башни, Фуко сказала ему: «Возможно, однажды ты сможешь взлететь, используя исключительно силу Инкарнации. Но это займёт у тебя много, очень много времени».

По меркам бёрст линкеров, Харуюки едва начал освоение Инкарнации. Ему не хватало ни тренировок, ни опыта.

Но сейчас он должен взлететь. Ведь, в противном случае, ради чего он родился «Серебряной Вороной»?

Образ. Он должен вообразить его, истинный смысл полёта. Смысл отталкивания от земли и стремления в небо.

Перед глазами Харуюки словно промелькнула фигура маленькой зорьки, размахивающей белыми крыльями.

— Лети, Кроу! — послышалось справа от Черноснежки.

— Лети, Ворон-сан! — воскликнула слева Фуко.

Эти голоса влились в образ серебряного света, наполнявшего

Харуюки и собравшегося у лопаток. И Харуюки мысленным взглядом увидел, как сверкающие металлические чешуйки на спине Сильвер Кроу превращаются, оверрайдятся в настоящие «крылья», напоминающие крылья хищной птицы.

— У-у… о-о… о-о-о-о-о!! — взревел Харуюки в тот самый момент, когда шкала энергии окончательно опустела.

Но сила тяги, поднимавшая его в небеса, не ослабла.

Размахивая сияющими серебром крыльями, Харуюки изо всех сил прокричал название новой техники, словно всплывшее в его сознании:

— Лайт… Спид[9]!!

Весь мир перед глазами Харуюки залило сиянием. Он начал нагонять образ зорьки перед собой, и вскоре слился с ним в единое целое. Он вдруг ощутил невероятной силы ускорение, которому не мешали даже два аватара, которых он держал в руках. Тяжёлые облака «Города Демонов» становились всё ближе, а затем Харуюки без особого труда вошёл в них.

Пейзаж перед глазами стал равномерно-серым. Но тут снизу показался красный свет. Судзаку продолжал преследовать их. Он тоже двигался всё быстрее и быстрее. Два тела, оставляя за собой серебряный и алый следы, продолжали взмывать вертикально вверх в небо Ускоренного Мира…

Через несколько секунд мир перед глазами словно очистился.

Они оказались в бесконечном лазурном небе. Снизу было бескрайнее море облаков. Они были уже в сотнях, а может, и в тысячах метрах от земли. Но Харуюки лишь взмахнул крыльями ещё сильнее.

Послышался оглушительный рокот, и в море облаков

образовалась огромная дыра. Из её глубины показалась пылающая яростью гигантская птица. В его глазе читалась решимость испепелить осмелившегося вторгнуться на территорию незваного гостя любой ценой. Он летел так же быстро, как и перешедший на Инкарнацию Харуюки.

«Превосходно… давай, лети за мной!» — мысленно крикнул он, и вновь напряг Инкарнацию до предела, размахивая крыльями.

Цвета вокруг них постепенно менялись. Лазурный сменился темно-синим, а затем чёрным. Впереди начали загораться маленькие огоньки. Звёзды.

Где-то далеко справа мелькнула тонкая серебряная нить. Гермесов Трос. Низкоорбитальный космический лифт, летящий высоко в небесах Ускоренного Мира. Похоже, сейчас он как раз пролетал недалеко от Токио.

Наконец, скорость подъёма начала постепенно снижаться. Но это происходило не потому, что Инкарнация Харуюки слабела. Просто его крылья приближались к предельной высоте. Он мог создать себе крылья воображением и Оверрайдом, но до тех пор, пока он воображал себе именно крылья, он не мог летать там, где не было воздуха. А значит… они приближались к космосу.

Надвигающееся снизу пламя тоже начало замедляться. Вместе с этим в истончившейся атмосфере послышался и полный ярости рёв птицы.

Харуюки прекратил махать крыльями, продолжая подниматься исключительно за счёт инерции. Он посмотрел вниз и увидел, что пламя преследовавшего их Судзаку практически полностью угасло. Огню уже не хватало кислорода. Сквозь огонь проступили блестящие красные перья. Их кончики начали покрываться инеем…

— Это наш шанс! — воскликнула вдруг Черноснежка. — Кроу, отпусти нас! Рейкер, ты готова лететь?!

Харуюки рефлекторно отпустил аватаров, и они начали неспешно плыть по чёрному миру, почти лишённому гравитации. Фуко уверенно кивнула и повернулась к Черноснежке спиной.

— Конечно, Лотос!

— Отлично!

Блэк Лотос тут же ухватилась ногами за спину Скай Рейкер. Та неспешно развернулась, и из её Усиливающего Снаряжения, успевшего частично перезарядиться, показался голубой выхлоп.

— Идём! — кратко объявила Фуко, а затем включила двигатели на полную мощность.

Слившиеся в единое целое аватары начали на огромной скорости приближаться к парившему под ними Судзаку, оставляя

за собой длинный голубой след. Ураганные Сопла Скай Рейкер, в отличие от крыльев Харуюки, работали по принципу реактивного движения, позволяя ей летать даже в космосе.

Левый глаз Судзаку полыхнул невероятной яростью. Энеми расправил наполовину промёрзшие крылья и попытался напасть на них. Но как бы он ни размахивал крыльями, тело его не двигалось. Поняв, что летать не может, он раскрыл клюв, намереваясь испустить ещё одно огненное дыхание, но на разогрев горла ушло гораздо больше времени, чем на земле.

— Ты опоздал! — воскликнула Черноснежка, раскинула в стороны клинки рук, а затем отвела за спину, V-образно соединив их.

Харуюки никогда ещё не видел, чтобы она так двигалась. Клинки её загорелись бледно-голубым светом, похожим на сияние звёзд.

— Ха… а-а-а-а!.. — испустила она боевой клич, и аура сфокусировалась в нескольких точках на руках.

Точек было по восемь на каждой руке, шестнадцать в общей сложности. Превратив свои руки в подобие созвездия, Черноснежка произнесла величественным голосом, разнёсшимся по всему космосу:

— Старбёрст… Стрим[10]!!

Она начала с совершенно невообразимой силой выбрасывать клинки вперёд. И каждый раз с них срывалось по одной звезде, которая превращалась в метеор и поражала Судзаку. И при каждом попадании тело Харуюки содрогалось от невероятного грохота.

Судзаку, попавший под усиленный энергией движения Скай Рейкер звёздный поток, испустил пронзительный вопль. Из обнажившегося тела и крыльев вылетали бесконечные спецэффекты, свидетельствовавшие о получении урона. Пятиступенчатая полоса здоровья Судзаку, появившаяся перед глазами Харуюки, начала с огромной скоростью опустошаться.

— Сей… я-а-а-а!

Черноснежка не переставая сверкала клинками, выстреливая звезды. Десятый взмах. Одиннадцатый. В крыльях Судзаку уже образовались внушительные дыры, а кое-где на теле были видны и разрывы. Но пламя ненависти в его глазу не ослабевало. Несмотря на огромный урон, он упорно пытался извергнуть из своего клюва огненное дыхание.

— О-о-о! — рефлекторно взвыл Харуюки и занёс левую руку. Образ света сфокусировался в одной точке, превратился в световое копьё… — Лазер Ланс!

Похожее на луч света копьё пролетело справа от Черноснежки

и поразило Судзаку точно в левый глаз.

Начавшееся было дыхание дрогнуло, и Черноснежка, пользуясь шансом, испустила последнюю, шестнадцатую звезду. Она пролетела сквозь космос, словно комета, залетела в рот Судзаку и, коснувшись пламени, разорвалась сильнейшим энергетическим взрывом…

Весь мир словно окрасился красным.

Судзаку превратился в огненный шар такой огромный, что стал похож на второе солнце. А вслед за этим немыслимый поток энергии полился во все стороны.

Давление начало сдувать Черноснежку с Фуко, и Харуюки поспешил ухватить их руками. Он вновь перехватил их и принял порыв ветра на крылья, превращая его в тягу. Хоть и казалось, что Судзаку взорвался, у него всё ещё оставалась половина последней полоски здоровья. Беспечно приближаться к нему не стоило.

Харуюки облетел огненный шар по огромной дуге и взял курс на землю.

Огонь тем временем начал тускнеть, и сквозь него появилась фигура тяжело раненной птицы. В нём уже не осталось «божественного» величия, он лишь бессильно хлопал разодранными крыльями.

«Мы что, можем добить его?!» — на мгновение подумал Харуюки.

Но в следующее мгновение всё тело Судзаку окутал таинственный свет. Три ауры: белая, синяя и чёрная. Харуюки смотрел непонимающим взглядом, а ауры тем временем начали быстро залечивать раны птицы. Потерявшая 90 % своего начального запаса шкала здоровья также стала с огромной скоростью восполняться.

— Эх, а ведь я думала, что уж до космоса поддержка остальных Богов не достанет… — прошептала Черноснежка, заставив Харуюки вспомнить.

Энеми Ультра класса, Четыре Бога, охраняющие входы в Имперский Замок, связаны между собой. Если кто-то из них будет атакован и получит урон, остальные Боги, не находящиеся в бою, будут помогать ему, бесконечно восстанавливая здоровье.

— Незачем преследовать его, Харуюки, — сказала Фуко, и Харуюки кивнул.

Их сегодняшней задачей было не убийство Судзаку, а побег с его ареала. Харуюки взмахнул всё ещё покрытыми серебряным Оверреем крыльями, хватаясь за разреженный воздух, и начал снижение. Тьма вокруг них стала постепенно обретать оттенки синевы, а затем сменилась лазурным небом.

Вскоре они вернулись к глубокому морю облаков, пролетели

сквозь эту серую вуаль и возвратились в небеса «Города Демонов». Далеко внизу виднелся огромный замок, обнесённый по кругу стеной, и мост, тянущийся к югу от него. У южного края моста были три фигуры, отчаянно махавшие им.

В ста метрах от земли Харуюки перевернулся, перешёл на плавный спуск и приготовился к приземлению. Он аккуратно подстраивал свой курс, стараясь не покидать ширины моста, и уверенно приближался к поверхности. Вскоре у него получилось разглядеть металлические панели, из которых он был сделан. Затем они стали отчётливее…

И, наконец, ноги Харуюки, Черноснежки и Фуко коснулись земли.

Они приземлились на южном конце моста, в метре от той линии, где заканчивался ареал Судзаку.

Перед ними стояли три улыбающихся аватара. Миниатюрная жрица Ардор Мейден, стоявшая справа, протягивала к ним руки — судя по всему, Тиюри уже успела вылечить её своим спецприёмом.

Харуюки, Черноснежка и Фуко шагнули вперёд. Затем ещё раз. Наконец, на третьем шаге они покинули территорию моста.

Такуму и Тиюри тут же синхронно произнесли:

— С возвращением.

В ответ послышалось дружное:

— Спасибо.

А затем они сделали ещё один шаг вперёд…

И аватары крепко обнялись — Харуюки с Такуму, Черноснежка с Тиюри, Фуко с Утай. Одновременно с этим в алтарь ударил прилетевший сверху столб красного света и исчез в земле.

И это самое мгновение поставило окончательную точку в «операции по спасению Ардор Мейден» легиона Нега Небьюлас, перешедшей в «операцию по побегу из Имперского Замка».

Глава 11

Когда погас Оверрей, крылья Харуюки вновь стали чешуйчатыми. После этого они автоматически сложились на лопатках. Харуюки мысленно поблагодарил их, а затем обвёл взглядом друзей.

Все они широко, но мягко улыбались, словно понимая, что сокрытое зеркальной маской лицо Харуюки было в слезах. Но сейчас ему не хотелось смущённо опускать голову. Потому что перед ним стояла и улыбалась жрица, служившая живым доказательством того, насколько невероятный подвиг они совершили.

Да, спустя два года заточения у южных врат Имперского Замка на неограниченном нейтральном поле, Ардор Мейден, «Пылающая Жрица», оказалась на свободе. Ей оставалось пройти каких-то сто метров на юг, к треугольному зданию (соответствующему столичному полицейскому управлению в реальности), и зайти в расположенный у входа «портал», чтобы самостоятельно вернуться в реальный мир.

— Ты сделал это, Хару, — сказала Лайм Белл, продолжая улыбаться.

Харуюки посмотрел на прозрачные капли в её глазах и не без труда ответил:

— Да… спасибо, Тию. Спасибо всем вам…

Сказав это, он расслабился так сильно, что едва не свалился на землю, но успел спохватиться. Отдыхать ещё рано. Оставалось ещё два задания.

Во-первых, очищение Харуюки от поселившейся на нём Брони Бедствия. После него он, наконец, сможет жить без страха перед тем, что Шесть Королей объявят его преступником. И это очищение, наконец, разорвёт вечный цикл страданий.

Во-вторых, после очищения от брони ему предстояло пройти обучение Системе Инкарнации на пару с Аш Роллером у его «родителя», Скай Рейкер. Харуюки даже представить себе не мог, как воплотится Инкарнация Аша. Наверняка получится что-то эффектное и вычурное…

— А… э?

И в этот момента Харуюки, наконец, заметил, что скелетной маски постапокалиптического гонщика рядом с ним нет. Вытерев застлавшие глаза слезы, он повернулся к Фуко и спросил:

— А где Аш? Вы ведь должны были добраться сюда из Сугинами вместе с ним, разве нет?.. Он что, сбежал, как только показался Судзаку?..

Слова его более чем на две трети были шуткой, но Фуко даже не улыбнулась. Более того, она вдруг прикусила губу, а лицо её приняло обеспокоенный вид.

— На самом деле… мы так и не смогли встретиться с ним.

— Э… о чём ты говоришь?..

Аш Роллер, находящийся в реальном мире на подземной парковке под домом Харуюки, должен был погрузиться на неограниченное нейтральное поле из машины Фуко. Горизонтальное расстояние между точками погружения было практически нулевым. Не увидеть друг друга у входа в здание крайне трудно.

Происходящее пояснил Такуму, не дав Харуюки окончательно запутаться:

— Тут дело вот в чём, Хару. Мы нашли у входа отпечаток шин мотоцикла Аш Роллера, но его самого не было. Мы прождали почти час, но он так и не появился…

— Отпечаток шин?.. То есть, он не дождался вас и поехал к Замку сам, но потерялся по дороге?..

— Нет… это очень маловероятно, — сказала Фуко и покачала головой. — Он должен прекрасно знать дорогу от Сугинами к императорской резиденции. Кроме того, на Уровне Демонов дороги очень хорошие и отчётливые, заблудиться на них почти невозможно.

— Кроме того, Харуюки. Мы попытались пройти вдоль следов от шин, но они упорно вели на юг, — тихо добавила Черноснежка, сложив руки-клинки на груди.

И вот это действительно было странно. Императорская резиденция находилась к востоку от Сугинами, и следы должны были повернуть очень быстро.

И тут…

В голову Харуюки закрались такие подозрения, что у него спёрло дыхание.

Да, Аш Роллер часто действовал по наитию и прихоти, но он ни за что бы не нарушил данное им же обещание. Более того, встретиться он должен был, в том числе, и со своим родителем и учителем, Скай Рейкер. Вряд ли он погнался на мотоцикле в погоню за каким-то лёгким Энеми, которого заприметил вдали.

А значит… что-то случилось. И, скорее всего, это что-то случилось ещё тогда, когда он ждал на подземной парковке. Что-то настолько срочное, что заставило его сорваться с места, не дожидаясь Фуко и остальных. А затем там, куда он ехал, случилось ещё что-то.

С момента погружения Харуюки и остальных на неограниченное нейтральное поле прошло уже два с половиной

часа. Но если Аш погрузился хотя бы на минуту раньше них, то он уже должен был быть на поле больше десяти часов.

— А-а-а… я пойду искать его!

Подгоняемый неописуемым беспокойством, Харуюки вновь расправил металлические крылья. Космический бой с Судзаку восполнил шкалу энергии, и Харуюки с лёгкостью оторвался от земли.

— Харуюки, в одиночку идти слишком опасно! Я пойду с тобой…

— Не переживай, я вернусь, как только что-нибудь выясню! Подождите меня у портала полицейского управления, я скоро буду! — прервал он пытавшуюся остановить его Черноснежку, продолжая взлетать.

— Хару… у тебя есть час. Потом мы выйдем и выдернем твой кабель! — ответила на его слова Тиюри.

Харуюки натянуто улыбнулся, крикнул: «Понял, спасибо!», и взлетел ещё выше.

Если Аш Роллер направился на юг из Сугинами, то от Имперского Замка нужно лететь на юго-запад. Даже на пятидесятиметровой высоте взгляду Харуюки мешали высокие здания «Города Демонов». Он поднимался всё выше, постепенно начиная лететь вперёд.

Двигался он на юг от Замка — через Касумигасеки, Акасаку и Аояму. Он продолжал всматриваться в окрестности, но замечал лишь небольших Энеми. Он был бы рад встретить группу охотников, чтобы спросить у них об Аше, но, увы, по будням людей играло не так много, и ему так и не удалось уловить звуков боя.

До ушей доносился лишь шум проносившегося по уровню ветра. Но эта тишина только усиливала беспокойство Харуюки. Он старался лететь в максимально экономичном режиме, но шкала энергии неумолимо убывала. Вместе с этим он понимал, что свою новорождённую технику «Скорость Света» он с таким тяжёлым сердцем применить не сможет.

— Ладно, придётся так… — решил Харуюки и вновь начал набирать высоту, рискуя быть обнаруженным с земли.

Вскоре он уже добрался до Харадзюку. Впереди был парк Ёёги, а к югу от него начиналась Сибуя.

И тут он увидел это.

Он увидел свет, доносившийся с самого центра крупного перекрёстка, расположенного у большого здания. В реальности это наверняка храм Мейдзи, а значит, это перекрёсток улиц Мейдзи и Иногасира. Он попытался разглядеть происходящее, но не заметил на перекрёстке ни Энеми, ни бёрст линкеров. Однако

Харуюки всё равно решил на всякий случай спуститься.

Он очень осторожно приземлился и подобрал с земли блестящую вещь, блеск которой и заметил.

С первого взгляда трудно догадаться, для чего предназначался этот объект. Это небольшой серебристый диск диаметром примерно четыре сантиметра, на поверхности которого располагалась прозрачная полусферическая линза оранжевого цвета. С другой стороны диска торчал тонкий обломанный стержень.

— Что это такое?.. — пробормотал Харуюки, прокручивая в руке неизвестную деталь. Слабый свет «Города Демонов» периодически отражался с оранжевой поверхности диска, попадая в глаз Харуюки.

И тут понял.

Это был поворотник мотоцикла. Это та самая деталь, с помощью которой Аш Роллер сегодня утром обвёл Харуюки вокруг пальца в ходе их битвы на Седьмой Кольцевой.

В отличие от обычных дуэльных полей, отломавшиеся куски экипировки на неограниченном нейтральном поле могут существовать весьма долго. Скорее всего, Аш Роллер попал в аварию, проезжая через этот перекрёсток, в результате чего поворотник и отломился. Харуюки огляделся, ища подтверждения своей догадке, и, действительно, на стене здания с южной стороны перекрёстка можно заметить чёрные отпечатки — следы повреждений.

Атаки шла с севера на юг. Выходит, Аш выехал с Седьмой Кольцевой на улицу Иногасира и ехал по ней, но на этом перекрёстке кто-то атаковал его с севера, заставив свернуть на юг?

Всё ещё сжимая в руке поворотник, Харуюки вновь оттолкнулся от земли. Если бы копившееся в нём беспокойство было жидкостью, она бы уже подбиралась к его горлу.

Он летел на юг вдоль улицы Мейдзи как можно экономнее. Уже через двадцать секунд в глаза ему бросилась очередная деталь, и он приземлился, чтобы рассмотреть её.

Над назначением этой детали думать не пришлось ни секунды. Это была втулка, соединённая тонкими спицами с колёсным ободом. Рядом лежала толстая колёсная резина. Судя по ширине резины — это переднее колесо мотоцикла.

Вокруг Харуюки вновь заметил чёрные следы атак. Похоже, что на этом месте мотоцикл лишился переднего колеса, но Аш поднял свою машину на дыбы и поехал дальше. Но вряд ли он мог уехать в таком состоянии далеко.

— Аш!.. — хрипло воскликнул Харуюки и посмотрел на юг по

дороге.

И в этот самый момент он услышал вдалеке звук удара.

Метрах в ста от него стена одного из зданий на мгновение окрасилась зелёным. Это не свет искры, не взрыв, и не спецэффект атаки. Этот спецэффект мог означать только одно: смерть дуэльного аватара.

— !..

Харуюки принялся бежать. Дорога сворачивала налево, так что он быстро переключился на полёт, чтобы перемахнуть через здание. Летел он совсем рядом с парком Миясита в Сибуе. Как только перед Харуюки вновь показалась дорога, он сильно вздрогнул, а крылья его тут же напряглись, переключив его в режим парения в двадцати метрах от земли.

Повсюду разбросаны безжалостно растерзанные детали, бывшие когда-то мощным серым мотоциклом: шина, двигатель, рама, глушитель…

Чуть дальше кольцом стояли шестеро бёрст линкеров. Среди них не было ни друзей Харуюки, ни даже тех, кого он мог назвать знакомыми. Все они испускали бледную тёмную ауру, Оверрей Инкарнации. И источниками её были «глаза» в груди каждого из них. ISS комплекты.

А в центре, окружённый ими, корчился на коленях ещё один бёрст линкер.

Блестящий кожаный гоночный костюм. Щитки на плечах и коленях. Шлем на голове с маской скелета…

— Аш?.. — с трудом выдавил из себя Харуюки едва слышный голос.

Всё тело Аш Роллера покрывали глубокие раны. Но он не двигался не потому, что получил слишком много урона. Он всем своим телом защищал крохотный огонек, лежавший на дороге.

Этот светло-зелёный свет был «маркером», меткой, которую оставлял бёрст линкер после своей смерти на неограниченном нейтральном поле. Скорее всего, этот огонёк появился здесь лишь несколько секунд назад, после того самого спецэффекта смерти, что заметил Харуюки. Цвет тоже был знаком ему. Он принадлежал «брату» Аш Роллера, Буш Утану.

И в этот момент Харуюки осознал, что именно происходило в то время, пока они с Утай пробивались к выходу из Замка.

Скорее всего, все произошло так:

Пока Аш Роллер ждал семи часов в реальном мире, сидя на парковке, он смотрел какую-то дуэль в роли зрителя. Там он встретился с Буш Утаном, который либо сражался на дуэли, либо, как и он, сидел на зрительской галёрке. Ему удалось убедить Буш Утана погрузиться в то же самое время на неограниченное

нейтральное поле и встретиться с ним, чтобы он, как брат, смог сообщить ему нечто важное.

Вероятнее всего, они договорились встретиться где-то в Сибуе. Аш собирался привезти Утана на встречу с Нега Небьюласом, поэтому погрузился чуть раньше и направился в Сибую.

Но время и место встречи не остались втайне — кто-то из владельцев ISS комплектов (возможно, кто-то из зрителей той же дуэли) прознал о планах Аша. Поэтому несколько владельцев комплектов решили устроить засаду у храма Мейдзи, собираясь поохотиться на Аша и Утана. Мотоцикл Аша принял на себя неожиданные удары тёмной Инкарнации. Гонщик попытался сбежать, но, в конце концов, его машина была окончательно уничтожена. Но и это ещё не всё. Если предположить, что Аш с Утаном погрузились чуть раньше и пробыли здесь больше десяти часов, то… скорее всего, они оба уже успели умереть далеко не раз.

Уничтоженная на неограниченном нейтральном поле экипировка не восстанавливается после воскрешения аватара — необходимо покинуть поле и снова зайти на него. Если Аш Роллер умрёт и воскреснет через час, он всё равно останется без своего мотоцикла, в котором и был сосредоточен почти весь его потенциал.

Другими словами, эти шестеро бёрст линкеров, обступившие умирающего Аш Роллера, просто издевались над ним, пользуясь тёмной Инкарнацией ISS комплекта.

Они убивали его снова, и снова, и снова, и снова, и снова…

— У… а-а… — хрипло обронил продолжавший парить в воздухе Харуюки.

Но его никто не заметил. Один из шестерых бёрст линкеров выступил в сторону скорчившегося на земле Аш Роллера. Это аватар среднего размера без каких-либо особенностей за исключением весьма массивных рук. Харуюки казалось, что он уже видел где-то этого аватара, но не мог вспомнить имени.

— Теперь… мой черёд. У тебя… ещё остались очки? — тихо произнёс аватар, а затем схватил шлем Аш Роллера рукой, истекающей вязкой чёрной аурой.

Послышался глухой звук, и фирменная маска Аш Роллера разлеталась на части.

На месте шлема показалась на удивление хрупкая для такого персонажа голова мальчика, и нападающий аватар тут же ухватился за неё.

Аш Роллер всё ещё упорно пытался прикрывать собой маркер Утана, и от земли его пришлось отрывать силой. Его лицо с силой

развернули, и тут Аш заметил зависшего над крышей здания Харуюки.

Бледно-зелёные линзы на мгновение удивлённо распахнулись… а затем Харуюки заметил на лице Аша слабую улыбку. В голове Харуюки послышался слабый, прерывающийся

голос, когда-то звучавший громко и нахально:

«Хе-хе… ну и растяпа я. Прости меня, Кроу… я не оправдал ваших с учителем чувств…»

Глухой звук. Левая рука нападавшего аватара глубоко вонзилась в грудь Аш Роллера.

В небо поднялся столб серого цвета, и от его стройного аватара не осталось даже ботинок.

Нападавшего аватара осыпало осколками, но тот сразу полез в меню и утвердительно кивнул.

— О, ещё один раз и можно переходить на следующий уровень. Надеюсь, он не успеет к тому времени сдохнуть.

Тело Харуюки вздрогнуло с такой силой, словно его разрывало на части. Напряжённые до предела суставы заскрипели, а стиснутые зубы отчётливо заскрежетали. Голос, доносившийся из его горла, звучал как никогда низко и подавленно:

— А… а-а-а… а-а-а-а…

Его тело словно начала наполнять ледяная жидкость. Но она вполне могла быть и расплавленным железом. Важно было то, что сокрушительной силы чувство начало течь по его жилам, замещая собой кровь.

И это была ярость.

Гнев. Гнев такой силы, что окрашивал мир вокруг него в красный. Злоба чернее ночи. И жажда убивать.

— А… а-а, а-а-а-а-а…

Звон.

Пронзительный металлический звук раздался со стороны рук Харуюки. Тонкие пальцы Сильвер Кроу вдруг превратились в крупные, мощные, загнутые, хищные когти. Изменился и их цвет. Блестящий зеркально-серебристый стал тёмно-хромированным.

«Нет!..

Ты не должен идти на поводу у этих чувств! Иначе ты потеряешь самого себя!..»

Послышался далёкий, бесконечно далёкий голос. Но сознание Харуюки уже не слышало его тихого звучания.

Звон всё продолжался, а руки Харуюки начали покрываться хромированной бронёй. Затем ноги. Броня была зазубренной и выглядела гораздо более злобной и демонической, чем та, которую он призвал во время гонки по Гермесову Тросу.

Вместо женского голоса послышался другой — искажённый, металлический, наполняющий сознание целиком:

«Я — это ты. Ты — это я.

Спустя столько времени я, наконец, возрождаюсь. Я — Бедствие. Я — Армагеддон. Я — тот, кто пробьёт в колокол,

возвещающий о конце этого мира.»

Это был тот же голос, что Харуюки слышал в реальном мире на заднем дворе Умесато, но звучал он совершенно по-другому. В нем не было боли. А значит, это был не Оверфлоу, вызванный негативной Инкарнацией. В этот раз Харуюки сам вызвал его. Он сам желал слиться с ним в единое целое.

И их голоса зазвучали вместе.

«И имя мне…»

— Хром Дизастер!!

Раздался лютый рёв кровожадного монстра, жаждущего бойни. В левом верхнем углу молнией вспыхнули фиолетовые буквы:

«YOU HAVE EQUIPPED ENHANCED ARMAMENT “THE DISASTER”».

Живот и грудь Харуюки начали с грозным звоном покрываться демонической броней. Из спины вытянулся длинный острый хвост, а крылья начали принимать форму оружия.

Гладкий круглый шлем полностью накрыл визор, похожий на череп дикого зверя. Мир накрыла серая пелена.

В небе «Города Демонов» вихрем закрутились облака. Из центра вихря в протянутую правую руку Харуюки ударила рокочущая чёрная молния.

Молния остановилась в его ладони и начала превращаться, принимая форму длинного меча с блестящей чёрной рукоятью и зловещим заточенным клинком. Когда-то, давным-давно, это Усиливающее Снаряжение называлось «Звездомётом».

Теперь же он стал частью Бедствия, Артефакта, притаившегося возле шестой звезды «Мицар». Частью восьмой звезды большого ковша…

Харуюки широко размахнулся демоническим клинком и проревел:

— Гр-р… а-а-а-а-а-а!!!

Этот клич, полный бесконечной ярости, злобы, и немного отдававший печалью, разнёсся по небесам Ускоренного Мира.

(Продолжение следует)

Послесловие

Здравствуйте, это Кавахара Рэки. Спасибо, что прочитали «Accel World 8: Двойная Звезда Судьбы».

Главным словом в этом томе стало немного расплывчатое понятие «силы воображения». Поскольку мне кажется, что не все читатели поняли, о чём идёт речь, я попытаюсь прояснить это здесь.

Я считаю воображение величайшей способностью человека. Дело в том, что это единственная сила, у которой результат не пропорционален затраченным ресурсам — сознание может творить из ничего.

Что-то у меня опять не очень понятно вышло. Короче, смысл в том, что, возможно, воображение важно и эффективно не только в искусстве, литературе, науке, спорте и так далее, но и в повседневной жизни. Например, у всех нас в жизни есть не только радости, но и горечь, и печаль, так? Мне кажется, что если мы заранее готовимся к встрече с ними, воображаем их и продумываем свою реакцию, то и энергии тратим меньше, и эффекта можем добиться другого.

Каждое утро, когда я составляю план на день, я воображаю все моменты, которые могут пойти не так, и то, что буду в таких случаях делать. Конечно, я не знаю, помогут ли мне все эти раздумья, но они придают мне решимости в тот момент, когда я начинаю работать. Сегодня я, например, иду к стоматологу и усиленно воображаю звук бормашины!

В этом томе Харуюки использует силу воображения, чтобы помочь себе во время баскетбольного матча. Конечно, это немного утрированный момент, но я не думаю, что это такая уж неправда. Я и сам человек, сильно не дружащий с физкультурой, но когда я еду на полной скорости на велосипеде, то, в зависимости от того, воображаю ли я своё дыхание и кручение педалей или нет, чувствую себя совершенно по-разному. Правда, Система Инкарнации из-за этого не включается, и 60 км/ч я гнать не начинаю. По крайней мере, пока. Короче… текст опять получился невнятный и непонятный, но попробуйте и сами что-нибудь представить! И простите, что я опять не закончил арку! В следующий раз закончу непременно! Честно!

Вновь прошу прощения у редактора Мики (бывшего баскетболиста) и иллюстратора HIMA за то, что я так долго возился с томом! Уважаемые читатели, каким бы тяжёлым ни было это время, давайте держать в голове образ будущего и идти

к нему вместе!

14 апреля 2011 года, Кавахара Рэки

Послесловие команды

Arknarok

Всем доброго и приятного утра. С вами снова веселый уголок тормознутых балбесов, отвечающих за релизы ускорки.

Если 7 том мы завершили быстро и бодро, то 8 затянулся на субъективно неприличный срок. В день релиза 7 тома я сказал, что 8 том займет не меньше двух недель, за что получил несколько недовольных ответов от коллег. Дело в том, что на момент выхода 7 тома 8 уже так глубоко ушел в работу, что некоторым казалось, будто его можно будет релизить буквально на днях.

Реальность, впрочем, оказалась на моей стороне, и работа шла весьма и весьма неспешно. Несмотря на то, что начали мы работу по редакту не с нуля, закончилась она примерно за то же время, что и работа над остальными томами. Вот поэтому я и стараюсь не давать точных сроков.

Ну, хватит нытья, давайте поговорим о самом томе.

Имперский Замок, впечатляющие PVE битвы буквально космических масштабов, настолько же буквально феерическая дуэль Аша и Кроу, углубление в тайны Брейн Бёрста… о-о-о, в 8 томе было что почитать! Кажется, будто в один том вошло все то, что Рэки задолжал нам по двум предыдущим.

В прошлый раз я разговорился на тему названий томов, в этот раз я хочу поделиться своими мыслями о длине арок. Ни для кого не секрет, что Рэки — наглый обманщик в том, что касается «в следующем томе окончание арки!», но определенная доля правды в его словах есть. Мне действительно кажется, что эта и следующая арка изначально не предназначались для такого растягивания. Если подумать, то в 6–9 томах огромное количество ненужных деталей: Хоу, заражение Такуму, баскетбол, закладывающие почву под следующую арку сцены из 9 тома… заметьте, я не говорил, что это **плохие** детали (вышеупомянутые сцены из 9 тома — имхо, лучшее, что в нем вообще есть), но все они чертовски отвлекают от истинной сути происходящего. Арка могла бы закончиться за 3, а может, и за 2 тома! А уж насколько растянутой окажется следующая…

Сложно сказать, почему так происходит. Возможно, начальники Рэки просят его как можно сильнее растянуть историю. Возможно, в его собственном оправдании «на таком этапе произведение обретает свою жизнь, и его уже трудно

заставить идти в каком-то направлении» есть рациональное зерно. Возможно, Рэки просто не хватает умения писать сосредоточенно. Ясно одно — пусть он и извинился за свое неумение заканчивать истории, этот недостаток продолжит досаждать нам и впредь.

Уф, что-то я разошелся, пора бы и честь знать. Несмотря на то, что редактирование 8 тома сопровождалось порой суточными затишьями в конференции, я все равно считаю, что все мы неплохо поработали. Аметрин героически победил деньрождественский запой (шоб я так праздновал), Саунд невероятным усилием воли отрывал себя от DyingLight, Мохнат как всегда изображал цундере-эдитора, Элберет болел душой за проект, а Резель… нет, даже я не знаю, что он делает у нас в команде.

До скорой… может, в этот раз не такой уж и скорой встречи. Близится конец арки Брони Бедствия…

Soundwave

Всем привет. Так как остальные слоупочат с послесловиями, а мне в этот раз не с кем препираться, в этот раз стену текста писать не буду (наверное).

Что ж, последняя треть этого тома (и начало следующего), пожалуй, занимают топ 3 в моём списке любимых сражений ускорки. И я не сомневаюсь, что вам понравился этот экшн. Я ведь не зря не написал в примечании к старбёрстстриму «да, тот самый из сао»? Вы ведь ставили под этот момент Swordland?:3 Насчёт деталей об арке от Арка соглашусь, но, пожалуй, добавлю пару слов. Мне эта арка затянутой почему-то не показалась. Не знаю, может быть, это потому что мне и баскетбол, и тренировки инкарнации, и завязка к следующей арке нравятся больше, чем прятки в кустах по замку… Не нравится только одно — что все эти подробности всё же занимают огромный кусок повествования, в то время как внутреннего времени прошло всего ничего, по сути — две недели.

Ладно, сегодня я должен быть немногословен, так что спасибо всем-всем, а ещё Резу за исправление мыла (не буду уточнять, а то ещё поймёт кто…).

Кстати говоря, 18-й том анонсирован на лето (рекомендую ждать в августе). А это значит, что вы, скорее всего, прочитаете его уже в онгоинге, если, конечно, релизы внезапно не задержатся.

P.S. А я предупреждал, что будет ломка, хе-хе. Зато могу

подбодрить — тех, кто прочитали том на английском, ломать будет дольше. А меня ломать будет до самого августа, будь этот Рэки неладен, ибо снова оборвал на самом интересном >__<

P.S.S. И никто теперь не скажет, что это я затягиваю релиз, мухехе~

Ametrin

Я стекл как трезвышко… Ой, это не отсюда!

Всем трям, с вами на проводе главный злодей всех задержек (шучу, Мохнат меня так и не обогнал ~мвахаха).

Я хотел что-нибудь написать по поводу восьмого тома, но понял, что все события 6–8 томов у меня в голове перемешались и я уже не помню какое событие когда было >_< Ну и ладно. Главное, что как коллеги и обещали, всякий дочитавший до послесловия читатель словил дикий клифхенгер! Я не злорадствую. Пхаха! Не, я серьёзен.

А теперь хорошие новости. Их немного. Например…ммм… Вы не словите клиффхенгер в 9 томе. А ещё я уже активно занимаюсь этим самым девятым томом. А ещё Арк был в Амстердаме и… Тьфу, это тоже не отсюда.

Что-то не получаются у меня стены текста как у коллег… поэтому благодарности.

Сначала коллеги.

Огромная благодарность Арку за Амст… за перевод, пинки, мотивацию, рассказы про… (кхм, забыли).

Саунд, бро, огромная благодарность! Ты единственный поддержал меня, когда я собирался ускориться (как звучит-то в рамках сабжа).

Спасибо Мохнату. Ты хоть и ленивый, хоть и не смог меня догнать, и к моменту написания этого послесловия до сих пор работаешь над картинками, но работа в итоге у тебя на 5+ получается. Респект. (А ещё кое-кто обещал мне архив картинок распикселизовать, если вы понимаете о чём я).

Спасибо Резе-няну (я честно хотел написать твоё имя полностью, но я постеснялся его уточнить) за помощь в решении спорных и сложных ситуаций с редактом, за помощь Мохнату (это он и научил всех в конфе тыкать Мохната в мыло: D). Хотя я правда до сих пор не понял, почему ты с нами тусишь в конфе…

Спасибо Элберету за сканы, с которыми работают Мохнат и Резе-нян. Ты с нами в конфе не тусишь, поэтому я мало что могу о тебе и тебе сказать…

Благодарности для друзей не из проекта.

Спасибо группе с курсов по информатике, которая выпустилась у меня 7 февраля. Артём, Мария, Андрей — отдельное спасибо. Вы самые активные ученики в группе, всегда задавали вопросы и активно участвовали в занятиях, ну и единственные кто досиживал эти занятия до конца. Это меня мотивировало. Ещё раз спасибо и удачи на ЕГЭ!

Спасибо коллегам из DI, которые, вопреки моим стараниям скрыть дату моего ДР, всё равно смогли её узнать и поздравить меня.

З.Ы. Ну и скоро День св. Валентина. Девчонки, никому двадцатитрёхлетний редактор не нужен?:D

З.З.Ы. И не бухал я! Праздничный запой — просто перевстречался со всеми друзьями из разных компаний:)

Бессмертная злобная кошкодевочка — переводчица — око_саурона Резель нян — нян

На связи бессмертная злобная кошкодевочка — переводчица — око_саурона Резель нян — нян. Я просто мимкрокодил, чтобы эти бездари не забывали, как записывать мой ник. Упоротость в этот раз зарезервирована для двух томов детей, так что обойдетесь.

PS Мохнат, «Убей мыло! Спаси скан!»

Элберет

Всем привет. Элберет-дес.

Вот и ещё один том отредактирован. Опять пройдены 5 кругов ад… ой, пардон — редактирования, иллюстрации отсканированы и проведена их обработка. Вся команда очень хорошо постаралась. Пусть по мере проработки перевода градус упоротости то нарастал, то понижался (кутерьма с датой выхода тома вообще заслуживает отдельного эссе). Ну всё сие уже дело прошлого. А пока что…

А пока что я, как и обещал, расскажу вам о продолжении моей эпической работы по перегонке иллюстраций в электронный вид. А именно уже о самом сканировании. С этим… тоже была целая эпопея.

1) Всё началось за несколько дней до Нового Года. Когда был разорван тот шестой том ранобэ. В дело пошел мой сканнер. Что нам потребовалось для сканирования? Черная ткань — 1 штука, сами оторванные иллюстрации — комплект 1 тома, пачка бумаги

А4 не раскрытая — 1 штука. Черную ткань спи……взяли у старого батькиного ноутбука. Там в комплекте шла, чтобы клавиатуру накрывать, когда монитор закрываешь. А? Что? Зачем вообще нужна ткань и пачка бумаги? Всё просто — иллюстрации надо накрыть черным фоном (чтобы ничего лишнего не передавалось в комп, да и у мохната идет заморочка со слоями, поэтому ему нужно, чтобы всё было на черном фоне). А пачка бумаги нужна просто для того, чтобы придавить всю эту фигню к стеклу сканнера. И… началась веселуха. Эта падла (ну сканнер) сам выбирает, что ему обрезать! Он, короче говоря, видит черный фон и обрезает его! И это никак не исправить. Нет у моего долбанутого сканнера предпоказа, чтобы самому выставлять границы сканирования. Короче пришлось изощряться — по краям обкладывать белой бумагой, чтобы он видел этот фон и не обрезал. Причем появилась другая проблема… Сканить нужно в двух форматах: 300dpi и 600dpi. С меньшим разрешением всё норм. А вот с большим… Прога сканнера после сканирования перегоняет сразу же в pdf. Ppp… Ну лан, смог найти промежуточное звено, когда сосканированный файл ещё лежит в формате bmp, и вот именно его мне пришлось дополнительно копировать, пока его прога не загнала в pdf. Веселуха перед НГ…

2) Ладно… НГ прошел. А ещё тогда, когда посылка ещё только шла ко мне в Севск, я поговорил с одним знакомым, который у нас в Архе устраивает аниме-фестиваль. Он мне сказал, что у него есть знакомый в библиотеке Арха, и что там стоит офигенный сканнер, через который можно будет всё это дело перегнать. И вот, опосля праздников мы пошли туда. Я когда его увидел… Как бы вам этот агрегат описать… Короче стоит стол размером метр на два, на краешке стола стоит комп, а рядом с ним почти ВО ВЕСЬ СТОЛ стоит ахрененная махина, которая может отсканить аш формат А2. Причем очень интересно работает. Обычно, вам приходится ложить документ на сканирования на стекло сканера, закрывать крышкой ну и сканировать. Тут всё иначе… Вы кладете документ на подвижную платформу, нужной стороной для сканирования ВВЕРХ. Именно наверху стоит прибор, который и считывает всю информацию с листа и перегоняет всё в электронный формат. Веселая махина короче. Но вдруг выяснилось (внезапно так), что эта махина перегоняет лишь ч/б. А цветное — мимо… Мдэ… Вясело… Ну ладно, нашли в этой библиотеке другой сканнер (обычного типа), который получше моего, и все цветные иллюстрации перегнали на нём. Пришлось, правда, из библиотеки временно забрать темный фон, и также найти книжку, чтобы всё это придавливать. Но качество у этого сканера действительно лучше, да и цвета

неплохо передает. А потом я пришел опять работать на той ч/б махине. То, что эта падла также обрезала как хотела, а также не «видела» вообще саму иллюстрацию — это отдельная тема. Ну отсканил с горем пополам. Четыре тома(6–9) были отсканированы в тот день. Почему снова сканировался шестой том? Ну… чтобы получить лучшее качество.

3) То, что именно из 7 тома я забыл отсканить одну сторону иллюстраций — вообще отдельная тема. А на дворе скоро выкладывание именно 7-го тома… Ппц… В след. выходные сходил и отбил эти несчастные 2 страницы. Потом в экстренном порядке по wi-fi вышел на мохната и скинул ему эти несчастные 2 скана. В те выходные и был релиз 7-го тома… Ну это так мелочи. Выяснилась очередная проблема. Эта махина в итоге выдает сканы ХУЖЕ качества, чем у меня на домашнем принтере. Как так-то? Ну ппц… Короче отсканил ч/б иллюстрации лишь 10 тома, но зато цветные иллюстрации перегнались в электронный вид с 10 по 15 тома.

4) Притаранил к себе домой в Севск. Оказалось, что я ч/б иллюстрации 6 тома под НГ неправильно сканировал. Нужно было в настройках выбирать сканировать всё в gray color. Мдэ… ну я и нубло был тогда. Короче пересканил со всеми нужными настройками 10 том, сравнил с тем, что получилось с той махины из библиотеки, поговорил с Мохнатом и в итоге мы оба поняли: мой сканнер делает ч/бшки лучше.

Что в итоге? Цветные иллюстрации сканируются на том сканнере в библиотеке, так как они лучше передают цвета. А вот черно-белые иллюстрации сканируются у меня дома в двух разрешениях. Впоследствии всё передается Мохнату на растерзание. Как-то так… Вот так и была основана наука сканирования. Путём проб, ошибок, сравнения, кучи матов, какого-то непонятного чая в библиотеке (но вставляет он НЕПАДЕЦКИ), а также где-то 6–8 версий одного скана чисто для сравнения, чтобы понять как лучше сканить.

И вот том закончен. Где-то во время его редакта у Аметрина был День Рождения, так что снова поздравляем тебя! Ждем более оперативной работы над Акселем. Хы-хы… Саунд — ты тоже не плошай. Мохнат… удачи тебе в войнах с мылом в глазах, ну и тому прочем. Резель, спасибо тебе за помощь Мохнату с выработкой иллюстраций. Да и вообще за главного по упоротости. Арк… финальная проверка всегда за тобой. Спасибо тебе за изначальный текст, ну и за финальную проработку текста. Также спасибо за то, что помогаешь мне с выверками в моих ранобэ, при сверке с японским оригиналом. Надо учить яп самому…

… Чет Элба разошлась. Ну да ладно, ведь это, мб, моё финальное послесловие в Акселе. Ибо… Больше ничего глобального писать не придется. Жаль… Ну да ладно. Господа читатели! Я надеюсь, что вам понравился этот том, а также иллюстрации, в которых и я, и Мохнат вложили всю свою душу. Мы дальше продолжим работать над ними, так что не забывайте про нас. Ну и до встречи на других фронтах наших проектов.

Дело было одним зимним вечером… Элберет

Moxnat

Привет всем!

Не особо заморачиваясь с писаниной кучи слов, просто хочу показать вам обыкновенный наш чат в скайпе, где обсуждаем ход работы над томами.

Дело было 10.02.2015, когда арк закончил свой 5-й круг и написал послесловие.

[2:18:21] Moxnat: шо значит цундере-эдитора?
[2:18:24] arknarok: ты это
[2:18:31] arknarok: сначала цун-цун
[2:18:36] arknarok: а в глубине души дере-дере
[2:18:43] Moxnat: мм?
[2:18:55] arknarok: это то как ты редачишь короче
[2:18:58] arknarok: жалуешься, мнешься
[2:19:09] arknarok: а потом делаешь хорошо и на совесть)
[2:19:29] Moxnat: эм…
[2:19:34] Moxnat: а связь с цундере?
[2:19:55] arknarok: ну так прямая
[2:20:10] arknarok: цундере тоже сначала не хотят искренне что-то делать
[2:20:13] arknarok: а потом их пробивает
[2:20:24] Резель: ващет цундере тут я
[2:20:32] arknarok: ты хренпоймикто
[2:20:39] Резель: бунатебя
[2:20:42] Moxnat: хм, я никогда не говорил что не хочу что-то делать
[2:20:45] Moxnat: я говорил что мне лень
[2:20:50] Moxnat: и жалуюсь на чертовы ирасты
[2:20:50] Soundwave: нползцлвзфрезе-нян
[2:20:51] arknarok: ну офигеть разница!
[2:21:00] Резель: Не то чтобы я не хотел становитсья эдитором… ну ладно, только один скан!
[2:21:02] Moxnat: но это не поведение цундере же

[2:21:04] arknarok: с моей точки зрения это одно и то же
[2:21:07 | Изменены 2:21:08] arknarok: поэтому цундере
[2:21:16] Soundwave: с моей тоже
[2:21:30] Moxnat: рез
[2:21:34] Moxnat: как я и говорил
[2:21:40] Moxnat: они ничего не понимают в эдите
[2:21:46] arknarok: да
[2:21:54] Резель: йес, Резель нян-нян думает так же!
[2:22:24] Soundwave: короче эдить и дорисовывай
[2:22:37] Moxnat: это одно и тоже по сути саунд
[2:23:14] Soundwave: на мой взгляд эдит без дорисовывания — мыло
[2:23:50] Moxnat: (facepalm)
[2:23:54] Soundwave: короче говоря. Забей на меня и делай добротно. Но только не надо этого "и так сойдёт", как с той чбшкой с вратами
[2:24:07] Moxnat: мм?
[2:24:14] Moxnat: и так сойдет
[2:24:23] Soundwave: пля
[2:24:30] Soundwave: мыло всюду! оно в моих глазах!
[2:24:55] Moxnat: ты же сам можешь дорисовать
[2:25:00] Moxnat: ты тоже освоил пейнт
[2:25:06] Soundwave: но это не моя работа
[2:25:08] Soundwave: а твоя
[2:25:19] Soundwave: дай мне индекс с щитом переводить
[2:25:23] Moxnat: ты понимаешь как мне тяжело клинить в пейнте?
[2:25:31] Soundwave: у тебя фш есть!
[2:25:41] Moxnat: я не умею им пользоватся
[2:25:53] Moxnat: только кисточкой немного рисую
[2:26:01] Moxnat: ты думал почему я всегда прошу помощи реза?
[2:26:02] Soundwave: да щас, поверил я, что ты все ниты и топазы в пейнте лепишь
[2:26:12] Moxnat: это делает рез
[2:26:12] Soundwave: кыш, тролина недоделанный
[2:26:20] Soundwave: ой всё
[2:26:36] Moxnat: "ой все" это уже баян
[2:26:44] Soundwave: ой всё
[2:26:51] Moxnat: ой не все
[2:29:35] Резель: 2:0, Мохнат ведет
[2:29:54] Soundwave: Ой фак, чо я щас видел! сук, это ****** какой-то
[2:29:59] Soundwave: открыл пятую серию гуля

[2:30:10] Soundwave: а там ЦЕНЗУРА МЫЫЫЫЫЛОООООООМ!!!!!!!!!!!!!!!
АА
[2:30:30] Резель: фил дзе пейн
[2:30:36] Soundwave: ай фил
[2:30:42] Moxnat: мыло…
[2:30:46] Soundwave: [2:29] Резель: < < < 2:0, Мохнат ведет < < <а я с ним не сражаюсь. Я ой всё.
Ну, как-то так. До встречи в следующем тому.
П.С. да я слишком ленив.
П.С.С. а аниме мне так и не посоветовали нормальное.
П.С.С.С. советуйте мне аниме.
П.С.С.С.С. ну пожалуйста…

notes

Примечания

1

Lightning Cyan Spike, Грозовой Цианновый Шип.

2

Речь идет о Миядзаки Масахиро.

3

Laser Lance (Хару произносит через А), Лазерное Копьё.

4

Cyan Blade, Циановый Клинок.

5

Flying Knucklehead, Летучие Болванки.

6

В древнегреческом театре: второй из трех актеров, исполнитель неглавных ролей (Источник: Яндекс. Словари). Утай здесь действительно использует специфический театральный термин.

7

Вот уж действительно, старой. Это отрывок из одной из песен «Рёдзин Хисё», сборника классических японских песен эпохи Хейан (VIII–XII столетия), составленного в конце XII века. Перевод (если он вообще есть) искать было лень, так что этот отрывок я перевел сам.

8

Heavenly Stratos, Небесное Сплетение. Сделаю небольшую заметку на тему названия. В нем используется интересный иероглиф 叢, означающий «заросли», «сплетение» и который используется (в том числе здесь) в слове 叢雲. Буквально это «облачная гряда» или «сплетение туч». Это слово выражает причудливо и сложно переплетающиеся друг с другом облака в небе (особенно перьевые, напоминающие по форме взмахи клинка).

9

Light Speed, Скорость Света.

10

Starburst Stream, Стремительный Звездопад.